

Надежда ЖИРКОВА

ХРУСТАЛЬНЫЕ ГРАНИ

*Повести
Книга третья*

«Мини-Тайп»
Ростов-на-Дону
2024

ББК 84(2Рос-Рус)
Ж-73

Жиркова Н. Н.

Хрустальные грани. Повести. Книга третья. Ростов-на/Д: издательство ООО «Мини-Тайп» — 2024 г. — 112 с.

Кандидат в члены СП России с 2020 г. Родилась 12.08.1954 г. в селе Семибалки Ростовской области, проживает в г. Ростове-на-Дону. Первые публикации стихов были в газетах «Жизнь», «Приазовье». Печаталась в альманахах: «Спутник», «Современник». Слушатель литературного семинара при РРО СП России, член ЛТО «Дон» и «Ростсельмаш». Автор книг: «Во имя жизни», «Бабушкины рассказы», «Вдохновение», «Хрустальные грани», «Клятва».

ISBN 978-5-98615-585-2

© Жиркова Н. Н., 2024 г.
© Издательство ООО «Мини-Тайп», 2024 г.
© Копировально-издательский центр «Тональ», 2024 г.
© Обложка — Жиркова Н. Н., 2024 г.

Женькины рассветы

Повесть

1. Егоза

— Доченька, ты уже взрослая. В школу будешь ходить одна. Хорошо? — мать уговаривала свою дочурку-первоклассницу. — Но только по тротуарам, здесь всего-то два шага. По глухим тропинкам, за огородами не ходи. У меня работа, ждут маленькие телята. Давай, я тебе в косички вплету красивые белые банты. Мы наденем форменное платье и белый кружевной фартук. Ты теперь ученица. Вот и портфель на стуле. Проверим, всё в него сложила?

Дочь пропускала мимо ушей эти наставления. Она рассматривала отражение в зеркале.

— Да, мама! Хорошо мама! Я поняла мама! — повторяла раз за разом одни и те же фразы.

Ей нравилась та симпатичная девочка в зеркале, и не верилось, что эта девочка и есть она сама — Женя. Полубовавшись ещё некоторое время собой, подхватила портфель, поцеловала в щеку мать, выскочила из комнаты на крыльцо и налетела на женщину с цветами в руке.

— Доброе утро, тётя Валя! А я в школу! До свидания, тётя Валя! Я спешу.

— Осторожно, егоза! — воскликнула Валентина, еле успев отскочить от двери. — Женька, куда мчишься, как угорелая? Постой, дай я тебя хорошенько рассмотрю.

Она попыталась задержать девочку на минуту.

— Хороша! Держи ромашки, это тебе от меня подарок. Да смотри, учительницу слушай, и мать с отцом не забывай.

Женя в знак согласия кивнула бантами, не дослушала до конца наставления, сбежала с крыльца и осторожно прикрыла за собой калитку. Мать Жени вышла на крыльцо и, увидев разочарованную соседку с букетом ромашек, устало усмехнулась.

— Убежала? Душа болит за неё, но учительница Полина Ивановна не разрешает провожать. Говорит, что нужно воспитывать самостоятельность. Прошла неделя с начала учебного года, а я ночами не сплю. Приходит Женька из школы,

чисто шахтёр. Где она бывает, что делает по дороге, ума не приложу. Как партизан, на расспросы не отвечает.

— Вот и цветы не взяла! — сокрушалась Валентина. — Поставь в вазу.

Соседка протянула Жениной матери букетик белых ромашек.

— Вихрем пронеслась мимо, чуть с крыльца не столкнула, словно за ней свора бездомных собак гналась. Юла, а не девка! Ромашки расцвели, думаю, подарю соседке, а она на них даже и не взглянула.

— Вот и я о том же, — задумчиво проговорила мать Жени, — всё какие-то тайны! Несмышлёная ещё она у меня, пичужка семилетняя. Решила я пойти за ней незаметно и проследить.

— Ты лучше прислушайся к совету учительницы. Полина Ивановна знает, что говорит, не одно поколение воспитала. Хотя Женька у тебя девочка шустрая, но послушная, жалостливая. Её все животные в посёлке обожают! — старалась успокоить мать девочки соседка Валентина.

Женя, размахивая новеньким портфелем, быстрым шагом шла по улице. Соседка баба Таня, издали увидев её, направилась навстречу с кулёчком в руке.

— В школу? А в портфеле что?

— Прописи, карандаш и букварь! — громко отчиталась Женя, не останавливаясь ни на минуту.

— Погоди, гостинец тебе приготовила, яблочки нынче сладкие да сочные.

— Я спешу, бабушка Таня, вечером возьму.

Баба Таня удивлённо смотрела ей вслед.

— Вот егоза! Просто ураган!

Женя завернула за угол соседского дома, на секунду остановилась, оглянулась на бабушку с яблоками и побежала дальше.

Входная дверь в классную комнату очень туго открывалась, но Женя, приложив усилие, приоткрыла её и просунула голову. Она увидела учительницу за столом и одноклассников, усердно склонившихся над тетрадками. Ей даже почудилось, что услышала, как скрипят карандаши по бумаге. У Жени в груди гулко затрепетало сердце и убежало в пятки, она замерла на месте. В этот момент на неё с любопытством смотрели тридцать пять пар глаз.

— Здравствуй, Женя! Можно узнать, где же ты сегодня была? Звонок прозвенел полчаса назад. Замечу, сегодня ты выглядишь лучше, чем вчера.

Учительница внимательно посмотрела на опоздавшую ученицу. В классной комнате прошелестел лёгкий смешок.

— Банты развязаны, фартук с грязными пятнами, туфельки твои почему-то мокрые и тоже грязные, хотя дождь нам сегодня синоптики не обещали. А руки! Ты в шахте работала, уголь добывала, или картофель помогала убирать?

Полина Ивановна подошла к Жене и завязала банты, из волос вытащила листики шиповника.

— Наблюдая за твоим поведением, я решила, что сегодня после уроков пойдём домой вдвоём. Мне интересно знать, кто это заставляет тебя так работать?

— Правда?! — воскликнула Женя.

Её большие выразительные глаза наполнились радостью, в них заплясали зелёные искорки, она восторженно смотрела на учительницу.

— Я обязательно покажу вам маленького бычка с беленькой звёздочкой во лбу, он там, на лужку, привязан за верёвочку. Язычок у него мягонький и шершавый. Рожки ещё не выросли — махонькие-махонькие, мне удалось их найти! А рядом с ним растёт огромный куст шиповника, только ягоды пока не созрели, язык кусают. Я пробовала. В траве много много кузнечиков с разноцветными штанишками, они такие красивые, но поймать их я так и не смогла! Трава очень густая! — разочарованно воскликнула ученица.

— Бантиком я зацепилась за куст, — Женя виновато улыбнулась, — у тропинки, по которой я хожу в школу, разросся куст маслины. Вот этими ягодами я нечаянно испачкалась. Они вкусные, сладкие, от них руки липнут. Но это ничего, правда?

Женя посмотрела на учительницу и покраснела, оглядела свой уже не белоснежный фартук, печально вздохнула, опустила глаза, а длинные, густые ресницы придали её лицу какую-то таинственность.

— Мы с мамой постираем.

Она вновь печально вздохнула, но что-то снова вспомнила и радостно продолжала:

— Рядом со школьным двором привязали двух маленьких козлят. Недалеко стояли ведёрки с водой, но козлятам дотя-

нуться до воды сложно. Вот я их немножко попоила и испачкала туфельки.

В классе стояла тишина, пока Женя перечисляла все свои похождения.

— Хорошо, вот теперь мне понятно! — строго проговорила учительница. — Прошу тебя поставить портфель на свою парту, и ещё — пойди, вымой руки и умойся. Как я уже сказала, после уроков мы пойдём домой вместе, и ты покажешь мне и кузнечиков, и козлят, и бычка.

Все ученики повыскакивали вдруг со своих мест и окружили Полину Ивановну с Женей.

— Полина Ивановна, возьмите и нас, и мы хотим тоже посмотреть! — закричали они дружно.

Учительница немного растерялась, но, успокоив расшалившихся воспитанников, обняла свою непоседу-ученицу.

— Вот, Женя, ты своими приключениями заинтересовала весь класс. Ради того, чтобы мои ученики приходили в школу к первому звонку, придётся провести незапланированную экскурсию по местам твоих прогулок.

2. Задание на лето

Рано утром среди кустарников садового участка мелькнула фигура подростка и затерялась под раскидистыми ветвями молодой яблони. В тот же миг хрупкая, ранняя тишина утра нарушилась криками сорок и галок, охранявших гнёзда на верхушках деревьев. Странная личность, не обращая внимания на птичий переполох, пробиралась между фруктовыми деревьями в сторону дома. Под пронизывающими потоками восходящего солнца сад благоухал, насыщенный ароматами роз и яркими красками цветов на клумбах. Садовые дорожки старательно вымощены битым кирпичом, стволы деревьев подбелены. Старая груша закрывала раскидистыми ветвями фасад дома от постороннего взгляда. Сочные, но ещё не совсем зрелые плоды подставляли свои блестящие бока робким солнечным нитям.

Незванный гость проворной ящерицей взобрался на дерево и, затаившись среди листвы, занял наблюдательную позицию. С этой высоты через раскрытое окно хорошо просматривалась одна из комнат дома, и отчётливо было видно, как

девочка лет двенадцати прихорашивалась перед большим зеркалом.

Она периодически гладила руками оборки своего нежно-голубого ситцевого платья, кружилась, корчила рожицы. Выглядела счастливой, на её лице сияла очаровательная улыбка.

Светло-русые волосы заплетены в косы с огромными бантами под цвет платья. На ногах — белые нарядные туфельки.

Она подошла к окну, отодвинула занавеску и стала всматриваться в крону груши. Её озадачили крики птиц. Напротив окна, среди густой листвы, кто-то прятался. Девочка медленно, не отводя взгляда от раскрытого окна, попятилась к входной двери. Рядом с её любимым зеркалом — книжная полка с тумбочкой, на ней небольшая стеклянная ваза. Девочка, не раздумывая, схватила вазочку и бросила в окно. Другой рукой спешила найти за спиной дверную ручку, чтобы выбежать из комнаты и позвать на помощь. Уже схватившись за неё, услышала стон, и звон разбитого стекла.

«Странно, — мне показалось, или действительно — стон? Кто-то свалился с дерева?» — подумала она. Пересиливая страх, вернулась к окну и поняла, что это не опасный преступник, а самый вредный мальчишка их класса, из-за которого у неё часто были неприятности — большие и маленькие. Одноклассник Вовка уцепился двумя руками за ветку, повис. Девочка выскочила из комнаты. Пробегая через кухню мимо удивленной матери, которая готовила завтрак, — схватила табуретку и бросилась в сад. Благодаря её помощи мальчишка благополучно спустился на землю. На лбу у него вздулась огромная тёмно-красная шишка. Разглядывая его лоб, — возмутилась странным поступком.

— Вовка! Ты снова ворует груши? Они же зелёные! Мало тебя за уши таскали? Созреют, мама сама тебя позовёт и вкусным пирогом угостит.

Вовка, нахмутив брови, почесал шишку на лбу.

— Метко в цель бьёшь. Не жалко вазочку? Мать не одобрит. Нужны мне ваши червивые груши! Ты совсем забыла, что нам приказала сделать учительница по зоологии? Скоро в школу, лето закончилось, а задание мы с тобой не выполнили, лягушку не засушили. Ты, Женька, всё перед зеркалом вытанцовываешь, гримасничаешь, как маленькая.

Женя удивлённо воскликнула:

— А я здесь при чём? Есть мальчишки в классе, их и зови. Я ловить не буду. Жалко лягушек убивать... Да, у меня пла-

тье новое, мама пошила. Посмотри, какое красивое, нарядное. А папа из города туфельки привёз, лаковые, белые! — она выставила ногу вперёд.

Вовка соорудил гримасу:

— Платье, как платье! Что в нём необыкновенного? Но тебе идёт, ты в нём — кинозвезда! — И он осторожно потрогал шишку.

— Пойдём скорее к заброшенному колодцу, пока мать твоя меня не застукала. Не могу забыть её цепкие пальцы, и уши до сих пор горят сами по себе огнём. Только вазочку необходимо зарыть.

Заговорщики, уничтожив «улики», поспешили незаметно скрыться с «места преступления». Они резво, без остановки пробежали через весь посёлок на пустырь к заброшенному колодцу.

В двух шагах от него росла высокая, ветвистая акация. Тень её кроны полностью закрывала это старое сооружение от солнечных лучей. Колодец сложен из камней известняка, потемневших и потрескавшихся от времени. Деревянные балки, когда-то служившие для подъёма воды, наполовину сгнили, некоторые вообще превратились в труху и упали на дно. Там, внизу, всегда сыро и темно, а густой, застоявшийся ил издавал неприятный запах. Откуда и как в колодце появились лягушки, даже старожилы посёлка не помнили. Эти зелёные бестии с утра до ночи распевали свои песни на разные лады. Чем они питались, тоже не понятно. Односельчане обходили «заповедник» стороной, жалели лягушек, не засыпали колодец.

Женька с Володькой, еле переводя дыхание, остановились под тенью акации. Мальчик наклонился, посмотрел вниз и продолжал разговаривать с Женькой.

— Достать их невозможно, в ведро они же сами не заскочат! Придётся одному из нас лезть туда. Я вот и верёвку заранее подготовил. — Он вытащил из-под камней большой жгут тонкой крепкой бельевой верёвки.

— Могу я, но ты меня не удержишь, значит, полезешь ты.

Женя в ужасе отскочила от тёмной, зловещей ямы.

— Ты сумасшедший, я их боюсь, они мокрые, скользкие, от них на руках бородавки бывают. Нет и нет, не уговаривай. Да и платье и туфельки испачкаю.

Вовка с презрением сплюнул на землю.

— Эх ты, девчонка, мамочкина доченька, и зачем я только с тобой связался. Туфельки, платьице! — передразнил. — Трусиха!

— Я трусиха, это ты говоришь мне?

Девочка подошла к краю колодца и посмотрела вниз. На небольшом выступе в стенке, прямо перед ней сидела большая жирная лягушка. Она то открывала глаза, то закрывала и, вероятно, думала, что никто её не тронет, не чувствовала опасности. Женя оглянулась на одноклассника и уверенным голосом приказала:

— Держи за ноги, но только крепко!

Володька с усердием, не умолкал ни на секунду, давал подсказки:

— Хватай первую попавшуюся и выкидывай из колодца. Не дрейфь, они смирные.

Женя изловчилась, лихо подхватила толстую, глазастую квакушку за переднюю лапку, преодолевая брезгливость, бросила через плечо. За спиной послышался увесистый шлепок и дикий визг Вовки.

Девочка осознала, что её больше никто за ноги не держит, и она летит в колодец вниз головой. Плюхнувшись в зловонную жижу, вскочила, посмотрела вверх, ей видны были только стенки из камня да маленький кружочек голубого неба. Лягушачий хор затих, и жители колодца вдруг куда-то мгновенно исчезли.

Где-то там, наверху, промелькнула Вовкина стриженная голова.

Женя попыталась лезть по стене, но ноги скользили, известковая кладка при малейшем прикосновении рушилась. Отчаяние проснулось в душе, когда она поняла, что без посторонней помощи не выбраться. Страх не давал сосредоточиться, плотным комом расширялся, перехватывал дыхание.

— Видишь верёвку? Лови. Я её хорошо закрепил, обмотал вокруг колодца, и оставшийся конец привязал к дереву. Не дрейфь, держись, сейчас подмогу приведу, вытащим, — крикнул Володька и убежал.

Женька ухватилась за конец спасательной верёвки, подтягиваясь на руках, медленно, но уверенно лезла вверх. Выбравшись, села на землю, опёрлась спиной о холодные камни, вытянув дрожащие ноги, опустила на них уставшие руки, подула на стёртые до крови ладони. Отрешённым взглядом осмотрела своё новое и такое красивое платье, каким оно

было ещё с утра, — и каким теперь стало! Не только платье, но и она сама, вся, с ног до головы перепачкана болотной грязью.

Платье, конечно, пострадало сильнее, снизу на юбке зияла огромная дыра. Банты развязались, — грязные, мокрые, — висели, напоминая лохмотья. Босые ноги — в царапинах и по колена покрыты липким илом. Белые красивые туфельки остались на дне колодца.

Недалеко от неё, у ствола акации сидела злополучная старая лягушка и тарасила на Женьку свои выпученные глаза. Они какое-то время молча смотрели друг на друга. Должно быть, лягушка была очень возмущена наглým поведением глупой девчонки, при этом сердито раздувала щёки. Потом развернулась и демонстративно попрыгала прочь. Женя в душе пожалела её. Она злилась на себя. Обидно до слёз, что вновь оказалась в глупой ситуации из-за Вовкиных затей.

Закрыв глаза, сидела, набиралась сил. Солнце давно уже стояло в зените. Со стороны посёлка до неё доносились крики и нарастающий отдалённый шум. Она без каких-либо эмоций посмотрела в сторону дома, опустила голову на грудь и глубоко вздохнула. Никакого желания с кем-то встречаться в данный момент не испытывала.

Первой Женя увидела маму, которая бежала к ней, опередив всех.

3. Лепестки первой любви

Сквозь сладкий утренний сон Жене послышался жуткий скрежет. Открыв глаза, прислушалась, медленно натянула одеяло до подбородка, и осторожно выглянула. Свежий утренний ветерок раскачивал кисейные занавески, створки окна раскрыты настежь. От страха холодный пот выступил на лбу. Снова спряталась под одеялом и постаралась унять гулкие удары сердца: было очень страшно. Прислушалась, — часы на тумбочке у кровати монотонно тикали. Осторожно, с опаской выглянула ещё раз из-под одеяла.

На полу у раскрытого окна, в стеклянном трёхлитровом баллоне, стояли гладиолусы. На тонких длинных стеблях узкие листья торчали острыми шпагами. Роскошные, ярко-розовые, гофрированные бутоны очаровывали нежностью.

Девочка сбросила одеяло, стараясь не шуметь, на пальчиках подошла к окну, выглянула на улицу. Утренний дождик

слегка намочил землю, и под окном чётко отпечатались следы босых ног.

Гладиолусы успели искупаться под дождём, насытиться влагой, перед тем как их сорвали. Она подняла цветы вместе с баллоном и залюбовалась яркими бутонами, наслаждаясь терпким ароматом. И вдруг острая мысль мелькнула в голове:

«Как эти цветы похожи на те, что растут в саду соседки тёти Вали! — Это мог сделать только один человек — Вовка. Вчера вечером загадочно твердил о каком-то сюрпризе. Украд и принёс мне в подарок», — подумала и ужаснулась.

С баллоном в руках она заметалась по спальне, лихорадочно соображая, куда убрать такой опасный подарок. Попыталась запрятать в платяном шкафу, но цветы с длинными ножками не помещались. Решила положить на кровать и прикрыть одеялом, и только успела вытащить из баллона, как открылась дверь и в комнату вошла мать. Женщина увидела странную картину: дочь, ещё не одетая, в ночной сорочке, но с букетом гладиолусов в руках растерянно металась по спальне из угла в угол.

— Доченька моя, где ты их взяла?

Женька как будто лишилась дара речи, она пожимала плечами и молча показывала глазами на окно. Женщина подошла к окну, отодвинула занавеску, и всё сразу поняла.

— Это Вовка, твой одноклассник шалит? Где и у кого он утащил?

Девочка продолжала молчать, пожимая плечами и пряча глаза.

— Ты что это, воды в рот набрала? Заговорщики! У соседки Валентины украли? Я видела такие же цветы в её саду. Ох, сорванцы, натворили дел!

Мать запнулась на полуслове. С улицы раздавались звуки шагов и грозные крики соседки. Через пару минут она ураганом ворвалась в их дом и позвала Женю.

Девочка снова заметалась по комнате. Красивые цветы жгли ей руки. Она лихорадочно искала место, куда их спрятать. Подбежала к раскрытому окну: единственная мысль, возникшая в этот момент, — выбросить желанный сюрприз. Мать успела перехватить букет.

— Ты что, совсем с ума выжила, такую красоту и — на землю? Будь, что будет, сейчас всем нам достанется. Валентина ухаживала за ними всё лето, а вы ей в душу плюнули.

Соседка резко открыла дверь и, тяжело дыша, замерла у порога.

— Вот они, мои голубушки, мои красавицы, — запричитала, протягивая руки к букету.

— Как умудрились сорвать, когда? Ведь я с них глаз не сводила. Собаку привязала поближе к клумбе, но всё равно не уберегла. Чувствовала, что школьники обязательно покражу сотворят, проходу не давали, выпрашивали.

Она отобрала у девочки букет, устало опустилась на девичью кровать, внимательно просматривая каждый цветок.

— Молодцы, срезали правильно, значит, луковицы не повредили; выкопаю, пересажу, и на следующее лето новые вырастут. Это же гладиолус душистый, очень редкий вид.

Она с трепетом продолжала рассматривать розовые соцветия, и глаза её излучали добродушие и нежность. Через некоторое время успокоилась, удивлённо посмотрела на девочку и её мать.

— А вы что такие мрачные, что-то случилось? Женька расчёпанная, в ночной сорочке, — школьная форма ещё висит на спинке стула! На торжественную линейку не опоздаете, ведь праздник, первое сентября?

Потом Валентина посмотрела ещё раз на букет, словно что-то вспоминая.

— А, так это ты сорвала, и у меня разрешения не спросила. Получается, украла? А я хотела их тебе подарить, — она кивнула головой в сторону девочки.

— С утра пошла в сад, смотрю, пусто. Приметила следы от босых ног и сразу поняла, куда они ведут. Видела, как она часами стояла у забора моего сада, а моя собака — ей лучший друг. Эх ты, удумала воровать! Как в школе-то узнают, стыдно будет, на всю жизнь пятно, не отмоешься.

Лицо Жени стало багровым от таких страшных слов. Она закрыла его руками и упала рядом с соседкой Валентиной на свою кровать, залилась горькими слезами.

— Не рвала я ваших цветов! — еле выговорила сквозь слёзы.

— Не брала, я бы не смогла!

Мать кинулась успокаивать любимую дочурку, но та ещё сильнее рыдала и твердила:

— Это не я, это не я.

Соседка поднялась с кровати, снова поставила букет в баллон на полу у окна, отодвинула занавеску, выглянула в сад и обняла Женьку, прижала к себе.

— Зачем так надрывать сердце, смотри — золотая слеза выкатится. Прости меня, родная! Конечно, это не ты. Я догадываюсь, кто это сделал и рада такому повороту событий. Правда, рада!

Женя перестала плакать, но, продолжая всхлипывать, переглянулась с матерью.

— Что вы на меня удивлёно смотрите? Ведь он старался преподнести тебе подарок в честь нового учебного года? Так? Сорванец ещё не понимает, что украденное радости не приносит, от него только боль и разочарование. Но мы всё исправим, — пообещала соседка. — Женька, гладиолусы твои по праву, желаю, чтобы эти цветы принесли тебе удачу в новом учебном году, а слёзы оставь на потом. Их в жизни будет немало. Да, красивые цветы, подаренные мальчиком, — двойная радость. Маленький паршивец старался, как мог, и я его прощаю и уважаю. Молодец, собаки не испугался, хозяйку «одурачил». — При этом глубоко вздохнула. Ещё раз обняла девочку и весело подмигнула матери.

— Меня не проведёшь, сама была такой когда-то! — Её лицо вдруг озарила загадочная улыбка. — Однажды проходила мимо местного магазинчика, где всегда пристраивались продавцы всякой дребедени — семечек, цветов, зелени с огорода. И там увидела странные луковицы по форме трюфельной конфеты. Мне покойный муж к празднику Восьмого марта такие конфеты в красивой коробочке в подарок привозил из города. Рядом с каждой кучкой луковиц стояла яркая цветная фотография цветка, который вырастет потом из этой луковицы. Я поинтересовалась, откуда к нам такая диковинка прибыла. Всезнайка-продавец рассказал одну древнюю легенду:

В прежние времена войны были делом привычным, и в небольшое селение нагрянули враги, надеясь захватить врасплох своих противников. Многих они пленили, но старейшине жители помогли скрыться, предварительно спрятав от захватчиков главные ценности общины. Врагам всё же подвернулась удача, они поймали юную дочь старейшины. Издевались над девушкой, пытали. Хотели выведать тайну, где скрывается отец с сокровищами. Только она не сказала своим мучителям ни слова. Изверги решили казнить несчастную

на глазах у земляков. В этот миг случилось чудо: лезвие меча, даже не успев коснуться шеи девушки, превратилось в прекрасный цветок с пурпурно-красными бутонами. Увидев этакое диво, захватчики затрепетали, поняли, что своими действиями разгневали богов. И спешно покинули разорённое селение, но при этом сохранили смелой пленнице жизнь. Вот так, моя дорогая: гладиолус — это символ верности и стойкости.

И я решила: пусть такие же благородные цветы растут и в моём саду. Могу, Женя, с тобой поделиться, потому что ты верный друг. Сразу поняла, кто принёс и откуда взял. Я права? С тобой можно идти в разведку, не предашь. Так оценивал людей мой покойный муж. Слезами умывалась, но одноклассника не выдала. Гладиолусы проверили сегодня тебя на стойкость, и хоть доставили и огорчения, но — и трепетную радость.

— О, господи, соседушки вы мои родные, так и будете сидеть, и глазеть друг на друга? На часы посмотрите! — воскликнула Валентина. — Мать, наряжай дочку-красавицу в школу. Пусть все любят её, и цветами!

Женя с матерью обняли соседку. Они некоторое время стояли втроём в спальне, прижимаясь друг к другу. Мать Жени весело предложила:

— А давайте вечером дружно соберёмся у нас в саду, стол накроем и отметим этот первый день знаний. Я испеку пирог, обязательно пригласим нашего героя Вовку, ведь благодаря этому сорванцу мы узнали, какая замечательная женщина живёт рядом с нами. И ещё кое-что, — она с лукавой усмешкой посмотрела на дочь.

Женя засмушалась, прижалась к материнскому плечу разгорячённым лицом, а на щеках предательски засияли нежным розовым цветом лепестки первой любви.

4. Цветы солнца

Входная деревянная дверь, тяжело скрипя, открылась, и в сени вместе с огромным облаком пара втиснулся человек. Он был в меховом полушубке с распахнутыми полами, на казацких усах серебрился иней. Из-под кубанки выбивался чуб, густо припорошенный снегом. Его округлое лицо с упрямым подбородком покраснелось. Мужчина облегчённо вздохнул

и стал отряхивать с себя целые пласты прилипшего снега. Ему на встречу вышла девочка и возмущённо воскликнула:

— Папка, быстрее снимай свою шубу и валенки, вокруг тебя море из луж. Ты такой смешной, чисто Дед Мороз из леса пожаловал. Двери скорее прикрой сильнее, снег забивается в сени.

— Женька, что творится на улице! Вьюга разыгралась не на шутку. Ветер ураганом кружит, я мужик и то с трудом смог удержаться на ногах от его порывов. А какие сугробы намело по дорогам! Не пройти и не проехать, а вы в тепле сидите, хитренькие! Вот вам, ученикам, неожиданно повезло, новые выходные. Завтра точно в школу не пойдёте. Непогода не один день будет бушевать. Все жители посёлка по домам сидят и носа на улицу не показывают. Я даже лошадь оставил на колхозном дворе. Пока шёл домой, ни одной живой души не встретил. Хорошо, поселковые электрические фонари мне дорогу освещали. Даже собак не слышно, в конуру попрятались.

Дочь слушала его и улыбалась.

— Какой ты сильный и храбрый! — воскликнула она, и на её лице вспыхнула озорная улыбка.

— Что улыбаешься, не веришь? А мать-то где?

— Мама ещё не вернулась с работы, хотя время вечерней дойки уже давно прошло. Наверное, из-за метели задержалась!

Лицо отца стало серьёзным и озабоченным.

— А я ей подарок принёс. Помнишь, какой завтра день? На вот, возьми, — он расстегнул меховую безрукавку и вытащил оттуда большой цветной кулёк.

Женя его бережно взяла и положила на кухонный стол, развернула, охнув, присела на скамейку.

— Папка, ты где их взял?

Отец ей хитро подмигнул:

— Знаем места! Это подарок нашей маме, но самое главное, цвет жёлтый — её любимый. Я специально ездил к Дмитричу, помнишь того добряка, который тебя на прошлой неделе так лихо на тройке прокатил? У него тепличное хозяйство. Посмотри, не примёрзли?

Букет из жёлтых тюльпанов лежал перед ней. Ярко-жёлтые бутоны, обрамлённые белой ажурной бахромой, очень похожи на лучики солнца. Длинные стебли прикрывались сочными, тонкими, тёмно-зелёными листьями.

— Папка, я же говорила, ты волшебник! Только лукошка не хватает, костра и всех двенадцати месяцев. Мама очень обрадуется такому подарку.

Девочка с восхищением обняла отца и поцеловала в щеку:

— У, дымищем пропах!

— Смотрю на тебя и удивляюсь, — шутливо похлопал дочку по щеке отец, — четырнадцать годков стукнуло, а всё по сказкам живёшь. Жизнь, Жека, сложная штука. Скоро женихи в двери постучат, а ты всё в облаках витаешь: двенадцать месяцев, Дед Мороз!

Что-то мать долго задерживается! Пойду-ка её встречать. Слышишь, как вьюга завывает диким зверем.

Женя не желала в этот вечер думать ни о чём другом, кроме этого сказочного букета. Необыкновенный подарок вызвал в её душе новые, волнующие, непонятные чувства. Она нежно гладила каждый бутон, и ей очень хотелось сказочных чудес.

— Замечательный подарок, ты, папка, знаешь, чем порадовать нашу маму в её день рождения, — прошептала она. — Мама мне всегда говорила, что каждый тюльпан жёлтого цвета похож на маленькое солнце. Вот они снежной зимой, в холодную стужу и ворвались в наш дом. Жаль, что вскоре завянут. Пусть на мгновение подарят нам всем тепло весны.

Женя взяла в руки букет и нежно прижала к груди.

Она не услышала последние слова отца, даже скрежет открываемой промёрзшей входной двери не отвлек от поэтического настроения. Отец ушёл в ночь, в метель.

Томительно потянулось время. Ей не терпелось узнать, почему так долго нет родителей. Женя чувствовала себя одиноко. На душе тоскливо, даже тюльпаны не радовали, как прежде. Неожиданно погас свет, и Женька оказалась в крошечной темноте. В печке искорками блестели раскалённые угольки. Ветер пытался сорвать ставни, кружил в верхушках деревьев, завывал за стенами дома.

Девочка зажгла керосиновую лампу, комнату осветил слабый язычок пламени. Поставила тюльпаны в мамину любимую вазу и оставила здесь же, на кухне, на обеденном столе. Женя подошла к окну, но ничего не смогла разглядеть. Мороз хорошо потрудились, разукрасив стёкла замысловатыми узорами. Подула на стекло, появилась маленькая проталинка. Там, за окном было очень темно, стояла непроглядная мгла.

Сквозь завывание ветра слышалось кряхтение веток груши в саду. Они изредка из-за порывов ветра стучали в окно.

Входная дверь от удара резко открылась, и отец внёс на руках обмякшее, засыпанное снегом, тело матери. Её руки казались безжизненными.

Отец уложил мать на кровать. Осторожно стал снимать примёрзшую одежду. Охрипшим, словно простуженным голосом он то просил дочь принести бутылку самогона из чулана, то нагреть воды. Девочка машинально выполняла все поручения, и до её сознания ещё полностью не дошло, что в их дом пришла беда. Она потеряла счёт времени, не заметила, когда в доме появился сельский врач с медсестрой. По комнатам разнёсся терпкий запах лекарств. Женя видела мать издалека, она лежала с закрытыми глазами. Ближе подойти к маме не смела, поселковый врач просил не мешать. Кухня заполнялась соседями, они всё подходили и подходили, тихо перешептывались, предлагали помощь.

Женя проснулась очень рано. Продолжала лежать с открытыми глазами, тянула время, боялась узнать правду о состоянии матери. Тревога, которая ещё вчера поселилась в её груди, с новой силой впиалась в неокрепшую душу подростка, терзала, мучила.

Женя в ночной сорочке подошла к окну, приложила ладонь к стеклу и через небольшую проталинку увидела, что метель утихла. Кусты малины и мамины любимые розы оказались под снегом. Дерево груши оделось в белую пушистую шубу, свинцовые тучи закрыли весь горизонт. А снег всё сыпал и сыпал.

Ей пришлось принять трудное решение, пересилив свои страхи, выйти на кухню.

Букет тюльпанов стоял на прежнем месте. Врач с медсестрой и соседи ушли. Отец спал, сидя за обеденным столом, подложив руки под голову.

Женя тихонько приоткрыла дверь в спальню родителей, где лежала мать. Та спала и спокойно дышала, её лицо — всё забинтованное, остались только глаза. На столике в блюдцах раскрытые ампулы, бинты, — пахло едкой мазью. Женя приблизилась к кровати, остановилась в нерешительности. Ей не хотелось будить мать, но в то же время разгоралось в груди огромное желание обнять и прижаться к ней, как в детстве. Девочка опустилась на колени перед кроватью и поцеловала

— всю в бинтах, —но такую родную руку. Сдерживая рыдания, тихо шептала:

— Мамочка, родная, не умирай. Я очень прошу, не умирай. Ты выздоровеешь. Обязательно выздоровеешь. Если бы ты только знала, как я тебя люблю!

Женя почувствовала, что пальцы на руке матери дрогнули. Она поднялась с колен и увидела улыбающиеся родные глаза. Обрадованная девочка побежала на кухню, и, счастливая, вернулась с букетом тюльпанов.

— Мамочка, смотри! Эти цветы для тебя приготовил папа, это подарок в твой день рождения. А папа там, на кухне, устал и спит. Видишь, как мы тебя крепко любим. Я верю, — жёлтые тюльпаны обязательно помогут тебе перебороть все неприятности, что с тобой произошли вчера вечером. Ты всегда мне говорила, что жёлтый цвет — это дитя солнца. Пусть тюльпаны своими солнечными лучиками согреют тебя, и мы будем жить и дальше все вместе: ты, я и папа.

Глаза матери заискрились нежностью, в них засверкали слёзы счастья.

5. Подкидыши

Школьный звонок зазвенел заливисто и громко. Двери всех классов открылись разом, и шумная гурьба детей выбежала на улицу. Лютые метели намели огромные, высокие сугробы, а мороз покрыл тонким льдом пешеходные дорожки.

Володька выбежал из школы во двор первым. Он стал искать среди школьников свою соседку и одноклассницу Женьку. Они всегда возвращались из школы вместе. Приметил впереди её белую кроличью шапочку. Она шла с подружками и о чём-то весело щебетала.

Утром трактором почистили дорогу, и вдоль улицы образовался длинный коридор снежных валков. Вовка налепил крупных снежков, спрятался за одним из сугробов, из своего укрытия обстрелял девчонок. Школьницы, не ожидавшие вероломного нападения, с криками разбежались. Только Женька решила дать обидчику отпор. Она набросилась на него, повалила на тот же сугроб, из-за которого Вовка только что выбежал. Подружки поспешили ей на подмогу, и шалунишка был повержен. Он весело кричал:

— Сдаюсь! — но одноклассницы продолжали забрасывать его колючим снегом.

— Вовка, ты сейчас похож на большой белый снеговик, и нос такой же красный. Раздразнил нас, а сам — хитренький, сразу белый флаг вывесил. Эх ты, вояка! — Лицо Жени разругмянилось. — Нас много, а ты один! Девочки, давайте, его ещё раз проучим!

Но подружки распрощались и разошлись по домам. Володька и Женя остались вдвоём. Они подобрали портфели, брошенные на снегу, отряхнули одежды и пошли по заснеженной улице, пронизанной зимними, солнечными лучами. Женя шла, молча, улыбаясь личным мыслям.

— Ты сейчас о чём думаешь? — пристал с расспросами одноклассник. — Ты какая-то странная последнее время! То загадочно улыбаешься, то ходишь задумчивая, словно что-то потеряла.

— Я думаю о маме, рада, что всё хорошо закончилось. Она потихоньку выздоравливает. Правда, обмороженные руки немножко болят, особенно ночами. Я слышу, как она не спит и жалуется отцу. Здорово, что папка её нашёл под снегом недалеко от фермы. Не прошёл мимо, увидел, спас. Мне иногда становится очень страшно от мысли: «А что, если бы не нашёл? Тогда бы у меня больше не было мамы. Представляешь, не было бы!»! От этих мыслей становится на душе холодно. Мне даже стали сниться плохие сны. Я маме не рассказываю, чтобы не огорчать. Тебе расскажу. — Она внимательно посмотрела Вовке в глаза. — Знаю, ты — могила! — На мгновение задумалась и шёпотом стала говорить ему на ухо:

— Словно я осталась совсем одна в нашем доме, а родителей укутал какой-то белый густой туман. Я кричу, хочу им помочь, зову, но они не слышат меня и уходят всё дальше и дальше, и туман поглощает их полностью. А я просыпаюсь от собственного бессилия и крика. Так громко кричу, что мама слышит мой крик в своей спальне, приходит, обнимает. И я успокаиваюсь до тех пор, пока снова не увижу этот страшный сон. Она хочет меня показать врачам. Думает, что мои крики — это нервное.

— Не думай о плохом. — Володька тронул её за руку. — Давай портфель понесу. Ведь всё уже позади! Мама с тобой. Она тебя любит! На сон не обращай внимания. Мне тоже часто снится, что я летаю. Бабушка говорит, что это я расту во

сне или буду лётчиком. Если бы и моя мама так ко мне относилась, как твоя к тебе, я бы тоже, наверно, ходил со счастливой улыбкой, как ты сейчас.

Женя удивлённо на него посмотрела.

— А разве не все мамы любят своих детей? У тебя красивая мама, правда, похожая на Снежную королеву, такая же холодная. И мне у вас бывает неуютно. Поэтому лучше ты к нам приходи. Твоя мама не работает, я знаю, она за бабушкой больной ухаживает. Счастливчик, приходишь домой из школы, а в доме тепло, для тебя приготовлен обед и даже, наверно, вкусненькое! А мне приходится самой печь топить, готовить еду. Ведь мама с раннего утра со своими подопечными. Да и руки больные, не желательно сильно утруждать. У неё на попечении двадцать маленьких теляток. Какие они славные, лобастенькие! Для неё я готова сделать всё: согреваю чай, готовлю ужин, накрываю на стол и жду. Мне трудности не страшны, я всё могу перетерпеть, и у меня сейчас так радостно на душе. Меня радует и этот солнечный морозный день, и ты — весь в снегу и с красным носом. Посмотри, как наш посёлок метель разукрасила: дома, деревья белым пуховым платком укутала. Правда, здорово, чем не зимняя сказка! Ещё радует, что — зимние каникулы и скоро Новый год.

— А ты на ёлку в каком костюме пойдёшь? — решил сменить тему разговора Вовка. — Я буду мушкетёром. Мне отец привёз маскарадный костюм из города, — он стукнул себя по лбу. — Совсем забыл, ведь тебе и костюм не нужен, ты же ведущая на школьном концерте.

— Я не хочу идти в школу на ёлку. Папа принёс из леса огромную сосну, и мы с мамой будем её наряжать. Хочешь, приходи помогать.

— Как не пойдёшь? — Володька резко остановился. — А кто же будет вести программу? Ведь все дети нашего посёлка так ждут этот праздник! Ты подведёшь ребят, учителей. Тебе доверили ответственное дело, поверили в тебя. Эх, ты!

— Надурила, надурила! — Женя закружилась вокруг мальчика и при этом задорно хохотала.

— Вот дурачок! Конечно, пойду на школьный праздник! И новое платье надену, и ты его мне больше не порвёшь! Я обожаю зимний праздник: ёлка в огнях, подарки, Дед Мороз.

Это чудо из чудес! — Она вдруг замолчала, приложила палец к губам.

— погоди, молчи! Слышишь, кто-то плачет? Похоже на маленьких котят. Странно — вокруг снег, морозно, а котята на холоде, что ли?

Они пошли на этот слабый зов и увидели у колонки, где жители посёлка часто брали воду, в коробке от обуви — двух маленьких щенков, уже присыпанных снегом. Они ещё были живы, жались друг к дружке и при этом жалобно скулили. Девочка сняла с головы свою белую меховую шапочку и уложила в неё найдёнышей.

— Бедненькие малыши, и какой же это изверг выбросил вас на улицу в такой лютый мороз умирать? — Женя бережно прижала шапку с подкидышами к груди.

— Бежим быстрее домой, пока они не умерли, — крикнула однокласснику и, не оглядываясь, рванула вперёд. Вовка с портфелями в руках не отставал от неё ни на шаг. У дома им встретилась соседка баба Таня. Она разгребала сугробы у своего двора. Её поясница обмотана большим серым платком в крупную клетку, на ногах подшитые валенки.

— Женька, что это вы, сорванцы, в шапке несёте? Никак грибов в лесу насобирали! — с усмешкой воскликнула она. — Опять где-то нашкодили?

Женя остановилась и показала ей свою находку.

— Зачем они тебе? Сдохнут! Выбрось на мусорную кучу, всякую гадость тащишь в дом. Вот матери подарок преподнесёшь! Мало ей своей болячки, а ты ещё новую заботу на её плечи кладёшь. Нет у тебя ни жалости, ни понимания. Дети, дети! Растишь вас, надеешься, а вы вырастаете, уезжаете и забываете о родителях. Я вот снег сама чищу. Некому помочь. Мой сыночек как уехал в город, так и забыл про меня. Внук есть, с вами погодок, редко вижу и его. Учится в математической школе. Академиком, наверное, станет. А у меня уже и силёнок-то нет. Помогла бы мне со своим дружком, доброе дело сделала, а то дохлых щенят таскаешь.

— Я не могу, бабушка, вот так взять и выбросить, они ведь живые. Им сейчас нужно тепло, еда. Моя мама поймёт и поддержит меня. Я её лучше вас знаю. А вот Вовка вам обязательно поможет.

— Да, Вова, ты поможешь, снег бабушке Тане почистить, а потом ко мне приходи сосну наряжать. — Она посмотрела в

его глаза с надеждой, что он её поддерживает. Вовка, нахмурил брови.

— Портфель твой сейчас занесу в дом, и потом помогу, — сердито прошептал мальчик, чтобы соседка не услышала. Бабушка Таня с досадой махнула рукой.

— Иди уже с богом — помощник! Сама управлюсь. Но летом за малиной не приходи, не дам боле.

Женя с Вовкой вошли в дом. Мама Жени хлопотала у печки. Она улыбнулась дочери, и на её щеках заиграли ямочки, а лицо озарила нежная улыбка.

— Кого ещё принесла, моя ты сестра милосердия? Тебе нужно на ветеринара учиться. Будешь животных не только любить, но и лечить.

Женя развернула шапку. Глаза матери застыли от ужаса и боли. Молча, не проронив ни слова, она принесла из кладовки корзинку, постелила на дно старую детскую фланелевую пелёнку и осторожно уложила малышкой. Женя и Вовка стояли посреди кухни и наблюдали за её действиями.

— Что стоите, словно замороженные? Пальто снимайте, в доме жарко, — обратилась она к ним, — обедать будем.

— Женя, носи молоко. Сейчас согреем и накормим твоих найдёнышей. Голодные, холодные, но теперь они в тепле и среди друзей.

Девочка подбежала к матери. Крепко обняла её и, расцеловывая, приговаривала:

— Я знала, знала и верила, что ты меня поймёшь. А бабушка Таня твердила мне: «Выкинь, матери обузу несёшь». Ты у меня самая лучшая и самая добрая!

Женщина старалась успокоить дочь.

— Тише, малышкой растревожишь. Видишь, как сладко спят и даже лапками дёргают, словно бежать собираются куда-то. И как ты их назовёшь?

Мальчик, смущаясь, спросил:

— А можно и я тоже придумаю одно имя. Я хочу назвать одного из них Джеком, в честь Женьки.

Женя звонко засмеялась.

— Придумал, в честь меня называть собаку! Тогда второй будет Дружок, в честь моего друга Вовчика.

Вовка смущённо улыбался и представил, что сказала бы его мама, если бы, не дай бог, принёс он этих щенков в дом. Она бы его и на порог не пустила. Мальчику стало грустно и

тоскливо. Ведь он и отец редко слышали от матери доброе слово.

Как только Вовка открывал дверь, приходя из школы, из комнаты раздавался недовольный голос матери:

— Опять поздно пришёл? Где шлялся? Всё с Женькой Наумовой любезничаешь? Не рановато ли за девками бегать, курошуп¹ ты этакий? Кто будет бабкины вёдра выносить? Чистить снег, мыть посуду, кто это всё будет делать? Отец твой привёз на мою голову старуху. Вот уж моё наказание — этот божедурье!² И ты такой же.

Бывало, отец задерживался в рейсе, Вовке приходилось самому вести хозяйство. Он вставал рано и, стараясь не разбудить мать, топил печь, кормил бабушку.

А в доме Женькиных родителей отдыхал душой. Отец Жени — балагур и весельчак. Вовка любил, когда у них собирались соседи и устраивали посиделки. Женин отец играл на гармошке, а гости и её мама пели старинные русские песни. Дружной компанией пили чай и рассказывали друг другу интересные истории. Если бы была такая возможность, то Вовка остался бы с ними и не уходил никуда. Только переживания за бабушку заставляли возвращаться в холодный и безрадостный дом. Радовало одно, что к новогодним праздникам его отец приехал с гостинцами.

А сейчас, наблюдая эту картину нежности и понимания между матерью и дочерью, он просто радовался за свою одноклассницу. И ему тоже захотелось сделать что-то доброе, хорошее. Вовка вспомнил о соседке, о своём обещании.

— Жень, я оставлю у тебя свой портфель и помогу там со снегом. Ну, ты поняла? Я мигом.

6. Я с тобой

Было около двух часов пополудни, когда прозвучал первый удар колокола. Звук, разливаясь волнистыми кругами посреди осеннего затишья, не замедлил проникнуть в каждый дом. От этого скользящего звона взметнулись в небо стаи диких голубей и закружились в вышине. Словно сумерки заколыхались над посёлком. Чёрный дым покрывал всё пространство. С новым ударом колокола дивная сила глубоко проникала в сердца жителей. И всякий раз каждый из них вздраги-

вал и понимал, что пришла беда. Страшная весть взбудоражила односельчан.

Дмитрий Петрович, директор совхоза, на своём легендарном уазике примчался первым. Пожар выбил его из колеи. Он понимал, что срочно нужно принимать решение.

— Причину будем выяснять потом, первым делом нужно постараться спасти основные строения. Из района пожарные приедут не скоро. Одна надежда на местную пожарную «гвардию».

Он видел, что в любой момент пламя могло перекинуться на деревянные постройки фермы. Сейчас горели только боксы молодняка.

Шипящее пламя время от времени золотыми фонтанами вылетает из здания, а бездонная мгла пугливо сторонится, и светлый круг пожара увеличивается. Огонь, поднявшись вверх, рассыпается искрами. Эти искры похожи на золотых пчёл. Они жужжат, кружатся и, умирая, чёрным дождём падают на землю.

Председатель, срывая голос, старался перекричать треск, рёв пламени.

— Мужики, растягивайте как можно дальше горящие брёвна. Отсекайте пламя.

Где этот чёртов тракторист? Ты где был? — накинулся он на молоденького паренька, который убежал подальше от трактора и с ужасом вглядывался на дикую пляску огня.

— Страшно? — воскликнул председатель. — Но время не ждёт, время против нас! Давай, сынок, заводи, вспахивай землю вокруг боксов. Ты не бойся, эта машина железная, не загорится!

Но юноша не мог решиться приблизиться к трактору, на котором отражались отблески огненных языков. Дмитрий Петрович, не раздумывая, вскочил в кабину, завёл двигатель и отогнал трактор как можно дальше от бушующего пламени.

— Теперь сам, — крикнул он трактористу, — наматывай круги, я в тебя верю.

Охрипшим голосом, сдерживая волнение, обратился к старшеклассникам, которые не сидели дома в этот трагический момент, а вместе со взрослыми стояли плечом к плечу в битве с огнём.

— Ребята, кто-нибудь бегите навстречу основному стаду. Предупредите пастухов, пусть отгонят его на дальние пастбища, и молодняк с загонцов — в поля. Какое счастье, что эти ветхие строения были пустые!.. Кто из вас самый быстрый? Бегите в посёлок за пожарным обозом. Что там у них произошло? Почему задерживаются?

Доярки и скотницы, притихшие, стояли в сторонке. Их лица перепачканы оседающим пеплом, в глазах слёзы от едкого дыма и беспомощности.

— Я — в посёлок, потороплю наших пожарников, — крикнул директор односельчанам. Вскочил в свой «Бобик», нажал на газ, двигатель заревел, машина рванула с места. Он мчался среди убранных полей, оставляя позади шлейф гари и пыли. В рубашке, прожжённой в нескольких местах на спине и плечах, с красными воспалёнными глазами — не смотрел на спидометр.

Навстречу ему по главной улице, круто поднимавшейся вверх, что вела к ферме, еле двигались по булыжной мостовой три телеги. Бочки, покрашенные красной краской, наполнены доверху водой. Лошади, по две в упряжке, с трудом тянули телеги. Пожарники сидели сверху и нещадно погоняли тяжеловозов. От резких движений вода переливалась через край, телеги скользили на мокрых камнях. Лошади прикладывали огромные усилия, чтобы вытащить груз на подъём. Посыльные подростки старались изо всех сил, толкали сзади. Увидев знакомую машину, растерялись. Им было неудобно, что не смогли выполнить важное задание директора.

Дмитрия Петровича словно выбросило из машины. То, что он увидел, привело в ярость. Глаза превратились в узкие щелки и металы молнии. Лицо, перепачканное сажей, ещё больше почернело от негодования.

— Мужики, как вы меня достали! Лошадей измучили! Ребят подвели! Я за вами ещё час назад посылал. Там ваше и ваших детей будущее гибнет, я не говорю о зарплатах, — он махнул рукой в сторону чёрного дыма, поднимающегося над полями, — расслабились, уволю всех к едрёной фене. Пожарные машины из района быстрее вас приедут!

Пожарники застыли от удивления. Они никогда не видели своего руководителя таким грозным, и это привело их в чувство. Соскочив с телег, бросились помогать подросткам...

Баба Таня с большим трудом встала с кровати. Старая сетка жалобно скрипела под весом хозяйки. Много лет назад они с мужем получили от родителей в приданное этот подарок. Шумная свадьба, страстные ночи двух любящих сердец помнила железная кровать. Так же помнила горькие слёзы бессонных ночей одинокой женщины, вдовы. Часто слышала возносимые молитвы к Богу о сыне и внуке.

— Что-то я совсем расхворалась! Скоро и встать не смогу без подмоги, силы уходят. Сынок всё не едет и не едет. Только телеграммы шлет: «Мать, собирайся!», — но сам, как в воду канул.

Вышла из дома, обвязала поясицу большим серым платком в клетку, с ним никогда не расставалась. Любила и берегла подарок мужа. Он принёс его в больницу, когда забирал с сыном. В тот день над посёлком кружила январская метель. Новоиспечённый отец переживал, что голубое, стёганое, ватное одеяльце не сможет защитить первенца от сильного ветра. А платок такой большой, что укроет с головы до ног и жену, и ребёнка. Она вздохнула, привычная тоска с новой силой зашевелилась в груди. Опираясь на палку, не спеша направилась к калитке.

— Пойду, посижу лучше на лавочке у ворот, буду сыночка встречать. Господь поможет, авось сегодня приедет!

Осенний солнечный день ласкал нежными лучами её натруженные руки. Старушка осторожно перебирала пальцами бахрому платка, в её когда-то голубых глазах застыла надежда на скорую встречу с сыном.

Из соседского двора вышел Константин Тихонович, ссутулившись, в сером пиджаке, висевшем на его худых плечах, словно на вешалке. Года давали о себе знать. Серая, потёртая кроличья шапка съехала на левое ухо, этим ухом как раз плохо слышал. Ему повезло, он жил в семье с сыном, невесткой и внуками. Баба Таня завидовала его сытой и спокойной жизни. Шаркая не сгибающимися ногами, мужчина подошёл к скамейке, с трудом присел рядом.

— Что, соседка, решила косточки на солнышке погреть? Да, хорошие деньки стоят, балует нас матушка природа. Особенно она любит женщин, бабье лето для них специально отмеряет. Но зима уж не за горами. Как только листочки золотыми монетками с берёзки полетят, им на замену сразу и метели закружат.

Своим видом он давал понять, что обладает тайной особой важности. Но не мог её сразу раскрыть. Кряхтел, чесал затылок, старался привлечь внимание бабы Тани.

— Воистину, бредкий¹ ты! — с раздражением проговорила женщина. — Да не кряхти, я же тебя сквозь вижу, — насмешливо произнесла она.

Константин Тихонович ещё сильнее закашлял, и не выдержал.

— А кто это к Наумовым в калитку зашёл? Ты успела разглядеть?

— Разве? — удивилась соседка. — Это мимо меня прошло, не заметила.

Тихонович перешёл на шёпот:

— Не видала? Ты же здесь сидела, на лавочке?

— Нет, это без меня, — парировала женщина.

— Какой-то молодой, высокого роста военный спокойно вошёл в калитку, словно там его так и ждали, — на одном дыхании выложил Константин Дмитриевич свою тайну.

— Возможно, и ждали, а тебя что, лихоманка замучила? — баба Таня посмотрела на старика с печальной улыбкой.

— Люди идут в этот дом поддержать добрым словом, а кто и помочь. — Улыбка как появилась, так и погасла, а в глазах отразилась глубокая печаль.

Константин Тихонович подвинулся ещё ближе к соседке и зашептал:

— Девка одна в доме, вся в соку, а он молодой, интересный. Чуешь, о чём я толкую? Не успела родителей похоронить, ещё земля на могилках не осела, а она уже хвост колечком и мужиков тайком принимает.

— Ах ты, чумной! — ополчилась на старика баба Таня. — Девушку грязью поливать вздумал? Ты что болтаешь своим поганым языком? Горе у неё, в один миг сиротой стала. Она славная, добрая. Когда из города на выходные приезжала, меня, старуху, не забывала, всегда с подарками в гости приходила. Судьба её горемычная. На ветеринарного врача учится. Душой благородная, а глаза при наших встречах таким радостным светом сияли. Казалось, что счастьем не будет конца. И вот такое горе! А ты словно не в себе, бредишь. Разве можно тебя умным считать? Зависть заела, по себе стрижёшь?

Константин Тихонович нахмурил седые мохнатые брови и надвинул на лоб почти совсем съехавшую назад шапку.

Ему хотелось выговориться, вопросов и новостей в голове скопилось много. Лишь бы с кем не мог обсуждать щекотливую тему. Соседка Татьяна была для него всегда и другом, и обожаемой женщиной. К ней испытывал большую симпатию, но безответно.

— Что ты ко мне липнешь, скоро с лавочки столкнёшь, выкладывай всё, что за пазухой держишь? — рассердилась на него старушка.

— Говорят, пожар тот произошёл от сигареты -прошептал соседке на ухо Константин Тихонович-скотник нарушил, эти как их... правила безопасности. Маленькая искра упала в солому, когда он её менял в яслях для новорождённого телёнка. Вот и загорелось в один миг. Он в кутузке сидит, следовательно допрашивает.

— Теперь всё зря, — покачала головой женщина, украдкой вытерла набежавшую слезу. — Что с него взять? Пьянь! Директор совхоза с похоронами помог, низкий поклон ему за это. Где бы девчонка взяла такую прорву деньжищ?

Константин Тихонович ещё быстрее зашептал. Словно новости выжигали нутро, и он спешил от них избавиться.

— Да! И я слышал, душевный наш председатель Петрович. Поговаривают, это он на неё глаз положил. А девка и впрямь ягодка! Послал учиться от совхоза, стипендию хорошую положил. Но с оговоркой. После учёбы — назад в совхоз, коров наших лечить. Поняла? Вот закавыка! Явно для себя готовит! А что ему, поди, годков тридцать будет, чем не пара? Наш Дмитрий Петрович — бравый молодец!

Он вдруг перестал пересказывать новости, кинул злобный взгляд на закрытую калитку Наумовых и с возмущением прошипел:

— Что это военный так долго засиделся в хате? И о чём столько времени можно калякать? — он резко дёрнул бабу Таню за локоть. — Смотри-смотри, Валентина-то, соседка, домой пошла.

— Да что же ты не уймёшься, старый кочедык! Твой язык превзошёл наших баб сплетниц. Что плетёшь? Взять бы тебя да проучить вот этой палкой! — закипела от негодования, словно самовар, баба Таня. Она сделала вид, что замахивается. Константин Тихонович от испуга закрыл голову двумя

руками, и нечаянно смахнул с головы шапку. Она упала на лавочку и скатилась на землю. Старик, чертыхнувшись, полез под лавку. С победным видом водрузил шапку на лысеющую голову.

— Вот как я лихо её достал! Есть ещё, есть порох в пороховнице, а ты всё носом крутишь.

Глядя на него, женщина рассмеялась.

— Был курошупом, им и остался. Старая я стала, чтобы с тобой любезничать. Моложе была, и то желания не имела, а теперь и подавно! Но одно тебе скажу, — сердито посмотрела на неудачливого ухажера: — Всё, что сейчас мне сбрехнул, забудь! Иначе сыну и невестке расскажу, как у моих окошек при живой жене отирался. Сколько раз я тебя, старого сморчка, водой обливала, чтобы охолонул. Забыл? Имена твоих местных и городских зазнобушек по пальцам им пересчитаю. Своими гульками красавицу жену в могилу загнал.

Старик подскочил с лавки, в глазах вспыхнули злобные искры.

— С тебя станется! Ведьма! Мало ты с меня кровушки попила. И опять в угол загоняешь? Кажется, я понял: ты, наверное, уже и сыну успела накудахтать? Вижу по его лицу, — что-то знает, но, скрипя зубами, молчит. Хочешь, чтобы и меня, как тебя твой сыночек, бросил мой сын? Завидуешь, вот и пакостишь! — Его голос срывался от волнения. Он не мог громко кричать, и шипел по-гусиному.

— *Божедурье*, и когда же ты поумнеешь? — Ухмыльнулась соседка. — Испугался? Но смотри, если где услышу плохие слова о Женьке, буду знать, что вся пакость с твоего лживого языка слезла. Вот тогда не спущу!

Женя в чёрном платье и с чёрной повязкой на голове стояла у окна.

«Одна, во всём мире, одна!» — вновь посмотрела в сад, пыталась гнать прочь тяжёлые мысли.

То, что уже произошло, не изменить. Её жизнь сделала крутой поворот, разделилась на «до» и «после». От любящей семьи ничего не осталось, только два свежих холмика на кладбище. В голове звонко стучали крохотные серебряные молоточки.

«Моя мамочка любила солнечные дни бабьего лета. А ведь, правда, красиво! Листья на деревьях меняют свой цвет с привычного зелёного на различные оттенки. В природе всё меняется. Эта осень изменила и мою жизнь. Листья нашего

винограда похожи на красную медь и на мои опухшие глаза. Листочки на любимой маминной груше почернели, скрутились в трубочки и повисли на ветках, трепещут от лёгкого дуновения ветра, не падают. Они, как и я, тоскуют и плачут по своей хозяйке».

Она смотрела в сад, не хватало сил повернуть голову в комнату и снова увидеть поминальный стол, длинные лавки, стоящие у стены. Стульев и табуретов не хватило для всех желающих, пришедших помянуть родителей. Её слуху были не приятны доносившиеся звуки с кухни. Там тётка Валентина руководила уборкой. Казалось, самое страшное позади. Соседи поддержали в горе, что дальше? Они разошлись по домам, а я одна, одна в милом, когда-то уютном доме. Теперь он стал чужим, угрюмым. В нём поселилось горе, оно проникло во все комнаты, забралось в шкафы, залезло под диван, кровати. Огромное мохнатое горе повсюду, его не вырвать из сердца и не выгнать за порог.

От этих мыслей нестерпимо зашумело в ушах. Девушка прижала к ним руки и крепко закрыла глаза. Стальной обруч этого мохнатого горя ворвался в её спокойную жизнь с пожаращем. Этот обруч всё сильнее и сильнее сжимал тисками с того момента, когда получила страшную телеграмму.

— Женя, девочка моя! — Валентина набросила ей на плечи пуховый платок и нежно обняла. — Продрогла? — Прижалась к её плечу. — Хорошая моя, поплачь! Разве можно держать в сердце такую печаль? Ведь оно у тебя не камень, живое, не выдержит, заболеешь. Слезами горю не поможешь, но груз с души скинешь.

Девушка посмотрела на соседку уставшими глазами.

— Тётя Валя, не могу поверить, что родителей больше нет. Это сон? Мне всё кажется, что скоро они вдвоём вернутся домой с работы, войдут в хату, и мама ласково скажет: «Отец, а у нас гость родной, донюшка».

В это время входная дверь скрипнула, и они услышали в прихожей шаги по половицам. Валентина изменилась в лице и схватилась за сердце, присела на лавку у поминального стола.

Женя сбросила платок с плеч и выбежала в сени. Юноша в военной форме шёл ей на встречу.

Она вскрикнула, как птица — крылья, расставила руки, кинулась на шею и припала к груди.

— Женька, я спешил, как мог. — Обнял, чёрная повязка с её головы упала, он ласкал нечаянно распустившиеся сухой пшеницей волосы. — Понимаешь, начальство, служба, но всё срослось. Пошли навстречу, и вот я здесь, родная, я с тобой!

Девушка сильнее прижималась к нему, словно хотела раствориться в его объятиях и забыться. Слезы неожиданного счастья потекли по щекам. Разорвали стальной обруч боли, освободили, пусть на время, измученное сердце. Мохнатое горе не исчезло совсем, только притупилось, притихло. Тело Жени дрожало от надрывного рыдания.

— Вот и ладненько, вот и хорошо, — приговаривала соседка Валентина. — Душу облегчила, горе со слезами ушло! А теперь и поесть можно. Со вчерашнего дня ни маковой росинки во рту не было.

Она подошла к юноше и внимательно стала разглядывать.

— Володя, не поверишь, не узнала. Как уехали вы с отцом из посёлка после смерти твоей бабушки, след ваш и потерялся. К матери не заходил? Замуж вышла, на ферме работает, дояркой. Спрашивала как-то у неё про тебя, но она насупилась, голову воротила. А ты вот какой бравый молодец!

Валентина засуетилась. Накрывая на стол, продолжала говорить, говорить, словно чувствовала себя неловко:

— Накормлю вас и пойду домой. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Воистину права пословица. — Она улыбнулась своим мыслям, всё не могла поверить в то, что видела. Затем спохватилась, окинула молодых понимающим взглядом. Они стояли среди кухни, прижимаясь друг к другу.

— Этого нужно было ожидать! Я ещё тогда поняла, когда ты с моего сада гладиолусы выкрал. Женьке тайком принёс через окно. Ох, и плакала дивчина! Но те слёзы не чета этим. Ваша любовь от нежных лепестков гладиолусов окрепла, и превратилась в красивый букет из роз.

Константин Тихонович не мог спокойно сидеть на скамейке. То вставал, то садился, и снова вскакивал.

— Все вы, бабы, за одно, друг дружку прикрываете. Уже солнце садится, а он всё ещё в хате, явно ночевать собрался. — Вдруг резко подскочил и нетерпеливо зашагал у лавочки, кидая любопытные взгляды на двор Наумовых.

— Да сядь ты, разбежался. Срамно. Словно петух, ершист!

Дед изменился в лице, в глазах снова блеснули яростные огоньки.

— Опять двадцать пять. Заступница. Я это так, к слову. Мы же договорились? — и он с надеждой заглянул в глаза соседке.

— Вот и сиди спокойно, не можешь, нервы сдают, — иди домой на печку... Злобой исходишь? — баба Таня легонько потянула за край пиджака. — Жалко мне тебя! Жизнь прожил, немало женщин имел, но любви настоящей так и не испытал. Я прожила со своим мужем недолго, но его любовь в моём сердце и сейчас. Овдовев, о других мужчинах и не думала, мне никто не мил. Ты не смог этого понять. Вот, родителей Жени не понимал. Всё ёрничаешь, желчью брызгаешь. А они любили друг друга. Это было видно во всём. Дочку какую воспитали, в любви взрастили!

Баба Таня вздохнула и продолжала с горечью в голосе:

— Женина мать вспомнила про новорождённого телёнка в последний момент, когда строение было уже полностью охвачено огнём. Пожарные почему-то задержались в пути. Он же только ночью родился. Один в клетке лежал. В суматохе забыли! Муж хотел удержать, но она упрямая, пошла в огонь, и он за ней, только и успел крикнуть: «Я с тобой»! — Баба Таня горько вздохнула, прикрыв рот уголком платка. — Телёнка-то вынес! Жена его не успела выскочить, задохнулась от дыма. Женин отец шагнул назад, а крыша-то и побелела, рухнула и утонула между стен. — Баба Таня прикрывая рот платком, глухо продолжала:

— Народ на пожарище так разом и охнул. Доярки криком заголосили. А огонь-то, огонь так и полыхнул, так и полыхнул и поднялся столбом ввысь. Его отблески кровавым знаменем реяли в небе. Едкий смоляной дым с серым пеплом ветер подхватил и потянул дальше к горизонту, высоко в небо. — Женщина не стала больше сдерживать раздражение.

— Дурья твоя головушка, понять должен, что отец Жени, не раздумывая, вернулся в бушующий ад, за любимой. Они там, в вечности, но вместе. — Баба Таня подняла глаза к небу, еле сдерживая рыдание.

— Председатель рассказывал, что телёнок не простой, от породистой коровы по кличке Золотая. Великих денег стоит. Но нет ничего дороже человеческой жизни! — Она с болью в выцветших голубых глазах посмотрела на небо. Там, в небесной лазури, проплывали стайки белоснежных облаков.

— Конечно, смотрят на нас и удивляются. Как может человек прожить жизнь и не познать данное Богом чувство. Ведь мы, люди, появились на свет благодаря любви. Эх ты, горе луковое!

Соседка Татьяна замолчала, и Константин Тихонович тоже притих. Они какое-то время сидели молча и смотрели в голубое, пронизанное солнечными нитями небо.

Потом женщина радостно воскликнула:

— Слышишь, машина! Это мой сыночек едет за мной! — Она засуетилась и выбежала на дорогу.

Большая грузовая машина остановилась прямо перед ней. Из кабины выскочил парень лет двадцати, спортивного телосложения. Старушка смотрела на него, и сердце её замерло от восторга. Любимый внук крепко обнял сухонькое тело родной бабушки. За его спиной стоял мужчина в кожаной куртке и с седой стриженной бородкой. Смущённо переминался с ноги на ногу. На его лице блуждала виноватая улыбка, а глаза сияли от радости.

— Мамань, собралась? Мы за тобой. Хватит одной горе мыкать.

Константин Тихонович не верил своим ушам и глазам. Он хорошо знал, как Татьяна долго ожидала этого момента. Осторожно подошёл поближе к приехавшим родственникам соседки, приставил руку к уху, чтобы лучше слышать и прошептал:

— Чудеса, кому бы сейчас об этом рассказать?

11.11.2019 г.

Курошуп –(ловелас)

Бредкий1 – (выдумщик, фантазёр)

Боже дурье,- (глупый, дурак)

На кудахтать. –(наговорить)

Испытание на прочность

Повесть

Глава 1.

Возврат в прошлое

— Танька, открывай дверь! С тебя причитается. Опять письма, целых два. Открывай, что, уснула?

Почтальон Наташка громыхала в дверь. Для неё звонка не существовало.

Поначалу жители многоквартирных домов возмущались, но со временем привыкли к особой манере почтальона входить в их квартиры. Эта тридцатипятилетняя женщина была душевной, отзывчивой болтушкой. Прошмыгнув в открытую мной дверь, она ни на минуту не переставала тарыхтеть:

— Смотри, сразу два и оба заказные, тяжёлые!

У двери сбросила с плеча на пол пустую рабочую сумку. Торжественно положила драгоценную ношу на кухонный стол. Уселась рядом на стул в ожидании.

— Ну, что там, вытаскивай быстрее. Фотографии? Я так и знала, их ты давно ждёшь, помню, всё расспрашивала меня.

Я надрезала конверт, выложила содержимое на стол перед ней.

— Вот, всё перед тобой — смотри.

— Нет, ты мне сама показывай и рассказывай. У нас в стране чёртова перестройка. Нет газет, и писем никто давно не пишет. Народ гоняется за ножками буша, да за американскими сосисками. Скажу тебе, ну и гадость! Старым салом отдают. А что делать, в магазинах шаром покати. Из нашего микрорайона только тебе пишут, присылают посылки. Словно твои знакомые из другого мира. Для них перестройка и не перестройка.

Давай, не томи, рассказывай!

С фотографий на меня смотрели до боли родные лица. Наташка выбирала фотографии по одной, внимательно изучала и засыпала меня вопросами:

— Интересная собака, упитанная. Овчарка?

— Да, это мой друг Ральф!

— А что за девочка на этой фотографии?

— Катюшка, подросла! Всего прошло больше года, бегают. Рядом родная сестра её матери. На этой фотографии моя спа-

сительница, твоя тёзка, Наталья. Заядлая охотница. Белке в глаз из ружья попадает. Шкурки государству сдавала. Своеобразный заработок.

Наталья уже рассматривала новую фотографию.

— Военные? Странные какие-то! В такой форме никогда не видела даже по телевизору. Лица в масках, обвешаны ножами и автоматами. Как ты их различаешь?

Она облокотилась на стол, подставила руки под щёки, и так, полулёжа, ждала ответ на заданный вопрос.

— Это друзья Владимира, сына Натальи. Им я обязана своим спасением.

Наташка оторвала взгляд от фотографии, и её серые глаза округлились, стали похожи на блюдца.

— Да ну? Это как?

— Давай всё-таки будем пить чай. У меня блинчики, варенье, можем и вишневой наливочки пригубить.

— Подожди, смотри, странная бабулька! — гостья подсунула мне ещё одну фотографию. — Вместо лица — яблоко печённое, а глаза — узкие щелки. Ростом с мышку, горбатая, с клюкой. Колдунья?

— Нет, ты, Наташка, выдумщица! Это мама Натальи и бабушка Владимира, Пелагея Семёновна. Ей почти сто лет. Представляешь: девяносто восемь в этом году исполнилось. Она принадлежит к роду шаманов. Лечит людей по мере возможности. Их предки издавна жили в тех местах. Промышляли охотой, рыболовством. Племя называли «чёрные гуси». Мало осталось таких своеобразных людей... Владимир — внук, иногда навещает родительский дом. Служит в особых войсках. К ним можно только на вертолёте добратся.

Да ты чай-то пей, совсем остыл. Что рот от удивления открыла? Смотри, галка влетит!

— Тань, — стала подлизываться гостья, — ну, расскажи, что с тобой произошло, когда ты в отпуск ездила? Соседки шушукуются, разное плетут, я им не верю. Но тебя действительно долго не было. Сын с невесткой всю нашу городскую милицию на уши поставили, но ничего так и не узнали. И вдруг ты сама приехала. Смотреть на тебя было страшно, вид нездоровый. Время у меня есть. Начальницу предупредила. Невестка твоя, Валентина, просила не беспокоить лишними вопросами, но чаще навещать. Не давать тебе долго одной быть, — переживают за твоё здоровье.

— Длинная и страшная эта история, и вспоминать не хочется, — вздохнула я.

— Знаешь, моя бабушка, царство ей небесное, говорила, — загадочно прошептала Наташка: «Ты, детка, людям о своём горе расскажи, они его по крупинке разнесут и забудут, а твоя душа очистится и успокоится».

Наташка продолжала смотреть на меня преданными глазами.

— Это тебя твоя подружка Варька подставила? В милиции её допрашивали часто. Видела я однажды, как она шла зарёванная. Глаза от людей прятала.

— Нет, Наташка, ты на Варьку не греши. Она и сама ничего знать не могла. Слишком запутанный клубок оказался. Без конца и края, но с трудом ниточку нашли и потянули. Я её не виню, а дружбу нашу ценю.

— Танька, не томи! Боишься, что всем расскажу? Слово даю и крестом закреплю. — Она встала, истово перекрестилась и тихо, как мышка, опустилась на стул, застыла, а я начала свой рассказ:

— В иллюминаторе проплывали стайками белоснежные облака. На душе тревожно, впервые лечу самолётом. Этот отпуск получился непредсказуемым. Планировала уехать на недельку в воронежские леса, но Варька, моя подруга, предложила горящую недорогую путёвку к озёрам тайги, и я долго не раздумывала. Море тяготит. А лес, чистый воздух — это сказочная мечта. От мыслей отвлек переполох у трапа.

— Кто разрешил посадку на этот самолёт, да ещё и с собакой? Вы бы и крокодила прихватили. Самолёт от туристической компании. Особый рейс. Что за самовольство?

Хозяин собаки пытался что-то объяснить, но гид был не преклонен.

— Не принимаю никаких оговорок и доводов. Я сказал: нельзя — баста!

Мне стало жалко и пса, и его хозяина. Уж больно хороша овчарка, вернее щенок, как мне показалось. Ещё неуклюжий, но уже понимающий. Когда гид хотел пройти мимо них, чтобы подняться по трапу в самолёт, он оскалил зубы, грозно зарычал, хозяин резко осадил собаку. Туристы засмеялись:

— Ай да молодец, вот так защитник! Пусть остаётся с нами, будет нашей охраной.

Гид сурово посмотрел на всех и резко сказал: — Нет!

Этот отказ как-то сразу снизил общее настроение. Туристы почему-то стали разговаривать вполголоса, шуток и смеха не было слышно. Овчарка и хозяин остались на перроне.

И вот лечу с небольшой группой. Чувствую себя немного неуверенно. Все парами, я одиночка. Но и гид мне сразу не понравился: угрюмый, глаза колючие. Когда просматривал мою путёвку, почему-то злился. Отметив документы, вернул, кивнул головой, что-то пробормотал и поспешно отошёл в сторону. Мои вопросы проигнорировал. Я растерялась, посчитала, что с документами что-то не так. Но в ответ — молчание. Озадаченная таким холодным приёмом, решала: как быть дальше? Возникшее первое желание — послать всё и всех умников к чертям и вернуться домой. Но в это время ко мне подошла девушка. Её внимательное и обходительное отношение немного успокоило. Миловидное лицо, изумрудные глаза, обрамлённые пушистыми ресницами, длинная коса золотистых волос, искренняя улыбка располагали к дружеской беседе.

— Не огорчайтесь. Вы переживаете, что никого не знаете из группы? Временное явление. В паре с вами буду я, надеюсь, мы поладим. Я Катя. Где ваш рюкзак? В общей куче? Необходимо посмотреть, как упаковались.

Я многое не понимала в её разговоре: зачем нужна пара? Смотрела на Катю удивлённо. Действительно, все вещи лежали среди салона самолёта. Наша группа туристов из шести человек расселась вокруг этой кучи: балагурили, смеялись. Я как бы сторонилась их, и свой рюкзак держала при себе.

— В таёжный поход летите впервые? В паре быть очень важно. Это тайга и друг за другом необходимо присматривать.

Она ловко перебрала мой рюкзак.

— О, да вы хорошо упаковались!

Мы сидели рядышком. Я у окна, а Катя во время полёта работала с документами. Мне это было на руку. Хотелось тишины, разобраться со своими тревогами. Перебирала в памяти всё ли необходимое взяла? Хорошо, что успела предупредить родных и друзей о своей неожиданной поездке. Я старалась представить красоты майского леса. Надеюсь фотоаппаратом запечатлеть самые интересные кадры. Время тянулось медленно. Мне казалось, что самолёт стоит на месте, а не летит. Украдкой поглядывала на ручные часы. Но Катя всё равно заметила.

— Мы прилетим строго по расписанию. Но это не конечный пункт. Будет ещё одна пересадка. Переночуем в гостинице. А с утра вертолёт туристической компании доставит на главную базу.

Мне очень хотелось расспросить о нашем руководителе. Я не знала, как подойти к этому вопросу. Но девушка, наверное, сама почувствовала мой интерес. Время от времени я настороженно бросала косые взгляды на угрюмого начальника группы.

— Это мой отец. Я с ним последнее время редко хожу в походы. Раньше было интересно, но потом пресытилась. Вы летите впервые, много впечатлений получите. Кто хоть раз был в тайге, никогда не останется равнодушным к этим красотам.

— Но вам же надоело? — парировала я.

— Что вы, позабыть тайгу, сказочную природу, это не в моих силах. Я учусь, скоро экзамены. Отец убедительно просил помочь. Мы живём с ним вдвоём, мама нас бросила, я тогда была ещё малолетка. Вы не смотрите, что он такой сердитый. Ему только сороковник. Он у меня умница. Занимается спортом, а в этот поход пошёл последний раз, за моё обучение нужно платить. В стране всё изменилось. Раньше образование было бесплатное, а теперь в цене только деньги, и не наши, а заморские. Я переживаю: когда он долго в этих походах, и прибыль не в радость. Боюсь остаться одной. Ведь у меня нет ни бабушек, ни дедушек, все давно на погосте. Мама где-то за границей. За мои двадцать лет я о ней ничего не слышала.

Девушка от грустных воспоминаний сникла. Я накрыла её руку своей. Мы так сидели некоторое время. Катя стряхнула печаль, и повернула ко мне лицо. Я увидела на мгновение в её изумрудно-зелёных глазах застывшие хрусталиками слезинки.

— Расскажите о себе. Мне тоже интересно знать, кто идёт со мной в паре. По документам вы с отцом ровесники.

Около полуночи самолёт благополучно приземлился в городе Н-ске. Аэропорт — среди леса. Огромные деревья в свете фонарей казались великанами, как солдаты на посту. Воздух по-весеннему чист. Я, замороженная, стояла у взлётной полосы, глядя на яркое северное, звёздное небо. Кто-то легонько тронул меня за руку.

Рядом Катя.

— Нравится? Красиво, правда?

— Очень! — искренне ответила я.

— Вас огорчил отец, его отношение? Не обращайтесь внимания. Просто сегодня с ним происходит что-то непонятное. Надеюсь, пройдёт.

— Какая красота, какой воздух! — восклицала я раз за разом. — Словно волшебный рай. Никогда не думала, что на таёжной земле есть такие замечательные места. Ради этого стоило лететь в самолёте.

— Вот видите, и нет больше грусти в глазах. Но мы полетим дальше, поверьте, там природа ещё красивее. За двадцать дней ваши лёгкие очистятся от городской копоти, и вы почувствуете себя моложе лет так на десять. И не захочется возвращаться в душный, пропитанный выхлопными газами город. Уезжая, вы будете тосковать по этой величественной красоте.

Я слушала её, не перебивая, мы шли к гостинице.

Гостиница находилась недалеко от аэропорта. Нас разместили по комнатам, накормили. Мы с Катей — вместе. Я от усталости валяюсь с ног, не успела голова коснуться подушки, уснула. Сладкий сон овладел полностью. Мне было безразлично, что кровать узкая, матрас комками. Эти мелочи рассмотрела поутру.

А вот утро преподнесло сюрпризы. Сеял мелкий весенний дождь. Свинцовые тучи висели низко. Лес не уютный, — тёмной полосой просматривался вдаль. Настроение нулевое. Полёт задерживался из-за непогоды. Ждали солнца. Где-то через час его несмелые лучи пробились через плотную облачность. Зелень травы переливалась радугой. Птицы, насекомые воспрянули духом, засуетились, защибетали, зажужжали. Туристы тоже повеселели, вновь стали слышны шутки парней и звонкий смех девушек. Но когда мы подошли, гид бросил на меня суровый взгляд, обратился к Кате:

— Где шлёпаетесь, сколько можно вас, мадам, ожидать? Нам ещё лететь и лететь, а вы прохлаждаетесь, устроили прогулку!

Наша группа оживлённо рассаживалась в вертолёте.

Только почему-то посторонних людей набилось так много, что мне это напомнило автобус в час пик. Гид негодовал, долго и очень эмоционально выяснял отношения с начальником аэропорта. Мест всем не хватало, садились там, где кто смог.

Молодой парень с военной выправкой, с большой сумкой, просунулся в вертолёт. Направился по проходу. Он нёс её бережно, загораживал от посторонних и легонько постукивал рукой по поверхности. Эта ситуация ещё больше разгневала нашего руководителя. От нервного перенапряжения его лицо побагровело и казалось, что тёмно-карие глаза налились кровью.

— Ну, и откуда вас столько набралось? Машина не резиновая. Всё, закрываю двери, отчаливаем.

«Разве можно так нервничать»? — подумала я мимоходом. Но и мои нервы натянулись леской. Дыхание участилось, ладони рук вспотели, тело пробивала мелкая дрожь. Странная тоска поселилась в душе, я задышалась. Поискала глазами Катю, а она пробиралась ко мне, приветливо помахивая рукой. Нам достались места почти у самого хвоста. Девушка пыталась меня успокоить. Но в её голосе тоже чувствовалась возрастающая тревога.

Она обняла меня за плечи.

— Ну, что вы так расстроились? Вот увидите, сядем благополучно. У нас очень хорошая группа, правда, сегодня не все собрались. Житейские проблемы. Понимаете, трудности всегда имеют место. Час-полтора полёта, и мы на базе, — тепло, уютно. А какие искусные повара! Природа — загляденье. К сожалению, до озера Байкал далековато, но есть автобусы. Они постоянно курсируют туда и обратно, — девушка говорила без остановки, а тревога в моей груди не рассеивалась, наоборот нарастала.

— Ну, расслабьтесь! Лётчик Василий Петрович — ас. Не один раз с ним летали. Достаньте тёплые вещи, после дождя в лесу прохладно. У вас есть тёплые вещи, вы меня слышите? — она кричала мне в ухо. Её голос долетал с трудом. Я кивнула головой.

«Легко сказать, переодеться в этой толчее!»! — возмутилась я мысленно.

Катя вновь ушла, пробираясь через толпу к другим туристам, и для каждого находила доброе слово. Когда эта хрупкая девушка рядом, мне не страшно, но только отошла, страх появился снова. Я занялась самоедством, корила себя за опрометчивость при покупке путёвки!

В то время, когда я занималась самобичеванием, ко мне протиснулся гид — наш руководитель. Бросил на меня свой пронизывающий взгляд, зло прорычал:

— Что хандришь? Раньше мозгами пораскинуть не могла? Теперь поздно. Катка возится с тобой, как с ребёнком... Смолой еловой прилипла к дочери. Трусоваты вы, мадам! Тайга трусов не любит, сожрёт. Но ты истинная трясогузка! Пойди, сядь вон туда, и он ткнул пальцем в сторону двери.

Я молча подняла свой рюкзак и поплелась на указанное место.

Вертолёт взлетел с большим опозданием. Нас трясло, как в пустой бочке. В салоне стоял такой страшный гул, что разобрать что-либо из слов соседа просто невозможно. Я сидела молча, радовало одно, — Катя рядом. Мёртвой хваткой вцепилась я в спинку соседнего кресла. Под нами проплывали верхушки деревьев. Вновь пошёл дождь. Небо неприветливое — мохнатое. Гид примостился рядом. Я молилась всем богам. Мой страх достиг уже самой высшей точки кипения.

Катя, что-то вспомнив, резко поднялась с места, ласково похлопала меня по плечу, мило улыбнулась и направилась вглубь салона. Я перехватила её руку, но она как всегда улыбнулась в ответ. Напротив сидел военный с сумкой. Я заметила, — в ней что-то зашевелилось. «Поросёнка везёт, что ли»? — промелькнула у меня мысль и исчезла. В это время машину тряхнуло, пассажиры замерли, с испугом в глазах переглянулись друг с другом. Мы пролетели ещё некоторое время и, словно нырнули в глубокую яму, — тут же почувствовали сильный удар. Наверное, лётчик пытался всеми силами держать ручку управления, но вертолёт бросало во все стороны. Я увидела в глазах пассажиров жуткий страх. В салоне поднялась паника, — крики, отчаянные рыдания.

Дверь открылась, у меня завывало и заухало в ушах, и я провалилась в кромешную тьму.

Глава 2. На волосок от смерти

Жгучая боль пронзила тело. Сознание возвращалось медленно. Открыв глаза, увидела над собой всё то же безрадостное небо. Мелкие, прохладные капли дождя привели в чувство. Голова кружилась при каждой попытке подняться. Но всё же удалось принять сидячее положение. Огляделась. Я лежала на широком, довольно высоком стоге сена. «Слава Богу, кости не сломаны!» — промелькнула мысль. Мелодичными колокольчиками звенело в ушах. Осмотревшись, поняла: вертолёт улетел, а я, наверное, каким-то образом выпала в

открывшуюся дверь! Но как это могло случиться, загадка. Вокруг, сплошной стеной, — молчаливый лес. Ветер слегка пробежал по верхушкам.

«Что со мной, где я? Почему одна? — огляделась. — А где же остальные пассажиры, туристы, Катя?» — обхватила голову руками, застонав от жуткой боли. Потрогала руки, ноги, — всё целое, но почему такая сильная головная боль?

«Наверное, сотрясение мозга?»

По привычке посмотрела на ручные часы, они показывали одиннадцать часов — скоро полдень.

«Что же произошло?»

Пыталась восстанавливать в памяти все наши действия до вылета:

«Мы загрузились в девять. Продолжительность полёта около часа? Значит, и я пролежала без сознания около часа?»

Немного поразмышляв, решила ещё раз более скрупулёзно проверить своё тело сантиметр за сантиметром. Мышцы болели, но не было царапин и переломов.

— Повезло! — прошептала отрешенно. — Где же вертолёт? Как мне слезть с этого стога? Наступит ночь, как быть?

Мысли, одна страшнее другой, мелькали в голове, и никак не выстраивались в логическую цепочку. Вопросов нахлынуло много.

— Это дикий лес, здесь живут волки и медведи! Я без оружия, даже без ножа! Как нет ножа? Он есть в моём рюкзаке! — разговаривала сама с собой вслух.

— А где рюкзак? Там и аптечка скорой помощи!

Не обнаружив рядом, перевела взгляд вниз под стог сена, на кустарники.

— Увы, а вещей-то нет! — В душе начал нарастать леденящий страх. Подташнивало, всё кружилось.

Необходимо слезть со стога, искать вещи и устраиваться на ночлег.

— Конечно, отходить от стога далеко нежелательно, — продолжала рассуждать сама с собой.

— Эмоциям воли не давать. В лесу темнеет быстро, нужно экономить время. Срочно подыскать небольшую палку и проверить, может быть, где-то и лежат в высокой траве мои вещи.

Ноги плохо слушались, подкашивались, но я около получаса бродила по поляне, на небольшом деревце с краю увидела свой рюкзак. Он зацепился за ветку лямкой и повис. Я так обрадовалась, что слёзы счастья потекли в три ручья. Теперь у меня есть и нож, и сухой паёк, который нам выдали при посадке в самолёт (на первом этапе нашего путешествия). Тогда я его не использовала. Это была моя маленькая удача и такой же шанс на спасение. Я подумала: «Но у меня ещё в запасе часов шесть дневного времени. Его нужно использовать до секунды». Я направилась к стогу, чтобы там припрятать находку. Но остановилась и замерла. Увидела животное, похожее на собаку. Оно стояло у кромки леса и смотрело на меня зелёнными огоньками глаз. «Волк? Возможно, охотничья собака, и где-то рядом охотник. Кто-то же косил сено»!

Но моим надеждам не суждено было сбыться. Зверь, оскалив зубы, сделал несколько настороженных шагов вперёд. Я закричала:

— О-го-го! — и стала размахивать палкой, решила идти в сторону дикого животного. Волк, испугавшись моего вопля, рванул с места и скрылся в лесу. Я же метнулась в другую сторону, но резко остановилась.

«Господи, и куда бегу, всюду лес, волки. Срочно искать огромное дерево с дуплом... Какое дерево, какое дупло? Сейчас же успокоиться и продолжать поиски. Думай, моя головушка, думай!» — заставляла себя сосредоточиться на самом главном и важном.

«Итак, здесь были люди! Собрать такой огромный стог сена за один день невозможно. Если косарей много, тогда они останавливались на ночлег. Но сено-то не свежее! Потемнело от дождей. Получается, косили прошлым летом. Но почему-то не забрали, забыли? Могут вспомнить, обязательно вспомнят. Точно! — воспрянула я духом. — Искать сторожку, землянку». Опыта жизни в лесу я не имела, но некоторые знания приобрела, сидя в уютном кресле в своей квартире, смотря по телевизору программу «В мире животных».

Вернулась к стогу, выгребла из середины сено, сделала гнездо. Притащила веток — этого добра было много, закрыла ими вход. Из стога побежали мыши полёвки.

«Они тоже готовились к ночлегу и конечно к зиме, — подумала мимоходом. — Вот теперь есть, где спрятаться на ночлег, и, возможно, волки не достанут».

Уже понемногу приходила в себя. Приняла решение проверить окрестность.

Время шло, дождь не прекращался. Оставив рюкзак, прикрыв лаз, я вновь пошла в лес. Отойдя от стога метров двадцать, услышала слабый стон. Не раздумывая, поспешила туда, откуда раздавался зов о помощи. На раскидистом орешнике висел человек. Этот кустарник спас его от смерти, не дал разбиться о землю. Он лежал на ветках кустарника как-то непонятно — раскинув в разные стороны руки, ноги направлены вниз, к земле, но не падал.

— Господи, — отчаянно запричитала я, — как же его снять? Сил и возможности у меня не хватит!

Но я и не знала раньше обо всех своих возможностях. Немало усилий и энергии пришлось приложить, чтобы стащить с куста тело взрослого человека. Мои попытки стянуть за ноги не увенчались успехом. Попробовала с помощью палки, но не хватало сил. Повисла на ногах и под тяжестью собственного веса ветка, державшая тело, треснула, оно мешковато съехало на землю. И каково же было моё удивление, когда я увидела гида. Оставить одного в лесу, без сознания, этого деспота, который изводил меня с момента посадки в самолёт придирами, не посмела. Хотя очень сожалела о том, что отправилась в это путешествие. Наклонившись, послушала его сердце. Оно стучало, но стучало еле-еле.

«Пусть и полуживой, но теперь я не одна в этом грозном, диком лесу!» — радовалась встрече.

С частыми остановками на отдых, всё-таки смогла дотащить мужчину до стога. От переутомления я в изнеможении повалилась на землю.

Раненый застонал. Осмотрев его, поняла — нужен врач! Скорее всего, что-то с правой ногой. Перелом? Рваные раны на руке. Всё лицо изодранно и кровоточило.

«Хорошие передачи я смотрела в своё время!» — подумала с радостью.

Чудилось, что за мной наблюдают тысячи глаз волков, лисиц, медведей. Но, пересилив страх, решила не оставлять до утра поиски. Лес становился гуще. И в этот момент до моего сознания дошло, что, возможно, вертолёт разбился.

Пока бегала по лесу, криков о помощи не слышала.

«Неужели все погибли? Лежат здесь, недалеко? Если вертолёт разбился, будут искать. Нужно только продержаться

какое-то время. — Новые мысли будоражили моё сознание. — Детям сообщат, что мертва, но я ведь живая. Хотя, как сказать, одна в лесу»!

Мысль о ещё оставшихся в живых пассажирах не давала покоя. Я вернулась на поляну, стояла рядом со стогом сена и смотрела вверх на верхушки деревьев. Пыталась восстановить картину происшествия. У кромки непроходимого леса, на краю поляны росла огромная сосна, ей было, наверное, лет двести. Мне не приходилось раньше видеть такого огромного дерева. Только верхушка почему-то сломана, казалось, — её кто-то умело срезал. Я поняла: вертолёт зацепился за крону этого дерева и рухнул.

«Вот откуда столько нарубленных веток! Обломки вертолёта где-то за опушкой»?

Меня толкала вперёд неведомая сила, и я побежала, потом остановилась в растерянности. Мне снова стало очень страшно.

«А там же мёртвые? Вдруг топливный бак взорвётся, с огнём шутки плохи»! Упрямо, медленно, неуверенно пробиравась сквозь буреломы. Кроссовки промокли, с веток деревьев на голову сыпались холодные капли. В нехоженном лесу было ещё светло. Молчаливые деревья смотрели на меня свысока, а я уговаривала себя:

«Ну, ещё немножко. Возможно, там есть живые. Господи, ну дай мне силы»!

Кричали потревоженные птицы. Они жили своей жизнью, им не было никакого дела до меня, до катастрофы. Строили гнёзда, выводили птенцов. Моё присутствие им не нравилось. Я же в свою очередь не думала о безопасности. Странная, непреодолимая сила толкала вперёд. Среди деревьев блеснул ручеёк, но я почему-то повернула в сторону от него, и среди сумрачного березняка увидела разбитый вертолёт. Разбросанные трупы погибших. Пассажиров, скорее всего, побил винтом, который от удара о ствол ели отлетел в сторону. Я обезумела, бегала вокруг, рыдала.

Успокоившись, приняла решение собрать вещи. В них спасение. В кустах заметила знакомую большую сумку военного, открыла, надеялась, что там живность, медикаменты. Там была собака, почему то в наморднике, средних размеров, с короткими, крупными лапами. Окрас чёрный, тяжёлая. Рядом в сумке поводок, на шее ошейник, и выбит порядковый номер. Когда я вытаскивала из сумки животное и снимала

намордник, он даже не пискнул. Я гладила его, прижимала к себе и шептала:

— Хороший мой, миленький, открой глаза! — приложила ухо к груди, услышала слабые удары сердца.

— Жив, жив, будет жить! — радостно твердила я. — Но нужно вновь посадить в сумку, боюсь, что убежит, потеряется.

Пробираясь сквозь заросли, всматривалась, старалась ничего не пропустить.

Среди лесного гомона послышался слабый писк младенца. Я остановилась в нерешительности. Но писк больше не повторился. Обшарила кусты, тщетно. И только у разбитой кабины вертолётки увидела погибшего лётчика с раздробленной головой, а рядом труп молодой женщины. Она сжимала застывшими руками свёрток. Разжав с трудом пальцы, развернула свёрток и радостно засмеялась.

— Так вот кто звал на помощь!

Это был младенец четырёх-пяти месяцев. Женщина пыталась закрыть его своим телом, и весь удар приняла на себя. Ребёнок — девочка, родилась дважды.

Положила ребёнка рядом с бревном на землю, освободила собаку, привязав на верёвку, моток которой нашла в одном из рюкзаков. Солнце ещё не село, но в очертаниях кустов и деревьев проступала серость. До места ночлега далеко. Рюкзаки сложила в салоне разбитого вертолётки, в них продукты, за ночь волки растащат.

Погибших пассажиров перетащила в ближайший овражек и заложила ветками сосны.

Когда, наконец-то, добралась до устроенного в стогу ночлега, стало совсем темно. Гид стонал, ребёнок кричал. В одном вещевом мешке нашла зажигалку. Из соломы и веток соорудила большой костёр. Бутылка минеральной воды, печенье — наш первый ужин в лесу. Всю ночь вокруг ухало, ахало, бродили странные тени. С ребёнком на руках дежурила у костра. От одной мысли, что он погаснет, меня пробиравла дрожь.

Вспоминала все молитвы. То ли молитвы, то ли Ангел-хранитель был неотступно рядом, но ни волки, ни лисы к моему костру в эту ночь не пришли.

Под утро задремала, разбудил лай собаки. С вечера додумалась крепко привязать поводок к своей ноге. Собака зади-

ристо и звонко лаяла на белку, сидевшую на ветке ближайшей ели, она усердно чистила лапками шкурку, насторожено разглядывала нас. Гид проснулся, охая, выполз из стога, осмотрелся.

Я постаралась объяснить ему, что произошло. Он долго лежал на земле потерянный и вдруг зло сказал:

— Странно, почему Господь спас тебя, а не мою Катю? А зачем ты меня спасла? Пусть бы я умер на том кусту, или лучше бы меня съели дикие звери.

Выслушав его реплики, положила ребёнка рядом с ним и пошла к вертолёту.

«Надо просто смириться и ждать помощи. Вместо благодарности — шипение и злость. Нужно перенести вещи к шалашу». — Внушала себе.

Я поняла, почему в эту ночь нас не тронули, хозяева леса пировали на месте катастрофы. Словно ломовая лошадь, нагруженная сумками, еле переставляя ноги от тяжести и усталости, вернулась к стоянке. До меня доносился отчаянный крик ребёнка.

Успокоив малыша и с укором глядя на руководителя группы, сказала:

— Нужна вода, ночлег. Волки прошлой ночью не пришли, но могут прийти этой. Вы часто возили туристов в эти места. Вы должны знать, где есть охотничьи стоянки.

— Ну и пусть! Я никуда не пойду с этого места. Здесь, в чаще, лежат останки моей дочери. — Он опустил голову, его плечи мелко вздрагивали.

— Истерики будете закатывать, когда вернёмся живыми.

С собакой и ребёнком пошла на поиски воды. Надеялась на проторённые тропинки.

Приметила одну, несильно поросшую травой. Подошла к небольшому озеру. У берега — раскидистая, пушистая ель. Дупла в ней не было. Но зато у подножья лежало зачищенное от коры бревно, и я на него присела. Достала из рюкзака галеты, глотая горькие слёзы, пыталась заглушить голод.

Среди зарослей неизвестного мне кустарника заметила небольшой лаз. Когда раздвинула ветки, увидела врытую в косогор землянку. Её трудно было заметить сразу — так заросла, что я думала — курган. Дверь прикрыта деревянной вертушкой.

Комната в избушке небольшая. Самый большой предмет — печь. Она разделяла помещение как бы на две части. Импровизированный стол из кругляка и доски, вместо стульев —

небольшие чурбаки. И завершало убранство два деревянных топчана. На одной из стен по всей длине — навесная полка. На ней крынки. В них соль, какой-то жир, сушёные травы, крупы. Странная, большая коробка крупных спичек с красной серой на конце. В углу — горка сухих дров. Спичкам и дровам я обрадовалась больше всего. Такой радости не испытывала, даже когда вручали мне грамоту и премию. Как хотелось лечь, закрыть глаза, поспать часок. Но я понимала, что жизнь моя и тех, кто со мной, зависит только от меня.

Весело трещали сухие поленья, вкусно пахла пшенная каша на мясных консервах. Девочка спала, собака лежала под лавкой, гид остался у стога. Всё, что произошло со мной, напоминало страшный сон.

«Хорошо бы проснуться в своей квартире, на своём уютном диванчике», — мечтала я.

Нервное потрясение давало о себе знать. Дико болела голова, ломило спину. Врача не вызвать, тайга! Разбирая сумки, радовалась:

«Есть консервы и много сухого пайка. Главная находка — лекарства». Наконец удалось снять гудящую головную боль.

Спустившись к ручью, увидела гида на бревне. Таёжный дремучий лес накрыла ночь.

«Землянка, наша крепость. Что ещё нужно? Стены есть, тепло есть, вода есть. Но самое главное, — не одна. Есть и охрана: умная, ласковая собака». От этих размышлений отвлек дикий рёв за стеной избушки. Там дрались звери, они делили добычу. Но мы пока поживём, а что будет потом — увидим.

Гид всё время стонет, нарушая этим мой и без того хрупкий сон. Мне снилось: лаял Ральф, незнакомые люди в камуфляже с оружием ходили по нашей избушке. Они связывали меня верёвками, куда-то пытались тащить. Мне было больно и страшно. Какая-то старая женщина прятала нас в расщелине тёмной скалы. Проснувшись, не сразу поняла, где я и что со мной. Увидев печь, рубленые стены сторожки, вернулась в реальность. Время шло, спасатели не появлялись. Мои надежды таяли с каждым днём, и сухие дрова — тоже. Приходилось пополнять запасы сучьями. Ральф всюду сопровождал меня. Восстанавливал свои силы. Его кличку я прочитала на ошейнике. Решила ошейник и поводок пока снять и спрятать до лучших времён. Собака может в лесу зацепиться за любой куст, и я не смогу вовремя прийти на помощь.

Овчарку парень вёз тайно. Стало ясно его поведение в вертолётё, когда он легонько постукивал по сумке, успокаивал животное. Чтобы кто-то не догадался? Почему? Ральф на этот вопрос не ответит. Не один раз ходили с ним к разбитому вертолёту, где он опознал хозяина. Его документы добавила к ошейнику и поводку, зарыла недалеко от избушки. Задумалась:

«А ведь в самом начале пути гид не пустил мужчину с собакой в салон самолёта. Но та — меньше размерами. Эта намного крупнее. Овчарку зачем-то нужно было куда-то доставить тайно»?

— Странно, очень странно! — воскликнула я и оглянулась, словно меня могли подслушать.

Последнее время радовали тёплые солнечные дни. Я чувствовала, что в организме происходят изменения, лёгкие очистились от городского смога, как и предсказывала Катя. Гид шёл на поправку и даже стал выходить на улицу, опираясь на палку, часто сидел у озера и угрюмо молчал. Его нога плохо срасталась и доставляла массу неприятностей. Часто ловила на себе тяжёлый взгляд. Как-то раз, сжимая злобно кулаки, сказал:

— Не могу принять и понять, почему выжила ты, а не Катя? Почему вертолёт не взорвался от удара о землю и не загорелся? Нарушены все законы физики. Почему тебя первую выбросило из вертолётё и именно на стог сена. Почему же, Господи, выжила именно ты?

Что можно было на это ответить? Это только Богу известно.

Глава 3. На излом

— Ты, трясогузка, где целыми днями бродишь? — со злобыным рыком встретил нас гид после очередной прогулки. — Что у вертолётё ошиваешься? Потеряла что? Так и не ответила на мой вопрос, где собаку взяла?

Он попытался ткнуть Ральфа палкой-костылём. Пёс зарычал, шерсть на загривке встала дыбом. Яростно вцепился клыками в больную ногу обидчика.

Как кричит свинья, когда её режут, один раз в детстве слышала, но как орёт раненый, укушенный собакой мужик — не приходилось. Он закатил глаза, схватился за ногу и

взвыл диким вепрем, но при этом не уставал «радовать» наши уши отборным матом.

— Ральф, фу, назад, место! — едва успела подать команду. Пёс, недовольный приказом, поджал хвост и залез под топчан.

В душе моей бушевал вулкан протеста.

— Зачем собаку постоянно провоцируете? Ненавидит он вас. Даже животное понимает и ценит дружбу. Сколько можно повторять одно и то же? Из леса ко мне прибежал. В первый день аварии. Он наш защитник от диких животных. Эх, вы!

Гид, преодолевая боль, ехидно улыбнулся, и странный оскал передёрнул его лицо.

— Защита? Ему вот этой палкой можно (он поднял её с пола, потряс в воздухе) хребет перебить.

Ральф, лёжа под топчаном, рычал угрожающе. Мне не удалось убедить гида не дразнить собаку. И не успела я сориентироваться, как Ральф молниеносно выскочил из своего укрытия и вцепился обидчику в руку с палкой. Землянка вновь содрогнулась от воплей гида. Ребёнок плакал, собака на команды не реагировала. Ведро холодной воды из озера прекратило этот спор. Ральф разжал челюсти, удивлённо посмотрел в мою сторону и бросился из избушки в лес.

— Ну, подожди, гадёныш! Нога заживёт, на первом суку повешу! — Гид оттолкнул мою руку с бинтами. — Пропади ты пропадом, трясогузка, со своей собакой и орущим вырожденком!

Он поднялся с чурбака и поковылял к открытой двери, пошёл вслед за Ральфом в лес. Страх, что он найдёт собаку и исполнит угрозу, вынудил меня поспешить за ними. С ребёнком на руках я отправилась на поиски Ральфа.

«Интересно получается, а его дочь Катя характеризовала отца как замечательного, душевного человека. Скорее всего, это её смерть выпустила злого джина из его души», — сокрушалась я, утирая слёзы и успокаивая испугавшегося ребёнка.

Ральфа разыскала в ельнике у «братской могилы». Он пришёл к хозяину и лёг рядом. Даже на мой голос не реагировал. Я гладила его, ласкала и долго говорила с ним.

— Хороший мой, ты умный, гид плохой. Нам нужно ждать помощи. Потерпи, он изувечит тебя и нам всем будет плохо. Пожалуйста, не кусай его больше!

Мне показалось, что и деревья вокруг тоже прислушивались к моей просьбе. Даже птицы передумали щебетать, и листья перестали шелестеть. Тёмная ночь спустилась с неба на наше убежище. Уютно и спокойно без гида.

Он заявился утром, и я, увидев его, еле сдержала крик: одежда изодрана, в волосах запутались мелкие ветки и листья. Словно предо мной возник леший.

Решила обойтись без расспросов. Молча поставила перед ним чашку с кашей и кружку травяного чая. Повернулась, чтобы покормить собаку, как вдруг и без того непрочная дверь нашей зимовки открылась от резкого удара ноги, и в комнату ввалились три мужика. Ральф зарычал, но я успела схватить его за холку.

Мужчина, который вошёл в сторожку первым, богатырь — косая сажень в плечах, с густой окладистой рыжей бородой и пытливыми, лукавыми глазами. В руках — винтовка с прицелом. Холщёвая сумка — наперевес. Двое других, тоже вооружённых, остановились за его спиной.

— Смотри, Борода, какие птички к нам в силки залетели? Старуха, хоть и не первой свежести, но ещё ничего, под водку сойдёт. Собака совсем проблема, а дитё-то зачем?

Ральф рвался из рук, таким злым я его ещё не видела, даже когда он устраивал трёпку гиду. Мне пришлось обнять своего защитника за шею. В этот миг я точно поняла, не сделай я этого, вошедшие могли бы его просто пристрелить. Один из них наставил на собаку и меня оружие. Худой, с жёлтушным зелёным оттенком кожи на лице и злобным взглядом, держал во рту спичку и постоянно жевал.

— Борода, — обратился он к великану, — дай я их пришибу, обоих одним выстрелом.

Но бородатый проигнорировал его просьбу, перевёл на меня свой лукавый взгляд. Пристально смерил снизу вверх, махнул рукой:

— Разберёмся! — столкнув гида с пенька, уселся барином.

— Так вот ты где, Череп, засел? А мы тебя целый месяц по тайге разыскиваем. Про эту зимовку совсем забыли. Что за баба и откуда собака?

К моему изумлению гид повёл себя странно. Его глаза забегали, он беспокойно заёрзал на втором топчане, на кото-

рый присел, когда его согнали с первого. Руки задрожали, и подобострастным, тихим голосом он промямлил:

— Я всё объясню. Ты спокойно выслушай. Вертолёт разбился. Вся наша группа погибла. Эта баба единственная выжила, а девчонка, пока я так и не понял, откуда появилась. Собака пришла к ней, — он кивнул в мою сторону, — говорит, что из леса приблудилась. Борода, памятью дочки клянусь, всё путём.

— А что случилось с дочкой? — Борода вытянул затёкшие ноги, сразу перекрыл всю площадь избушки.

— Погибла в этой аварии.

— Зачем с собой взял, мы так не договаривались! Завязать хотел?

— Нет, нет, хотела перед экзаменами отдохнуть, сил набраться.

— Разберёмся! — с нотками металла в голосе проговорил Борода.

Я не верила своим ушам и глазам. Странные отношения между этими людьми. Только клички, нет ни имён, ни фамилий. Как гром среди ясного неба пришло прозрение: «Так гид — бандит Череп, а главарь — Борода»!

Борода перевёл взгляд на меня и мило улыбнулся. Хотя мне было очень страшно, но я заметила, как улыбка украшает человека. Даже скрытое под рыжей бородой выражение лица изменилось. Задорные лучики пробежали у глаз, и у меня на душе улеглась тревога.

— Ну, что, хозяйка, чем кормить будешь? Пшёнка вкусно пахнет, — и он заглянул в миску, которую я поставила перед их приходом на стол для Череп.

Я продолжала хранить молчание. Одной рукой гладила собаку, в другой держала девочку и пыталась её успокоить.

— Не трусись осинкой. Пока живи, не трону. Что там у нас из припасов? Жердь, давай на стол! — обратился он ко второму бандиту.

Тот, словно ходячий скелет, с прыщавым лицом и маленькими красными крысиными глазками, снял со спины рюкзак, наклонился у стола. Мне показалось, что его ноги кузнечика сложились вдвое. На столе появились хлеб, колбаса, свежие огурцы. У меня от изобилия в глазах зарябило.

— Давай, хозяйка, командуй. Да возьми с собой еды, и пойдите, погуляйте, а нам здесь есть что обсудить.

Борода отрезал четвертушку от буханки белого пшеничного хлеба, небольшой кусок московской сырокопчёной колбасы, добавил пару свежих огурцов, завернул всё в тряпку, служившую мне полотенцем.

— Собаку держи крепко. Губатый не уважает эту породу. Он в тюрьме от этих тварей натерпелся. Они его за ляжки часто хватали, — раскатисто загоготал, закидывая голову назад.

— Жердь! — как по мановению волшебной палочки, главарь изменился, исчез разудалый молодец, появился человек с тяжёлым свинцовым взглядом. Властно обратился он ко второму бандиту, — проводи мадам, проследи, чтобы не подслушивала, и не дури...

Мы сидели у стога. Катюшка уснула, Ральф у ног. Казалось, что он спокоен, только уши выдавали тревожное состояние, — готов в любой момент кинуться на врага. Я глотала слёзы.

— Вот так история! Из огня да в воду. Надеялась и верила, что всё страшное, приключившееся со мной, позади, но нарисовалась главная проблема: я в руках бандитов. В эту западню попала по своей наивности и жадности гида Черепа. — Страшные картины рисовались в моём воображении. Жердь, словно изваяние, вынырнул из-за кустов.

— Что нюни распустила? Пахан зовёт!

Этот человек и располагал к себе и пугал. На мою удачу ребёнок спал. Ральф был рядом и внимательно следил за каждым движением бандитов. Борода мило улыбался, собирая крошки хлеба в ладошку, закинул в рот.

— Ты убирала у вертолёта? Что видела, может, что-то и припрятала? — он стряхнул остатки крошек с рук на землю.

Когда я вошла в сторожку, сразу заметила: Череп лежал на земле, подогнув под себя ноги, словно у него прихватило живот. Он мигнул только одним глазом, когда по бессловесному приказу главаря его усадили на топчан. Лицо — в кровоподтёках и синяках, второй глаз заплыл. Увидев эти изменения, поняла — били, и сильно били.

— Что молчишь? — вернул меня к реальности голос Бороды. — В твоих интересах сотрудничать со мной. Скажи, колёса от вертолёта видела?

Я молча кивнула, не отводя взгляда от Черепа.

— Жалко его? — перехватил мой взгляд главарь.

— Зачем вы так? Ведь он сильно пострадал при аварии.

— Тебе сейчас, моя сизокрылая голубка, нужно переживать за себя и дитё. Не слышу чёткого ответа.

Жердь, продолжая жевать спичку, рылся в моих мешках, предложил:

— Разреши мне поговорить с ней?

Но вдруг Губатый рывком выхватил Катю из моих рук и, подняв над головой, попытался бросить на землю. Ральф опередил его и вцепился зубами в ляжку. Бандит заревел, взвыл от боли и бросил ребёнка. Я успела его подхватить и прижала к груди. Губатый в ярости передёрнул затвор автомата и прицелился в собаку. Я бросилась на выручку, закрыла Ральфа своим телом. Катю держала под мышкой.

— Уйди, дура! Я эту тварь пристрелю!

Борода молча наблюдал за действиями дружка. Жердь тащил меня за локоть в свою сторон. Череп, вытирая куском тряпки сочившуюся кровь из разбитой губы, криво улыбался.

— Всё, баста, оставь бабу! — стукнул кулаком по столу Борода.

Губатый и Жердь, вздрогнув, сделали полшага в сторону.

— Что вы хотите знать? Я никак не пойму! Да, это я собрала тела погибших, перетащила в овраг рядом и заложила трупы ветками. Затем собрала вещи, в них пайки. Мы здесь целый месяц питались. Да, я видела четыре колеса. От удара их разбросало в разные стороны. За колёсами не следила, суп из них не сварить.

— Клянёшься жизнью ребёнка и собаки, что твои показания — правда?

Борода смотрел на меня строго, сейчас его глаза не излучали доброту и понимание. И мне вновь стало страшно.

— Конечно, клянусь. Они мне дороже, чем ваши колёса!

Борода некоторое время молча смотрел на меня. Дружки его тоже притихли. Только Губатый потирал укушенную ляжку и ядовито шипел в сторону Ральфа. Борода снова улыбнулся и прервал молчание:

— Хорошо, ты будешь свидетелем и пойдёшь с нами на базу. Всё, что сказала здесь, подтвердишь. А потом решим, что с тобой дальше делать.

Губатый смачно сплюнул.

— Зачем их тянуть с собой? В расход и точка! Толку от неё никакого, по возрасту старовата, собака — совсем большая проблема!

От этих его слов Ральф зарычал. Я постаралась его успокоить. Борода раскатисто загоготал.

— Губа, тебя не уважают не только лагерные собаки, но и лесные!

Он вновь уставил на меня испытывающий взгляд.

— Где разбитый вертолёт?

— В березняке за опушкой.

— Пойдём, покажешь!

— Мне нужно ребёнка покормить.

— Потом, всё потом! — сказал, как отрезал.

— Жердь, поговори по душам с Черепом, хорошенько разузнай, где весь товар. — И весело подмигнул мне.

Губатый подтолкнул меня автоматом в спину к двери.

Я с ребёнком шла впереди, а они вдвоём следовали за мной. На месте аварии ничего не изменилось. Также пахло цветущими травами и хвоей, щебетали птицы, в небе проплывали пушистые облака. Мне хотелось рвануть в тайгу с ребёнком, но собака? Главарь заставил привязать и её в сторожке.

«Да и куда бежать? — отгоняла я противоречивые мысли. — Пусть будет, что будет! Неужели у них совсем мозги от наркоты расплавились, неужели ребёнка не пожалеют? — с тревогой думала о нашей судьбе. — Разве можно верить и надеяться на участие, поддержку? Таким, как они, всё человеческое чуждо».

Бандиты обшарили территорию вокруг обломков вертолёта, им не было дела до погибших. Когда стемнело, мы вернулись в избушку.

Череп ехидно подметил:

— Видишь, ведьма, я не один, и ты в наших в руках. Молись своим богам, как там, в вертолёте, молилась. Вдруг услышат, ещё раз помогут.

Я стояла молча, понимала, какая каша заварилась с этими колёсами. Одного — не нашли. Но вмешался Борода.

— Ша, командую здесь я. Вот найдём всю партию, тогда и поговорим. Твоя участь не лучше её, а может, ещё и хуже.

Череп побелел, и его даже затрясло.

— Это ты мне, морда крысиная? Да я тебя одной рукой раздавлю. — Он попытался встать (хоть нога ещё сильно болела), но, охнув, сел на топчан.

— Вот то-то, — прорычал Борода, — теперь — я здесь хозяин, а ты знай своё место. Губатый! Покажи-ка ему, как надо старших слушаться.

Бандит подскочил к Черепу и двинул прикладом автомата в живот так, что тот завалился на бок.

— Решено. Пока проберёмся к стоянке нашего вертолёта, будешь готовить и следить за порядком. Люблю хорошо поесть, и чтобы чисто было. Брезгую. У тебя в сторожке чисто и малышка чистенькая. Веди себя по уму, как мне надо, и останешься живой. Тебе не о себе думать надо, а вот о ней. Я такой, захочу, — передумаю, и её на органы сдам. Это дело прибыльное.

В его мрачных глазах из-под мохнатых бровей, словно блеснуло лезвие кинжала.

— Мы долго вас искали и сильно отклонились от маршрута. Собирайся. Тебе вещей нужно много для ребёнка? Вот Губатый и будет твоим носильщиком и охранником. Головой за тебя отвечает. Ну, а ты за собакой следи, и чтобы мелкая сильно не орала. Не люблю. Ты её в кабине нашла? И в честь погибшей дочки Черепа Катькой назвала?

Я утвердительно кивнула головой, и сильнее прижала к себе ребёнка.

Борода вновь остановил на мне немигающий, хитрый взгляд.

Глава 4. Скала тишины

Сколько было привалов, не посчитать. На одной из импровизированных остановок потерялся Ральф.

Губатый сорвал голос, но пёс не отзывался. Бандит, шипя, метал в мою сторону взглядом злобные молнии. Резвой прытью подскочил и приставил к груди автомат.

— Ну, ментовка, колись, куда псину отправила? Борода, ну разреши пристрелить эту тварь!

— Жаль щенка, для леса он пока не подготовлен, — тихо проговорила я без эмоций, в упор смотря в его крысиные глазки. — В тайге Ральфа за каждым кустом подстерегает опасность.

— Закудахтала квочкой! — криво усмехнулся он, с ожесточением, с удвоенной силой давя на ствол. — Ты за свою шкуру переживай, трясогузка.

Я повернула голову в сторону главаря. Наши взгляды встретились. В его глазах пробежали пляшущие бесноватые чёртики.

С минуту он чего-то выжидал, только потом последовал окрик:

— Оставь, Губа, не мельтеши. Я тебя сейчас первого прикончу.

«Как без Ральфа, верного друга? — назойливые мысли не отпускали ни на миг. — В собаках не разбираюсь, даже возраст определить не смогла. — В памяти хаотично возникали кадры перед посадкой в вертолёт. — Одно точно: овчарёнок прошёл в своё время неплохую подготовку. Хозяин вёз его в большой сумке, — в вертолёт с животными не пускали! Мы с Катей осиротели. К сожалению, Черепа другом даже язык не поворачивается назвать. Его странные поступки — загадка».

Горестный ком потери застрял в горле.

Ральф заметил у берёзки ушастого зайчишку и залёг в засаду. Только и заяц не промах, учуял опасность, пустился наутёк. Незадачливый охотник, не желая упускать добычу, стал его преследовать. Зайчишка, бегая по кругу вокруг дерева, сделал резкий бросок в сторону и исчез из поля зрения «охотника».

Ральф взял след, добежав до глубокого оврага, остановился. На его мордочке появилось недоумение, куда мог исчезнуть запах дичи? Пёс, не раздумывая, пустился дальше по лесу. Вдруг увидел, что его добыча — серый, лопоухий — как-то слишком высоко подскочил и повис на ветке раскидистого кедра. Ральф подпрыгнул, зубами ухватил конец верёвки, потянул на себя. Но в это время его остановил властный окрик:

— Не балуй, моя добыча. Ты откуда здесь взялся? Шустрый какой!

Ральф застыл и с опаской посмотрел на говорившего. Из-за дерева вышла женщина. Она опёрлась на ружьё, внимательно разглядывая собаку. Ральф хорошо знал этот длинный предмет и попятился, спрятался за широким стволом пихты, изредка осторожно выглядывал из-за укрытия.

Женщина сделала вид, что занята работой, — вытащила зайчишку из петли. Стукнула головой о тот же ствол, за ко-

торым пряталась собака. Засунула добычу в сумку, висевшую на боку. Не упуская из виду животное, продолжала вкрадчиво с ним беседовать:

— Хороший пёс, шибко хороший! — произносила слова нараспев и при этом как-то особенно клацающая языком. — Есть хочешь? Ну, пойдём, покормлю.

Пёс понял по тону голоса, что опасности нет. Завиляв хвостом, потрусил следом за ней.

Новый привал обещал быть долгим. К вечеру к нашему лагерю из леса с оружием вышли двое. Мне показалось, что это просто охотники с добычей. Они несли на рогатине огромного секача. Но когда увидела, как Борода встречал их с распростёртыми объятиями, я подвела итог и лишь горестно вздохнула:

— К старым бандитам прибавились новые!

— Толстый, братан, вот так встреча, — гоготал главарь банды...

Мне теперь приходилось готовить и прислуживать всей этой гоп-компании.

Они вели себя развязно, устраивали разборки за каждую дозу наркотика. Часто Губатый и Жердь с дрожащими руками клянчили у главаря шайки «пайку» (это так называлось на их жаргоне).

Губатый на какое-то время потерял ко мне интерес. Я понимала — это ненадолго. Жизнь моя и девочки зависела от настроения Бороды. Но меня в данный момент больше всего беспокоило её здоровье. Всегда спокойная, она в последнее время часто капризничала, чем сильно раздражала попутчиков. Я старалась устраивать своё место на ночлег подальше от всей этой шатии-братии, под каким-нибудь раскидистым кустом. Натянутая куртка на ветках — небольшая защита от утренней росы.

До захода солнца бандиты разожгли посреди поляны большой костёр. Борода на мою просьбу побыть немножко с ребёнком удовлетворительно кивнул. И в его глазах вновь промелькнули искорки, похожие на отблески от костра.

Много ночей я уже не спала нормально, малейший шорох прерывал сон.

Рано утром, до восхода солнца, я проснулась от лёгкого прикосновения. Резко открыла глаза, инстинктивно прижала

девочку к груди. Сердце от неожиданности затрепетало, мерзкий холодок тревоги пробежал по спине.

Рядом лежал Ральф и лизал руку. Я, не издавая ни звука, обняла пса, прижимаясь лицом к его жёсткой, горячей шерсти.

Хотя Ральф дружелюбно вилял хвостом, но в то же время то и дело поворачивал морду к лесу. Затем ухватил меня за штанину и потянул за собой. Я поняла, — он вернулся за нами. Свой старый, добротный рюкзак пришлось уложить на «постель» и накрыть тряпкой, служившей одеялом. Ральф подтащил к моим ногам второй рюкзак.

«Вещь Бороды? Значит, так нужно!» — подумала я. Молча накинула его на плечи, и мы скрылись за ближними кустами багульника.

Туман густым, плотным, топлёным молоком заполнил овраги, лощины. Трава насытилась влагой и холодным душем проникала под мои изношенные вещи. Страх погони гнал вперёд. Знала одно: поймают, и Господь не спасёт.

Ральф бежал впереди и постоянно оглядывался, если я не успевала, он останавливался, ждал.

Крутой подъём отнимал силы. Рюкзак давил на плечи, а ребёнок становился тяжелее с каждым шагом. Поднявшись на горку, увидела сосновый бор.

Тонкие, высокие, ровные, без единого сучка, стволы поднимались в небесную высь. Там, среди облаков раскинулась их пышная, мохнатая крона. Будто какой-то великан сорвал с верхушек старые шишки сосен и щедрой рукой разбросал вокруг. Лес хорошо просматривался.

Ральф резко остановился, замер. Я осторожно подошла и стала рядом. Девочка на моих руках уснула. По пути то тут, то там встречались странные каменные глыбы, поросшие растениями с мясистыми листочками и золотистым корневищем. Вокруг них склонили свои головы раскидистые, низкорослые осины, а за ними — густые заросли жимолости и черемши. Запах чабреца насытил воздух пахучим ароматом.

Вскоре сквозь деревья стала просвечивать, весело поблёскивающая на солнце, водная гладь. Я облегчённо вздохнула.

— Умница, Ральф! Ты знал, куда меня привести. — Есть вода, укрытие, но главное — сизые ягоды голубики радуют глаз и пробуждают аппетит. — Ну что, дружок, привал?

Солнце золотило верхушки деревьев. Птичий гомон разрушал тишину.

Череп проснулся первым. Братва громкими руладами сотрясала утреннюю тишину, расположившись у костра. Утренний туман загасил его последние искры. Женщина с ребёнком спала, укрывшись с головой.

— Корова, вставай, костёр проспала, псовка!

Увесистой обгоревшей палкой Губатый резко стукнул по «спящей». Удар получился приглушённый. Он в ярости сорвал одеяло и замер.

Вместо женщины с ребёнком — мешок, набитый тряпками. Он неистово разбросал оставшиеся вещи, топтал ногами.

— Баба с дитём исчезла! — кричал с пеной у рта, расталкивая сонного главаря, который не мог сразу понять, что произошло.

— Отморозок, почто орёшь? Как посмел?

Вокруг — нетронутая природа. Горная цепь к югу от озера, где мы отдыхали, мне казалось, протянулась на километры. Оглядевшись, поняла — тупик! Мы стояли на плато, перед взором открывалась панорама окрестностей. «Здесь, наверное, живут боги! Но меня пугает этот глубокий обрыв», — подумала я в смятении.

Пёс подвёл к скале, нависающей над обрывом, легко её обогнул, и мы вошли в незаметную расщелину. Крупный человек, как Борода, сюда не сможет даже втиснуться. Проход очень узкий. Мы всё спускались и спускались прямо к основанию горы. Огромные сталактиты свисали сосульками. Воздух плотно насыщен тяжёлыми парами. Если бы пещера не продувалась, можно было бы задохнуться от удушающих газов.

— Ральф, я устала! Прошу тебя, давай немного отдохнём! Катюшку покормить надо, что-то она притихла, — шёпотом, раз за разом твердила я.

Но пёс вёл себя взволнованно. За время отдыха Ральф то возвращался назад к входу в пещеру, то подбегал ко мне и нетерпеливо поскуливал.

— Ещё немножко, прошу тебя. Я понимаю, нужно спешить, но сил нет! Ребёнок стал таким тяжёлым, руки не держат. Боюсь уронить, — я гладила собаку и разговаривала с ней шёпотом. — Хорошо, пойдём. Надо, так надо.

Борода бушевал. Его злило то, что этот отморозок повёл себя с ним, как равный. И то, что проспала заложницу.

— Это ты их увёл от нас и спрятал? — кричал он на Черепу, а глаза наливались кровью. — Она не могла уйти одна с

ребёнком. Кто ей помог? Если к вечеру не найдём, тебе крышка. Только эта баба может тебя спасти. Она — наш главный свидетель. Искать! — орал главарь.

Губатый воскликнул:

— Эх, был бы её пёс, вмиг нашли по следам!

Борода резко оглянулся и со злостью ударил его прикладом в спину.

— Смрадный червь, ты и только ты её упустил! Вперёд, на поиски! Повторюсь: к вечеру она должна быть здесь! Товар зарыть, пойдём налегке.

Гора осталась позади. Мы вышли к площадке с редкими деревьями и низкорослой травой. Внизу раскинулись зелёные островки среди воды. Я сразу не могла понять, что это такое. Когда подошли совсем близко, поняла — болото!

— Милый мой Ральф! Куда ты нас завёл? Я не умею ходить по болотам. Вот и всё, здесь нам и конец!

Но мой пёс не сдавался. Он вильнул успокаивающе хвостом, и не замедлял, а продолжал бег.

Группа из четырёх бандитов уверено, с волчьей хваткой, шла по следам беглецов.

— Губа, ты прекрасно заменяешь хорошо дрессированную немецкую овчарку! — зло насмеялся Борода. — Если бы ты служил у немцев во время войны, тебе цены не было.

Губатый молчал. Кто-кто, а он-то хорошо знал крутой нрав главаря. В его душе разгоралось адское пламя мести.

— Только бы найти эту тварь. Разорву на куски. Сначала ублюдка, а потом и её. Руки мои чешутся, жаждут крови, — шипел он сквозь прокуренные, гнилые зубы.

Бандиты остановились у озера. Губатый продолжал поиски в одиночку.

— Есть, нашёл. Она здесь отдыхала. Смотрите все сюда. Трава примята. Свеженькая! Вылёживалась, овца драная! Попалась! Теперь никуда не денется! — радовался Губатый.

— Далеко не уйдёт, — успокоившись, главарь для порядка покрякивал на свою банду. — Местности не знает. Волков испугается, и за девчонку тоже. Сама прибежит.

Он уверенно шагал позади братков-головорезов.

— Молодцы, — выродки, как на подбор! По ним тюрьма плачет, а они в тайге отсиживаются. — Он вдруг что-то вспомнил, резко остановился, почесал затылок. «Мать твою, а ведь я ни на одного из них положиться не могу. Вот на эту женщину можно. Надо же, из последних сил борется за чужую девчонку. Собаку пригрела. Нас кормила! Хотя запро-

сто могла и отравить. Ядовитых трав — море. Хорошая хозяйка и жена из неё получилась бы. Поймаем, присмотрюсь внимательней»!

Узкая тропинка пролежала вдоль высокой горы, параллельно с болотом.

— Только бы не оступиться и не угодить в трясины. Ральф снова куда-то исчез! — шептала я чуть слышно. — Надо же, даже сама с собой разговариваю шёпотом, словно боюсь, что кто-то услышит. Да и пёс ведёт себя странно! Исчезает на некоторое время, потом внезапно появляется и всегда в хорошем настроении. Интересно, какую дрессировку прошёл и для чего? — Меня этот вопрос занимал всё больше и больше.

— Почему такого умного пёсика везли в сумке? Кто же был его загадочный хозяин?

Девочка вновь заплакала и как-то обмякла. Я прижала её к себе и поцеловала в лобик, он был горячий. Меня охватил жуткий страх. И не выдержала, снова дала волю слезам. Прижимая к груди её маленькое тельце, гнала от себя плохие мысли.

«Чем могу ей помочь? Уже ничем. Вокруг ненавистная тайга. Нужны питание, лекарство. У меня нет ни того, ни другого. Неужели я её потеряю?.. Пстой, есть рюкзак, который всю дорогу тащила на спине, нужно проверить его содержимое. А вдруг на наше счастье там есть и лекарства, и еда»?

Когда открыла, охнула. Он был наполнен деньгами. Там же нашла и аптечку. Но, увы, таблеток в ней не оказалось. В расфасованных маленьких пакетиках — белое вещество.

«Бог мой, это же наркотики! И эту гадость тащила всё время? Ну, Ральф, ну и подсунул ты мне подарочек! Что со всем этим барахлом делать? Но рюкзак бросать нежелательно. Тяжёлый очень! Нет, нельзя бросать! Да и Ральф так решил, но почему»?

Оглянулась, а собака опять куда-то исчезла. Кричать — нельзя! Опасалась погони.

— Ральф, миленький, прошу, не оставляй! Куда теперь идти? — шептала в отчаянии.

— Удача! Босс! — Губатый торжествовал. — Она снова делала привал. Далёко от нас не уйдёшь, голубушка! — Радость удачи подстёгивала, он звал остальных, громко кричал. И ни минуты не раздумывая, первый шагнул в расщелину

скалы. — Она здесь затаилась. Мы эту бабульку тёпленькой возьмём.

Вдруг что-то внутри горы загудело, загремело, раздался страшный грохот, и тонны пыли поднялись вверх.

Жердь успел отскочить.

— Борода, там, под завалами, Губатый остался, — с ужасом в округлённых, затуманенных от дозы глазах, кричал Жердь. — Возможно, ещё живой. Будем копать, братана выручать?

— Вот ты и копай. Козлы безмозглые, теперь след её потеряли. Чего разорались? Вы что, не знали, что эта гора Тихой зовётся? Здесь говорить нужно трижды шёпотом.

— Разве эта? — удивился Жердь. — Та гора там, за сосновым бором!

— А мы где сейчас? Это она и есть, мы с другой стороны подошли. Именно здесь неприступная горная гряда. Эх, вы, тупоголовые отбросы общества! — Борода, не сдерживая злости, ударил увесистым кулаком Жердя в челюсть. Тот упал на землю. Руками вырывая траву с корнями, прошипел:

— Гадом буду, если эту ведьму не найду! — а сам подумал: «Ну, подожди, Борода, сочтёмся. Пока твоё время, но и моё не за горами!»

— Ты что, молитвы читаешь или ещё разок зубы посчитать? — рыком медведя-шатуна проревел главарь. — Мстить вздумал, хмырь? Да я тебя, шваль болотная, в бараний рог согну!

Глава 5. Карагасы

Ральф возник ниоткуда, также незаметно, как исчезал.

— Родненький, ну сколько можно идти? Давай отдохнём. Не уходи далеко. Мы идём уже часа три. На ночлег где будем останавливаться? — спросила я его.

В это время у нас за спиной, у той горы, где мы недавно прошли, что-то гроыхнуло. Я инстинктивно присела, заслоняя своим телом Катюшку.

— Нас выследили? Ральф, они здесь, рядом? Ну, что ты молчишь? Бежим!

На небольшой лужайке, задыхаясь от быстрого бега, я в изнеможении упала на землю. Перед глазами расплывались радужные круги. Ребёнок напомнил о себе слабым писком. Всё это время пока шли, — молчал. Мне иногда казалось, что к груди прижимаю горячие угли. Жажда мучила меня.

Уткнувшись лицом в мокрую траву, попыталась губами слизать влагу.

Приподнявшись на локтях, у края болота, между деревьев увидела водную гладь и бревенчатый угол избы, сросшейся со скалой. Вначале думала, что это видение, мираж. Потрясла головой и, собрав остаток сил, поплелась к ней. Меня удивил Ральф! Он на правах хозяина открыл дверь.

В светёлке — три окна, белёная печь с лежанкой. Посередине — стол, покрытый серой льняной скатертью, вышитой яркими петухами, и две широкие лавки. В углу — образ святого, не разобрала кто! У окна, на отдельном столике, радио и ещё один предмет, похожий на радиотелефон. На полу — большая медвежья шкура. На столе — чугунок, накрытый льняным полотенцем, разукрашенным вышивкой с оленями. Я положила девочку на лавку. Меня манило ведро с водой. Никогда не пила такой вкусной студёной водицы.

Потрогала чугунок — горячий. Открыла, а там свежая варёная рассыпчатая пшённая каша. Я подошла к скамейке и легла. В голове шумело, руки, ноги налились свинцом, и я провалилась в тёмную бездну.

Солнечный луч скользил по щеке. Открыв глаза, в недоумении рассматривала комнату.

«Где я? Неужели всё, что мне пришлось пережить, — страшный сон? А где Катя?»

Я подскочила, словно ужаленная роем пчёл, замерла.

Занавеска на лежанке отодвинулась, — на меня смотрели раскосые глаза. Мне стало дурно, тихо присела на лавку. Ральф подбежал к печке, стал на задние лапы и радостно завилял хвостом.

— Пришёл, бродяга! — проговорил хозяин дома, спуская ноги в меховых валенках с печи. Предо мной возникла древняя старуха с морщинистым, плоским, округлым лицом. Со всем не русская. Раскосые глаза, маленького роста, горбатая. И она гладила мою собаку? Положила ей в миску каши. Сказать, что я была удивлена, нет, просто ошарашена!

— Выспалась? Скорый сон тебе в руку! — хозяйка дома со мной разговаривала так, как будто мы хорошие знакомые.

— О ребёнке не беспокойся, температура не большая. Немного простыла. Там с ней Наталья, дочь моя. Она и собаку прикормила. Хороший пёс, умный пёс, — женщина ласково теребила по холке Ральфа. — Наталья говорит, что для охоты шибко годен. Да вот и она сама.

В комнату вошла женщина лет сорока пяти, черноволосая, статная, на руках — Катюшка. Девочка, увидев меня, заулыбалась, и потянулась ручонками.

— Есть хочешь? Ты так внимательно на нас с матерью смотришь! Раньше не встречала таких людей, как мы? — улыбнулась приветливо Наталья.

Я молчала и глупо улыбалась. Было стыдно, что незнакомые люди помогают мне, а я, неблагодарная, с недоверием их разглядываю.

— Наши предки назывались «карагасы» — это означает «чёрные гуси».

Хозяйка дома не обращала внимания на мою растерянность, и как ни в чём ни бывало продолжала:

— Они проживали возле устья реки Уды. Моя мама из рода шаманов и зовут её Пелагея Семёновна. Мы — коренной народ Сибири, прекрасные следопыты. Жили в юртах из оленьих шкур, слыхала?

Я снова кивнула болванчиком. Наталья, задумавшись, некоторое время помолчала.

— Теперь мы осёдлые, живём и по русским обычаям, и по эвенским. Всё перемешалось. Но связь поддерживаем с родными, в радости и в беде — друг за дружку. — Захочешь, я тебе много из нашей истории расскажу.

Я вновь усердно закивала, еле успев «нарисовать» на лице кислую улыбку. Казалось, мой страшный, удивительный сон продолжается, и нет ему ни конца, ни края.

— Это позже. Баньку тебе истопила, пойдём? Мамаша за девочкой приглядит.

Уже ничему не удивляясь, я покорно шла за хозяйкой уютного, хлебосольного дома. При выходе женщина потрепала мою собаку по загривку, как и её мать, что-то сказала на непонятном для меня языке. Ральф подошёл ко мне с умным видом. Я обняла его и прижалась щекой к густой эластичной шерсти. Он, облизав меня, выскочил в дверь.

— Ральф, куда, стой! — только и успела крикнуть вдогонку.

— Не переживай, он умный, всё понимает! Сам всё знает! — заключила Наталья, при этом звучно щёлкнув языком.

Борода, Жердь и Толстый стояли у края обрыва и смотрели на болотное поле.

— Она сама не смогла бы перейти! — уверенно сказал Борода. — Городская женщина в тайге, да ещё с ребёнком на

руках, ведёт себя хозяйкой? Странно, это очень, очень странно! А где наш Череп? Что-то его с нами рядом нет!

— Он остался там, зарывать товар, — ответил Толстый, крепыш-мужичок, на коротких (колесом) ногах, с отвислой челюстью, с крупными «лошадиными» зубами.

— А кто ещё с ним остался? — поинтересовался Борода.

— Да ты что, забыл? Вчера с нами пришёл один отморозок, Кацап. В розыске он. Жмурик на нём, менты на хвост сели, теперь — в бегах. Старик просил приютить, вот с собой и взяли. Охотник из него клёвый! Секача завалил одним выстрелом.

Толстый замолчал, словно выдохся, его утомил длинный диалог. Закусил нижнюю губу, правой рукой погладил заросший щетиной подбородок, пытливо уставил раскосые глаза на предводителя шайки.

— Борода, а на кой вам эта баба? Покупатель приехал, ждут давно с товаром. Да и девочки заскучали, а мы тут какую-то бабу-перепёлку ловим!

— Дурак ты! — криво усмехнулся Борода. — Эта баба, как ты сказал — свидетель. Мы не весь товар нашли. Она вероятно в курсе, кто его прибрал, но прикидывается дурочкой или правда ничего не знает. Тогда Череп должен Старику многое рассказать. Вот поэтому мы её и тащим за собой.

— Да, это точно! — подытожил Жердь.

Толстый воскликнул:

— Пытать с пристрастием заразу, и дело с концом!

— Не всё так просто! — с непроницаемым взглядом, с металлом в голосе ответил Борода. — Нам нужно доставить её живой к Старику, вот там и разберём все детали по косточкам.

— Так говоришь, городская? Но ведёт себя, как хозяйка тайги? — проявил особый интерес Толстый. — А как она попала в эту группу? Ведь мы сами подбирали каждого, и всю их подноготную знаем. Не один год туристов водим!

— Да понимаешь, в чём тут дело, — озабоченно произнёс Борода. — Как-то на этот раз всё пошло на перекосяк. Эта баба вдруг возникла ниоткуда. Василь, наш лётчик-вертолётчик, решил калымить, жену с дитём прихватил, загрузил вертолёт пассажирами под завязку. Он ведь не знал, что мы колёса товаром накачали. Череп, или теперь гадёныш паршивый, или, как и прежде — верный соратник? Дочку-студентку сорвал с экзаменов. Меня в известность не поставил. Рассчитался с

основной работы. Вопрос? Вот и получается, каждый умничал, и одного колеса не досчитались. А там, сам знаешь, сколько пакетов заложено!

— Так что мы стоим? — заторопился Толстый. — Быстрее в погоню, пока она далеко не ушла!

— Наверно, уже поздно! — напомнил Борода. — Дорога отрезана обвалом. Нужно возвращаться и обходить эту гряду с другой стороны. Это десятки километров. За месяц не успеем. Ни вездехода, ни вертолёта у нас нет. Вопрос об этой женщине меня тоже сильно волнует. Возможно, это хвост. Хотя есть ещё один вариант. Нужно до конца все детали проверить.

— Жердь, — Борода словно очнулся от своих рассуждений, — что застыл, как изваяние? Пойди и посмотри сверху.

К ним подошли двое — Череп с Кацапом. Толстый крикнул:

— Ну и где вы так долго бродите? Сколько можно ждать?

— Борода, ну ты понял, это Кацап, тот самый, что кабана завалил. Давай, распоряжайся! Как будем действовать дальше?

— Разделимся на две группы — сказал чётко главарь — ты с Кацапом пройдёшь вверх к сосновому бору. Я с Черепом и Жердем просмотрим внимательно плато. Если баба не погибла в пещере, будет где-то рядом. Возможно, она в пещере только отдыхала.

Борода вдруг воскликнул:

— Смычок мне в глотку! Как я раньше не додумался! Её кто-то ведёт по тропе карагасов. В эти места такие племена когда-то переселились. Только они знают тайну горы или же сам всевышний её охраняет. — Он подошёл к скале и стукнул по ней кулаком.

— Я слышал, если попасть внутрь горы и спуститься к подножию, там течёт подземная река и есть каменная дорога. Но вход не знает никто, эта щель, в которую просунул свою башку Губатый, только маленькая форточка к великой тайне.

Он медленно стал проходить вдоль скалы и руками ощупывать каждый выступ.

— Чувствую, вот чувствую её запах — где-то рядом! Как в сказке, крикнуть бы: «Сим-сим, откройся!» И скалы вмиг раздвинулись. — В его глазах сверкнули звездочки надежды.

— Дед, ему в субботу сто лет, эвен (мне как-то привелось быть в гостях в одном из дальних стойбищ) рассказывал сказку о горе счастья. В её недрах зарыты несметные сокоро-

вища предков карагасов. Но никто не сумел найти эту тропу. А ведёт эта дорога к скале Тишайшей.

Он радостно воскликнул:

— Вот оно, счастье, близко, рядом, а не возьмёшь! Но дед предупреждал. Без специального заклятья не найти, и не войти в подземелье. Говорил, что боги охраняют её. Непрошенных гостей уничтожают, а потом новые тропы прокладывают.

Он задумался и медленно продолжил:

— А ведь раньше этой расщелины не было, не раз мимо ходили, Губатый и Жердь свидетели. Хотя Губатый уже не свидетель, он в аду. — Борода пылливо раздвигал руками заросли черемши. — Раньше была сплошная гладкая стена без единой трещины, рядом пропасть, внизу, сколько охватывает взгляд, непроходимая топь.

Он отошёл несколько шагов от горы, и, озадаченный, проговорил:

— Всё не так! Получается, будто страшный, сильный великан эту скалу перевернул другой стороной от болота? Есть выступы, трава растёт, мох даже. Жердь, посмотри, подтверди, что действительно, была гладкая стена!

Жердь стоял у самого края пропасти, на вершине скалы, густо поросшей лиственницей, всматривался вдаль. Что-то решив, он выбрал увесистую палку и бросил вниз. Затем снял рубашку, положил аккуратно на землю, вытащил из своего рюкзака верёвку, закрепив на поясе, привязал другой конец к выступу на скале, стал спускаться. Солнце припекало, гнус с остервенением набросился на голое костлявое тело. Спустившись к болоту, подобрал палку и осторожно стал перепрыгивать с одного островка на другой.

— Гиблое место! — прошептал он. — И куда исчезла старуха? Братки правы, нашла вечный покой в скале. Какая возможность была позабавиться!

Ральф спешил. Почуввав ненавистный, мерзкий запах марихуаны, остановился. Залёг в высокой траве и медленно, ползком продвигался к намеченной цели.

От лёгкого шелеста насторожился и Жердь. Не задумываясь, размахнувшись, резко бросил в ту сторону палку. Вспорхнула болотная сова. Прятавшиеся в траве стайки куропаток взметнулись вверх. Жердь чертыхнулся с досады:

— Чего только не померещится от страха, — дёрнул себя за ухо, по привычке почесал нос. — Жаль, пайка на скале

осталась, в кармане брюк. Сейчас бы в самый раз — для храбрости...

Жердь решил предпринять ещё одну попытку пройти через трясину.

— Олух рязанский, слегу выбросил! Без неё не получится! Леший, видимо, рядом бродит. Вишь, сердце-то как скачет в груди, чуть-чуть, и само выскочит.

Он остановился на пяточке посреди болота, покрытого молодыми, пушистыми веточками брусники, с небольшим низкорослым кустом черники, усеянным ягодами краснофиолетового цвета.

Жердь крутил головой в разные стороны, зорко оглядывая местность. Его внимание привлекли вековые ели и гладь озера, переливающаяся серебристыми бликами под лучами полуденного солнца. Это место с горы не просматривалось. Оно было скрыто между двух невысоких горных гряд, окружавших водоём с востока и запада. На восточном берегу озера видна сравнительно небольшая поляна и добротный деревянный сруб, встроенный в гору. Именно скала, с востока нависшая над поляной, защищала от незваных путников. Он увидел дорогу, ведущую к озеру, небольшую пристань.

— Так вот где ты засела! Так, так, так... Видно, только с середины болота можно обнаружить место, где могла скрыться эта трясогузка.

Он радостно, торопливо потирал потные, трясущиеся руки.

— Баста, теперь не уйдёшь. Ох, и отведу душеньку. Да, с тобой, овца, и с Бородой ещё поквитаюсь. Решили со мной тягаться?

Он был горд.

— Удача-то повалила. Теперь Борода в моих руках! Старик не простит ему промаха с пропажей товара.

Оставшись без палки, он намерился перепрыгнуть с одной болотной кочки на другую.

Ральф лежал в засаде. Палка, упавшая почти рядом, не напугала. Он продолжал следить за бандитом. Выждав нужный момент, сделал пружинистый бросок. Жердь не ожидал нападения, попятился, балансируя руками, ноги соскользнули с кочки, и он провалился в смрадную преисподнюю. Острые зубы Ральфа вцепились Жердю в горло. Бандит пытался руками расцепить челюсти пса, но и зловонная жижа захватила добычу, не думала отпускать. Жердю стало страшно, под ложечкой засосало. Собака не давала возможности ухватиться за ближайшие ветки кустарника.

— Жаль, очень жаль. А ведь у нас с ней могло что-то и получиться, — улыбнулся Борода сладостным мыслям — наверное, она всё же осталась под завалами вместе с Губатым — группа, возглавляемая Бородой, просмотрела прилегающую к горе местность. И, словно очнувшись от приятной истомы в душе, не разрывая нить разговора с подельниками, продолжал:

— Да, верно, Губатый кричал нам, — что-то там нашёл. Но что, — мы никогда теперь не узнаем. Вернёмся назад, к Жердю. Если и у него голяк, — на базу. Много времени потеряли. Умозаключения Бороды прервал Череп:

— Борода, — заорал он во всю глотку, — смотри, её собака! Борода, стреляй. Что ты медлишь? — он попытался перехватить его винтовку. — У тебя же СВД. Какие патроны в магазине, обыкновенные или трассирующие?

Борода резко оттолкнул Черепу.

— Пошёл прочь, мышь помойная. Решил меня поучить? Куда и как стрелять?.. Жердю крышка, полностью засосало, только руки и видны. Кто полезет спасать? — он ехидно улыбался. — Я так и знал, своя шкура дороже?

Какая силища, пёрышком собаку отбросил, а на вид — кукушонок ошипанный. И Жердь наверняка догадывался, что подохнет от зубов этой псины.

— Вот кого жаль, так это Ральфа, хорошая собака, умная, преданная! Дрессировку прошла, будь здоров! Теперь ей хана... Вопросов всё больше и больше, а разгадки-то пока нет, — с глубоким сожалением пробасил Толстый.

— Жердь заслужил то, что получил, паскудный слизняк. Он меня давно раздражал. Но Старик приказал не трогать до поры до времени. Времечко подкатило, судьба-злодейка сама распределила, — с едкой ухмылкой ответил ему Борода.

Они ещё некоторое время смотрели на болото.

— Баста! Пора! — Борода обвёл братков взглядом, не терпящим возражений. — Достаточно на нашу голову приключений. Двоих потеряли. Нехорошо это, нехорошо! Заклятье карагасов работает, гора собирает кровавую дань! — с мистическим содроганием прошептал главарь.

**Глава 6.
Ральф**

Солнце уже висело над верхушками сосен. Ральф некоторое время лежал неподвижно, встал, отряхнулся. Остановился у того места, где утонул его злейший враг, зарычал, победоносно гребанул задними лапами землю. Посмотрел вокруг, прислушался, прыгая через болотные кочки, побежал к знакомой только ему тропинке вдоль заболоченного устья реки. Он не обращал никакого внимания на сырой спёртый воздух, на кровососов слепней, сопровождавших его в пути. Многочисленные округлые ямы, поросшие кустарником, расходились веерообразными группами разных размеров. Если бы он был птицей, то с высоты полёта видел бы, как зыбкое пространство сплетается в кружева, соединённые друг с другом торфяными протоками. Его не интересовала окружающая природа, даже жирные аппетитные куропатки не манили пьянящим ароматом.

Я встала и подошла к печке.

— Бабушка, Пелагея Семёновна, если я оставлю на вас девочку, присмотрите? — В душе лавиной нарастала встревоженность, всё повторялось, как тогда, в вертолёте.

— Ральф что-то долго не возвращается! Пойду искать.

— Наталья говорит, шибко умная собака. Успокойся. Она знает, что делает. Её боги охраняют, такая у неё работа, — сообщила та с уверенностью.

— Да, бабушка, это очень умный щенок. Но не понимаю вас, что ещё за работа? Он маленький. Я его из сумки у разбитого вертолёта достала. Он был еле-еле живой. На моих руках пришёл в себя. Какая работа? Не понимаю!

— Придёт время, поймёшь! Глупая, разве он маленький, — большой собака, умный собака. А сейчас давай кушать. И девочка проснулась.

Спокойная речь Пелагеи Семёновны вселяла надежду.

— Пелагея Семёновна, а где ваша дочь Наталья? — Тревога не отступала, а потом вдруг обруч, сжимавший мою грудь, стал разжиматься и совсем сник. — Я её что-то не вижу, она будет с нами кушать?

— Нет пока, молчи и ешь.

— Я могу выйти на улицу?

— Не ходи, нельзя. Лезь на печь.

Мне вмиг передалось её беспокойство.

— Нужно прятаться, зачем? — Я растерялась и поняла: здесь какая-то тайна. — Нам вновь угрожает опасность? — с ребёнком на руках и с вернувшимся страхом в глазах подошла я к пожилой хозяйке.

— Пока лезь на печку и сиди тихо. — Пелагея Семёновна, опираясь на палку, смотрела в окно, немного приоткрыв задёРНутую шторку. Потом она вышла в чулан и вернулась с ружьём. Дубовую дверь закрыла на большой крючок.

— Это ружьё моего деда. Он его с гражданской войны привёз. Для охоты на белку не подходит, мороза боится, а от волков и медведей в самый раз.

Ральф бежал по лесу. За время лесной жизни он набрался опыта, окреп. Холка расширилась, подшёрсток стал густым. Теперь он считал лес своим домом. Обогнав бандитов, первым прибежал на стоянку. Отсюда он увёл женщину с ребёнком. Она его кормила, жалела. Его собачье сердце это помнило. Ральф остановился среди поляны, обнюхивая медленно воздух. Хорошо знакомый, стойкий, неприятный запах марихуаны у раскидистого орешника злил. У самого корня земля была свежевскопанная и поддавалась легко. Он разрыл её лапами, вытащил большой рюкзак. Зубами стал энергично рвать плотную ткань.

Из прорехи на землю посыпался белый, едкий порошок. Вначале Ральф бросил мешок, попятился назад, присел на задние лапы, посмотрел по сторонам и заскулил. Затем подхватил мешок за угол и начал бегать по всей поляне. Наблюдал, как содержимое из вещевого мешка высыпалось на землю. Бросился в кусты.

Перспектива главаря банды не радовала. Доказать хозяину пропажу большей части товара он теперь не сможет. Потеря людей, исчезнувшая заложница, — всё против него. И ещё неприятность: задержка по времени, подвёл покупателей.

— Череп, вы хорошо товар запрятали? — остановился резко и подозвал его к себе.

Тот высоко поднял руку с большим пальцем.

— Всё о, Кей, будь спокоен! Мы его под сосной зарыли, где эта *трясогузка* с дитём лежала. Место кустарниками закрытое, землю притоптали, никто не догадается, да и кому нужно искать, мы же одни здесь на сто вёрст.

Рванный рюкзак валялся у потухшего костра.

— Это собака, её собака, она не сдохла! — загнанным зверем зарычал Борода. — Она натаскана на наркотики. Это

специально подготовленная собака. Женщина не просто женщина, она — подсадная. Откуда ты её взял? Почему она именно в твоей группе?

Бандиты застыли на месте, опасаясь сделать лишний шаг по «дорогушему ковру».

— Ты, индюк косоглазый, всё знал? — разносился по при тихшему лесу грозный рык Борода. — Всё рассчитал? Под готовился драпать за кордон? Всё о, Кей, да о, Кей? Ещё не вечер, мы с тобой разберёмся! — Он стал вплотную к Черепу и прохрипел:

— Попрыгай козлик, гадюшник. Если не поймаешь эту овчарку, пристрелю вместо неё. — Затем он выстрелил несколько раз вокруг его ног. Череп прыгал и орал со страхом в глазах:

— Я сам, сам до колик в животе хочу поймать эту тварь. Я эту бабу вижу, как и ты, впервые. Мне позвонили и сказали, что женщина, которая всегда летала с нами, заболела. Этот вопрос решала моя дочь Катя. Нужно было возвращать деньги. Я об этом узнал уже, когда в самолёт сели. Не проконтролировал, нужно было свои срочные проблемы решить.

— Почему нас сразу не предупредил? — брызгал слюной Борода.

— Дочку не желал подставлять. Она мне всегда во всём помогала. Ты же был в курсе!.. Время теряем, скоро стемнеет. А ты разборки устраиваешь!

Кацап упал на землю, лихорадочно слизывая с травы порошок. Борода в ярости разрядил в него весь магазин. У Череп и Толстого округлились глаза, они растерянно смотрели на распластавшееся тело Кацапа, словно он решил поплавать брасом.

— Искать, — кричал Борода с пеной на губах.

Втроём пробираясь сквозь чащу, они спешили по следам собаки.

Борода воскликнул:

— Череп, а ведь она ведёт нас к сторожке или, возможно, к разбитому вертолёту?

Тот сделал вид, что не услышал слов главаря, ускорил шаг и оторвался от группы преследователей.

— Стойте, здесь уже без нас побывали! — внимательно осмотрелся Борода.

— Да это же пассажирка, всё бегала, трясогузка, вещи собирала. Хоронила сама, а я с ногой лежал в сторожке, — поддал голос Череп.

— Продолжаем поиски! — шипел главарь. — Смотрите, там, у стога сена — собака. У неё что-то в зубах. Стреляйте же, стреляйте. Кто её пристрелит, получит от меня лично большой куш. Не обижу, награжу по царски.

Ральф вытащил из-под стога сена второй такой же рюкзак, рванул зубами ткань. Плотное, хорошо прошитое полотно не поддавалось.

Защёлкали выстрелы, над его головой зажужжали пули. Овчарка, не бросая находку, залегла в ближайших кустах. Наконец-то ей удалось сделать прореху, и оттуда тонкой струйкой посыпался всё тот же белый порошок. Пули засвистели чаще, но он не бросил находку, всё дальше убежал в лес.

Борода замер, увидев снова белый порошок на траве и листьях кустарников. Ребус сошёлся.

— Так это всё-таки Череп спрятал недостающий товар? — его скулы передёрнулись от злости. — Ну, погоди, иуда! Беги, беги христопродавец, но далёко не уйдёшь, руки у братков длинные...

Ральф подбежал со своей ношей к озеру и замер в прибрежных кустах.

Преследователи не заставили себя долго ждать. Они друг за другом выскочили на берег. Череп прочесал автоматной очередью по кустам и вдруг услышал визг. Ральф визжал и извивался от боли на земле с простреленной лапой.

— Как я ненавижу эту тварь. Эта собака поломала все мои планы и надежды. Но самая главная потеря — дочь! — В душе Череп разгоралось огромное желание пристрелить ненавистное животное. Он вскинул автомат, прицелился.

Борода ударил Черепу прикладом в спину, тот и рухнул на землю рядом с собакой.

— Не добивай Ральфа! — крикнул Толстый, останавливая главаря, нацелившегося на собаку. — Если ты не возражаешь, я его себе возьму, и перед хозяином заступлюсь. Всё подтверждаю. Давно мечтал иметь такую. А иуду этого, — он кивнул на Черепу, — мы тёпленьким доставим. За всё отве...

Толстый не успел закончить фразу, как увидел, что их окружают военные в камуфляже.

— Бросить оружие, руки вверх! — раздалась короткая, чёткая команда.

Борода резко повернулся на непонятный приказ. У него в груди с новой силой забурилась злость, — руки потянулись к винтовке.

— Кто это тут гавкает? Кто так решил? — заорал с раздражением, но, от удара прикладом, согнулся и упал на колени рядом с Черепом, Толстым и раненой собакой.

— Этих в наручники и привязать к дереву, — приказал молодой голос. — У-у, хари наели, братки-лесовики!.. Раненую собаку на катер.

— Бабушка, Пелагея Семёновна, стреляют? — я услышала выстрелы и слезла с печи. — Там Ральф. Это по нему стреляют?

Старушка открыла дверь, взяла меня за руку и вывела из комнаты через маленькую дверцу за печкой.

— Пойдём пока, милая, укройся с девчушкой в расщелине. Я там травы сушу. Чем леший не шутит. Боги не выдадут, и чёрт не съест. Посиди, посиди малость, милая. Если что, там есть ещё один тайный лаз, в нём отсидишься, пока здесь поутихнет. Мы тебя не бросим в беде, скоро и родственники из нашего племени будут и внук с отрядцами. Потерпи малость, намаялась, касатка?

Сколько прошло времени, я не знала. А оно тянулась медленно, как там, в самолёте. Я вздрогнула от неожиданного появления Натальи из узкого проёма в скале.

— Что, голуба моя, испугалась? Выходи! Твои мучители пойманы.

— А Ральф? Где Ральф? — заволновалась я.

— Жив твой Ральф. Немного поцарапали. Хороший пёс. Шибко хороший! — загадочно улыбаясь, проговорила Наталья.

Недалеко от избы, у раскидистой ели на берегу озера я увидела группу людей в военной форме. Борода и Толстый сидели, пристёгнутые к веткам дерева наручниками. Череп лежал на песке со связанными руками. Увидев всю эту картину, я опустила на землю, прижала к себе девочку и беззвучно заплакала. Ко мне подошёл молодой боец и помог подняться.

— Зачем так убиваться? Операция по захвату бандитов-наркоторговцев завершилась. Вы живы, здоровы! Сожалею, что вам пришлось пройти испытание на прочность, но по-другому не получалось.

Я удивлённо посмотрела на военного.

— Вы, наверное, внук бабушки Пелагеи Семёновны? — продолжала всхлипывать сквозь пелену слёз. — Какое большое сходство!

— Нет, в первую очередь я сын Натальи, Владимир, а потом уже внук, — задорно ответил юноша и заливисто рассмеялся.

Этот смех вернул меня к жизни. Благодаря ему я поняла: жизнь продолжается. Я с ребёнком на руках подошла к Бороде. Он сидел с опущенной головой и смотрел в землю. Медленно поднял голову и наши взгляды встретились. Минут пять мы молча смотрели друг на друга. Ребёнок ему улыбнулся.

— Как быстро растут маленькие, — выдавил он из себя, слизывая сочившуюся кровь с разбитой губы.

— Спасибо! — тихо прошептала я.

— Если напишу, ответишь?

— Да! — Я прижала Катюшку к груди, и, не оглядываясь, пошла навстречу Наталье.

Наташка, зарёванная, сжавшись в углу на диване, прошептала:

— Танька, ты герой! Я бы на месте наших генералов тебе медаль дала, золотую, — вытирая лицо моим полотенцем, которое висело на спинке дивана, сказала она, и продолжила:

— Это же надо, столько пережить! Жуть!

Вдруг резко соскочила с дивана и помчалась к входной двери, по пути перевернула журнальный столик.

— Танька прости, я всё поправлю! — она подхватила валявшуюся на полу сумку почтальона и долго в ней рылась.

— Тань, пляши, тебе ещё письмо заказное, — она держала синий конверт двумя руками, пыталась прочесть адрес.

— Тань, а это письмо казённое? — она с удивлением его рассматривала. — Невероятно, как в сказке. — Она вновь устроилась на диване в любимой позе. — Неужели ответишь? Бандит ведь!

— Обязательно отвечу! — выхватив у неё письмо, с лёгким трепетом в груди ответила я радостно. — Какая ты, Наташка, глупенькая! Он меня, собаку, Катюшку всё то время оберегал от братков. Я это чувствовала, и говорю ему много-много раз спасибо, и буду за него всю жизнь молиться.

Белая кость

Повесть

*Старшей медсестре военного госпиталя Сенюшкиной
Ирине Владимировне посвящается*

Первая глава. Надежды и мечты

Ирина любовалась весенними пейзажами полноводной реки, придерживала шифоновый белый шарф, трепетавший от потоков свежего ветра. Река давно отчистилась от грязно-серого ледового панциря. Девушка наблюдала за перистыми облаками, пролетающими над головой сказочными пейзажами и любовалась багрово-красным солнцем, величаво плавающим среди бело-голубого великолепия. Ей вдруг привиделось, что солнце — это огромный корабль, облака — воздушные волны. И плывёт этот сказочный корабль-солнце по волнам в дальние страны. Несёт жителям больших городов и маленьких посёлков надежду на счастливую жизнь.

Её сердце переполняло пьянящее чувство радости.

Пролетели беззаботные школьные и студенческие годы. Отзвенели выпускные экзамены. Прощальный вальс, она — в розовом шифоновом платье, грациозно облегающем её тонкую, изящную фигуру. Красный диплом в сумочке вселял надежду на благополучие и удачу. Отличница, медсестра, фельдшер... словно очнулась от навеянного сна, оглянулась.

«Интересно, где все однокурсницы?» — подумала она.

Девушки группами расселись на лавочках набережной. Весело щебетали, звонкий смех разносился над рекой.

«Что там впереди? — продолжала думать Ирина. — Наша новая дорога ещё затянута туманом!» — вновь посмотрела на однокурсниц.

«Каждая верит в своё счастье. Вот и я верю, надеюсь, что всё в моей жизни будет хорошо. Счастье уже рядом и скоро произойдёт самая желанная встреча. Есть любимый, единственный, и я верю, — он будет мой и только мой. И пойдём рука об руку, — радость и печали пополам» ...

Только мысли... Но душа уже трепетала в предвкушении чуда. Снова и снова в памяти всплывал прощальный бал, ребята из военного училища... Сергей! Чувствовала себя пушинкой в его крепких руках. Вальс Рахманинова в тот миг звучал только для них. Карие глаза завораживали нежностью. Искорки этой нежности проникали в сердце, и оно замирало от наслаждения. Ирина улыбнулась, а мысли радовали и не отпускали, ретивыми скакунами уносили в страну грёз:

«Это он, это точно он! Другого быть не дано. Стройный, широкоплечий, — волевой подбородок, чёрные густые брови. Словно два крыла, подчёркивали пылкость и страсть в глазах, которые магнитом притягивали к себе». — Девушка чувствовала приливы радости и нежности к молодому офицеру.

«Даже в этот момент я вижу его глаза, которые смотрят на меня с облаков. Эти глаза преследуют и в толпе прохожих, и дома». — Она ещё полностью не осознавала, что любовь, первая любовь дала побег и стала разрастаться в огромное чувство. Волны страстной нежности переполняли душу юной дончанки. Им внутри не хватало места, они рвались на простор. Девушка устремила взгляд ввысь и тихо прошептала, как бы прислушиваясь к своему шёпоту:

— Сергей, Серёжа, Серенький, Серый! Бог мой, какое замечательное имя. Подарок высших сил, — слова прервались, и ей почудилось, что кто-то позвал. Оглянулась.

«О, чудо! — пронеслось в голове. — Он рядом?»

Юноша с букетом белых ромашек возник из ниоткуда.

— Мои любимые цветы! — принимая неожиданный подарок, прошептала растерянno Ирина.

— Но? Почему ты в этот час здесь? — с интересом разглядывала парня. Мысленно отметила: «Как к лицу ему военная форма!» — старалась не выдавать нахлынувшую нечаянную радость, спрятала лицо в букет.

— Как ты меня нашёл? — прошептала, еле сдерживая волнение.

— Я знал, что вы после получения дипломов всей группой отправитесь на набережную. Мне с тобой нужно поговорить.

Ирина встревожилась и подняла на него васильковые глаза.

— Что-то произошло за то время, пока мы не виделись? — И вновь прижала букет ромашек к разгорячённому лицу.

— Как сказать! — ответил он однозначно. — Сегодня было распределение и меня переводят на Дальний Восток. — За-молчал, как бы собираясь с мыслями. — Я предлагаю тебе поехать вместе.

Ирина с удивлением на него посмотрела.

— Я правильно тебя поняла, ты зовёшь меня с собой?

Сергей многообещающе улыбнулся.

— А в качестве кого ты меня приглашаешь на Дальний Во-сток?

— Я предлагаю тебе руку и сердце. Ты так ничего и не по-няла?

Девушка, как эхо, повторила:

— Руку и сердце? Я думала, что это преждевременно! Мы не знаем хорошо друг друга. — Но её сердце ликовало: «Лю-бит, любит»!

Сергей резко сдвинул чёрные брови, между глаз пролегла глубокая складка. Он стал нервно мерить мостовую широки-ми шагами. Упрямо скрестив руки за спиной в замок. В этот момент стал чужим, пугающим.

— Понимаешь, Иришка! Я уеду по распределению. Мы расстанемся надолго. Я не хочу тебя терять. Ты сейчас долж-на решиться: «да» или «нет»! — Он привлёк её за плечи, об-нял, поцеловал в висок. Ирина легонько повела плечами, вслушиваясь в чарующие нотки.

— Ты мне безумно нравишься. Я до умопомрачения люб-лю тебя, — сбивчиво твердил Сергей.

Ирина выслушала его внимательно. Она боялась, что он может услышать, как громко бьётся сердца в груди. Но сдерживая эмоции, молча положила букет ромашек на стол-бик, к которому прикреплены решётки ограды. Цветы не удержались, упали в воду, не тонули, а качались на мелких волнах. Девушка провожала взглядом уносимые потоком ро-машки. Затем перевела взгляд на любимого и, вздохнув, тихо прошептала:

— Я не знаю! Так сразу? — и пошла по аллее, ведущей в город. Белый шарф развивался по ветру. Его концы, словно два крыла, махали на прощание.

Сергей догнал Ирину на остановке трамвая. Они ехали молча, ещё долго бродили у её дома, вместе вошли в подъ-езд.

Вся семья в сборе, родители с младшей сестрёнкой Наташкой сидели за уставленным яствами столом и ждали Ирину.

— Она у нас просто умница! Обмоем диплом и отпразднуем окончание учёбы, — воскликнул Владимир Иванович. — Сама поступила, училась на отлично!

— Да, да, как ты прав, отец, хорошая и добрая будет медицинская сестра, — поддакивала мать, ставя на стол поджаренную, с золотистой корочкой, утку с яблоками. — Это любимое блюдо дочурки! Только почему-то задерживается?

Отец со знанием дела пытался откупорить бутылку марочного красного вина. В это время открылась дверь, и вошла их дочь с молодым человеком в военной форме. В комнате зависла тишина. Наташка с любопытством разглядывала незнакомого парня.

— Иришка, а это кто? У нас гости? — Сестра подбежала к матери, прижалась и воскликнула: — Мама, у нас гости!

Мать забеспокоилась, поставила на праздничный стол ещё один прибор. Напряжение не проходило. Родители девушки смотрели на военного и ждали объяснений. Молчание за столом затянулось. Отец не выдержал, разливая вино по фужерам, проговорил:

— За знакомство!

Сергей словно вышел из оцепенения, поднял фужер:

— Да, конечно, за знакомство! И я прошу руки вашей дочери.

Мать, охнув, прижала руки к груди и вопросительно посмотрела на Ирину. Отец в недоумении застыл с фужером в руке. Опомившись, хриплым от волнения голосом проговорил:

— Просишь руки? Ну, и когда свадьба?

— Завтра, — опустив голову, произнёс смущенно Сергей. — Но сразу же резко встал, обнял Ирину уже твёрдо, словно ставя точку. — Да, завтра! Через два дня мы уезжаем в часть. Мне в училище выдали справку для бракосочетания. Времени совсем нет. Большой свадьбы, я думаю, не будет. Распишемся, посидим семьёй. — Он стал за спиной Ирины, как бы прикрываясь ею. — Я люблю вашу дочь. Позже будет и белое платье, и машина с куклой, цветы. Одним словом, всё дело в технике.

Наташка от восторга захлопала в ладошки.

— У нас будет свадьба! Наша Иришка выходит замуж. Ура-ра-ра!

Но родители не разделяли восторга младшей дочери. Эта новость обрушилась на них комом снега среди лета.

Вторая глава. Новобрачные

Поезд мчался вдаль, рассекая огнями темноту ночи. Пассажиры мирно спали.

Ирина лежала на нижней полке плацкартного купе. До её сознания так и не дошло то, что произошло за эти дни.

«Я жена, я жена! — повторяла она раз за разом, неслышно шевеля губами, и всякий раз гнала нарастающую в груди тревогу. — Правильно ли я поступила, принимая скоропалительное решение о замужестве? Но ведь мечтала о нём. Но почему беспокойство и тревожное состояние не покидают? Словно я села не на свой автобус и не знаю остановки, откуда можно вернуться домой». — Девушка сильнее зажмурила глаза, чтобы не видеть света от мелькающих за окном поезда столбов с фонарями. Мысли вновь вернули её в прежнее русло. Её пугал и навевал страх сон, который приснился перед бракосочетанием:

Она стояла перед деревянным добротным мостом. Совсем не хотелось идти на этот странный мост. Там внизу грохотала бурная, с тёмной водой, река. Решившись, сделала шагов десять, вот тут и поняла, что мост очень старый, скрипучий. Ирина, закрыв глаза, побежала. Когда открыла, увидела широкую наезженную грунтовую дорогу. Вокруг, тёмной зеленью, простирался лес. Цветущие сады, пение птиц. Но не успела одной ногой стать на эту дорогу, как почувствовала, что ноги проваливаются. И это уже не дорога, а трясина. Вмиг исчезли поля, лес и цветы. Вокруг серый мрак, холод, голые скелеты деревьев. Они поднимали сухие ветки к небу, словно просили у Бога помощи и защиты.

Девушка пыталась отогнать навязчивые мысли, но они с новой силой завладевали её сознанием. Конечно, времени разбираться в этом потоке страха совсем не было. В спешке даже не запомнились торжественные минуты регистрации. Всё обыденно, просто. Первой брачной ночи тоже не было. Вместо этого — жёсткий общий вагон и лёгкое похрапывание новобрачного на верхней полке. Мысли, горькие мысли навалились, сдавливали грудь. Ирина села, укуталась простыней и стала смотреть в окно на серые очертания городов, лесных массивов.

«Мы уже пятые сутки в пути! Надеюсь, скоро и наша остановка? Новая жизнь, новые места, люди. Всё обыденно! — девушка мысленно сетовала, подняла взгляд на верхнюю полку. — Сергей муж! Словно обыкновенный попутчик. Пижама, тапочки, зубная щётка. Нет ни нежных поцелуев, ни крепких объятий, о которых грезила в мечтах. Нет трепета души, которое испытывала в родном городе... Он даже смущённо отводит взгляд, не смотрит в мою сторону. Сам не может осмыслить ситуацию, в которую меня затянул?»

В конце пути, на перроне их ждала грузовая машина с военными номерами. Солдаты помогли лейтенанту с молодой женой загрузить вещи в кузов, — два чемодана и несколько сумок. Ирина с удивлением разглядывала мужа, он щеголял в новенькой форме.

«Какая у него самодовольная улыбка! Надменный взгляд, раньше не замечала! Едем уже больше двух часов. Только стеной — огромные сосны». — Она выглянула из окна машины, рассматривая лес. Редко встречались пролески, небольшие полянки с хороводом берёзок. От цветения разнотравья перехватывало дыхание. Воздух благоухал запахами.

— Сосны тонкие, высокие стволы тянутся к солнцу, у самой макушки пышная крона. Красиво, но так далёко от цивилизации, — не удержавшись, вслух воскликнула Ирина.

— Что вы! — солдат водитель посмотрел на неё удивлённо. — Часть у нас большая. Офицерам полагается отдельное жильё. Это мы живём в казармах. У вас всё по-другому. Среди леса много деревень. Правда, есть такие места, где не ступала нога человека. Волков много. Но что вам волки, к воинской части они не подходят. У них своя жизнь. — Он, не отвлекаясь от дороги, продолжал:

— Вам уже и работа есть. Вы медицинская сестра. Это для нас удача. Учителя есть, есть просто жёны, нигде не работают. Но с врачами и медсёстрами завал. Да ещё молва разнесла, что вы фельдшер. Это так здорово!

Ирина улыбнулась, тоска на некоторое время отступила.

Домик, предоставленный прибывшему офицеру с молодой женой, был довольно-таки уютным. Большая кухня, спальня с высокими окнами, наполненная солнечным светом. Ванна и туалет в голубой плитке. Мебель с казёнными номерами. Всё новое, чистое.

«Ну и пусть, — подумала Ирина. — Главное — все сложности поездки в прошлом. Теперь это наш дом и здесь мы будем создавать наше счастье». — Она стояла у окна прихо-

жей, как и спальня, залитой золотыми потоками полуденного солнца. Наблюдала за солдатом и Сергеем, вносивших вещи. Он, как и раньше, не смотрел жене в глаза. Подошёл, на ходу поцеловал в щеку.

— Ну, Ирина, устраивайся, будь хозяйкой. А я — в часть, служба.

Девушка удивилась такому неожиданному решению. Оставшись одна, ещё раз растеряно оглядела комнаты. Теперь они не показались такими уютными. Страхи снова зашевелились в душе. Она села на чемоданы, стоящие посреди комнаты. Горькие слёзы текли по щекам, она даже не старалась сдерживаться.

Одна, совсем одна в богом забытой глуши! Услышала, как стукнула калитка, слышались шаги. Батистовым, кружевным платочком быстро вытерла слёзы. В это время осторожно открылась входная дверь. Надежда маленькой искоркой затеплилась в груди.

«Вернулся, теперь мы вместе, а я глупая расстроилась!» — Но какое постигло разочарование, когда в комнату вошли две незнакомые женщины.

— Добрый день вашей хате, — тихим, но добрым голосом проговорила одна из них.

«Наверное, учительница», — подумала Ирина.

— Мы с вами соседи. Я — Марина Фёдоровна, жена политрука нашей части. А это, — она легонько подтолкнула вперёд вторую женщину, — наша любимица, душа компании Олечка Николаевна, жена командира части. Мы дружно живём, одной семьёй. — Марина Фёдоровна подошла к Ирине. Внимательно рассматривая, подняла с чемоданов.

— Ну и почему плачем? Глазки — загляденье, весенние незабудки, волосы пышные, с завитушками! Ну, просто снегурочка, красавица! — Она мельком взглянула на вещи. — Смотрю, и сумки не разобрала? Ты пойми, наши мужчины служат, а мы их тыл.

— Олюшка, — обратилась Марина Фёдоровна к жене начальника части, — ставь чайник, похозяйничай в столовой. А мы с Ириной, как отчество?

— Да какое отчество, — немного успокоившись, возразила девушка. — Просто Ира.

— Нет, радость моя, не просто, — отчество необходимо. Будешь работать в медпункте, ездить на вызовы.

— Куда ездить? — с тревогой в голосе переспросила Ирина.

— Мы, моя хорошая, — продолжала Марина Фёдоровна, — и соседям, сельчанам помогаем. Вокруг тайга. Наша часть — это кусочек цивилизации. Вот я учу детей. В части деток мало. Их прикрепили к местной школе, плюс — из дальних деревень подвозят. Вот так и живём. — Её лицо озарила восторженная улыбка.

«Как у мамы!» — подумалось Ирине, и сразу все тревоги разбежались. Она доверительно улыбнулась в ответ.

— Так как насчёт отчества?

— Владимировна, — застеснявшись, тихо ответила девушка.

— Вот и хорошо получается, Ирина Владимировна. — Марина Фёдоровна разговаривала, расспрашивала, и проворно раскладывала вещи в шкаф. Убрала наверх чемоданы.

В комнату вошла ещё группа женщин.

— Прошу любить и жаловать, — Ирина Владимировна, медицинская сестра, а это, Ириночка, офицерские жёны. Сейчас попьем чайку и по домам. Нашей хозяйшке необходимо отдыхать. Знакомиться будем позже, в процессе службы. — Она обвела женскую команду дружеским взглядом.

— Ольга Николаевна, на правах хозяйки части разливай вино.

Марина Фёдоровна подняла наполненный до половины гранёный стакан:

— Девочки, за знакомство!

Третья глава. Переполох

Не дождавшись мужа, спать в новом доме пришлось одной. Ирина лежала на большой кровати, составленной из двух солдатских. Было удобно, только одиноко. Она долго прислушивалась, ловя каждый шорох в ночи. Забылась к утру.

Разбудила её Марина Фёдоровна, она легонько открыла дверь и с материнской нежностью проговорила:

— Просыпайся, голуба моя Ириночка Владимировна. Наши через неделю домой заявятся. На полигоне они, учения. А у тебя, милая, первый рабочий день. Попьем чайку, и я покажу место работы, где ты зачислена фельдшером, — она сняла со спинки кровати белую, ручной вязки, ажурную шаль и набросила Ирине на плечи.

— Не грусти! Глазки-то грустные. Поначалу все мы через слёзы проходили.

Марина Фёдоровна открыла дверь медицинской части, пропуская вперёд Ирину Владимировну.

— Дружок, теперь ты здесь хозяйка. Комнат всего три: процедурная, приёмная и твой кабинет, — помещения светлые, просторные. Мы старались навести здесь стерильный порядок по всем законам Минздрава.

— Выходит я в одном лице и врач и медсестра? — вздохнула Ирина, обведя тоскливым взглядом своё рабочее место.

В родственной обстановке сразу преобразилась. Марина Фёдоровна, заметив перемены в настроении Ирины, улыбнулась.

— Умница, справилась со своими страхами. Родная стихия? Уверенность и выдержка на лицо. Ты устраивайся, а мне, дружок, в школу пора, вечером увидимся.

За делами и заботами Ирина стала привыкать к месту жительства. Иногда вспоминала Сергея, и её пугал приближающийся момент встречи. Родителям писала, что у неё всё хорошо. Они звали в гости, готовились отпраздновать настоящую свадьбу.

«Жена без мужа, — горько шутила над собой. — Зачем мне эта свадьба? Не в радость! Соломенная вдова — вот кто я!»

Старалась гнать беспокойные мысли. Не получалось, пустота в сердце разрасталась. Тоска — чёрными грозовыми тучами. Порой перехватывало дыхание. Она сравнивала себя с рыбой, выброшенной на берег штормом. Задышалась в одиночестве в холодной постели и лишь в рабочей обстановке оживала душой.

«Люди в части добродушные, отзывчивые, только в этом мне и повезло!»

— Ирина Владимировна, хочу вас попросить. — К ней обратился боец-срочной службы: — В трёх километрах от части есть деревушка. Там живёт девушка, такая хорошенькая. Но у неё на левой щеке соскочил нарыв. Прийти к нам в часть наотрез отказывается. Стесняется показывать всем гадость на лице. — Он с надеждой в голосе всматривался в её глаза.

— Ирина Владимировна, а, может, вы сходите в эту деревню? Помогли бы девушке. Я вам расскажу, как туда добратся, проводить не смогу, дежурство. А дивчина мается.

Выслушав солдата, взвесив свои возможности, Ирина собрала дорожную медицинскую сумку и с утра отправилась в деревню. Солдат, выпуская её за проходную, благодарил:

— Как Настёна обрадуется, на танцы теперь станет ходить. Если бы вы только знали, как она мне нравится! — Он застенчиво своей откровенности, засмутившись, стал рассматривать начищенные до зеркального блеска сапоги.

Ирина всматривалась в счастливое лицо юноши. Потом вспомнила.

— Да, не забудь предупредить в части, — дружески улыбаясь, попросила солдата перед дорогой.

День радовал своей теплотой и свежестью. Ирина, перекинув сумку через плечо, бодро зашагала по дороге, которая вела через густой бор. Выйдя на поляну, усеянную малиной, охнула.

«Сколько же здесь ягод! Да крупные, сочные, сладкие. Жаль, нет лукошка, угостила бы всех женщин. Да и родниковая вода сладкая, такой в нашем городе не пила». — Присела отдохнуть на пригорок. Солнце уже вовсю припекало. Облокотилась на ствол огромной ели, прикрыв глаза, задремала.

«Где-то я уже видела эту полянку»? — Девушка старалась вспомнить, где и когда встречала похожие лесные пейзажи.

«Сон, это был сон перед свадьбой. Неужели всё сбывается? Как грустно, обидно и больно».

Марина Фёдоровна вернулась в часть с учениками и решила проведать свою подопечную. К её великому удивлению медчасть оказалась закрыта.

«Странно, куда ушла, не предупредив? Наверное, неважно себя почувствовала».

Ещё больше встревожилась, когда и дома Ирины Владимировны не оказалось.

«Выспалась на славу. — Ирина открыла глаза. — Давно так не отдыхала! Как сладок сон в лесной чаще, да и дневной зной спал, солнце за ели садится. Но как красив вечер!» — Девушка некоторое время восторгалась таёжной красотой, и привычно подхватив сумку, зашагала по еле заметной уже дороге, переходившей в тропинку.

«В лесу-то как потемнело! Бог мой, как сердце трепещет. Чудится, что за мной зорко наблюдают из-за деревьев. Необычные зелёные огоньки виднеются среди кустов, и кто-то постоянно взвизгивает. — Ирина Владимировна остановилась, всматриваясь в лесную чащу. — Так повизгивала соседская собака, когда встречала хозяина с работы», — думала Ирина, ускоряя шаг. Через полчаса стало совсем темно. Страх развеялся, когда вышла на большую поляну.

«Какая же я трусиха. Вот и стог соломы. Домик, в окошках свет». В стёклах отражались лучи заходящего солнца. Она легонько открыла дверь сеней, а затем — горницы. За столом сидели мужчина с женщиной.

Увидев входящую девушку, они от удивления дар речи потеряли. Словно увидели приведение. Ирина осмотрела избу — у стены небольшая лавка с ведром, с привязанной к дужке маленькой алюминиевой кружкой. Опустила рядом свою ношу, присела на краешек лавки, в могильной тишине весело воскликнула:

— Вот я и дошла, успела до темноты!

Мужчина лет семидесяти, с посеребренной бородой и такими же волосами на голове, растеряно почёсывал затылок. Его жена спохватилась первая:

— Красавица, а ты куда дошла?

— Как куда, к вам, — бойко ответила девушка, — это же деревня Стойки?

— Так ты, дочка, шла в Стойки? Эх ты, голова, — опомнился и дед. — Стойки далеко от нас, за сосновым бором. Я лесовик, охранник леса. Вот ты куда забрела и не догадываешься? А я понял, — снова, задумавшись, почесал затылок хозяин сторожки. Был он коренаст, в кирзовых сапогах. Штанины брюк заправлены в сапоги. Рубашка-ковбойка тёмно-синего цвета, в крупную клетку, с длинными рукавами, по верху накинута чёрная безрукавка с маленькими карманами. На лбу очки, закреплённые на шнурке, — словно уздечки за ушами. Он напоминал Ирине крепкий грибок, не по годам резвый и улыбочивый.

— Ты медичка из воинской части? Меня предупреждали. Но тебя мы в гости не ждали. Мать, что застыла, потчуй гостью.

Женщина лет пятидесяти пяти проворно захлопотала у печи.

— Садись, девонька, к столу, — ласково приговаривала она. — Это же надо в такую даль одна! И волки не тронули? Здесь их стаи, размножились. Мы вот и корову с козами за оградкой держим. Зарежут и глазом не моргнут. А ты одна через лес, мимо волчьего логова? Не иначе Господь всемиловитый уберёт. Пожалел невинную душу, защитил.

Дед недовольно крикнул.

— Хватит причитать. В часть сообщить нужно. Переполох будет большой. Да аппарат у меня отказал, механика жду. Но сообщить надо!

— Не переживайте, — успокоила их Ирина Владимировна, — солдат на посту знает куда я пошла. Попросил помочь его девушке в хуторе Стойки. Он, конечно, предупредит, я лично просила.

— Вот и ладненько, вот и хорошо! — радостно повторяла хозяйка. — Кушай и отдыхай, намаялась, горемычная. А завтра поутру мой муж, Пётр Иванович, отвезёт тебя по назначению.

Марина Фёдоровна, словно капитан на мостике корабля, сидела у телефона и обзванивала лежащие вокруг деревни. Все предупреждены, только в лесной сторожке трубку не брали.

— То ли Пётр Иванович осматривал свои уголья, то ли аппарат не работает? — Она решила потревожить начальника части. К великому огорчению и он выехал по срочному делу. Она обратилась к мужу-замполиту.

Подняли по тревоге дежурных солдат. Выстроившись в длинную цепь, прочёсывали округу.

— Солнце садится. — Марина Фёдоровна понимала: искать в темноте нет смысла. — Придётся отложить на утро.

Хорошо, что дежуривший утром солдат вспомнил, куда ушла медсестра.

— Ты почему молчал? Струсил? Там волчьи тропы.

Солдат стоял по стойке смирно и только моргал рыжими ресницами.

— Ты не представляешь, — городской человек один в лесу... Уходи с глаз моих прочь! С тобой позже разберутся. — Она обратилась к дежурному офицеру: — Заводи машину, поехали!

Пётр Иванович поднялся до зари.

— Там, в части, переполох, а у меня есть запасной вариант на самый срочный случай. — Он вышел на улицу с ракетницей, подставил длинную лестницу к дому, залез на крышу и послал в небо сразу три заряда. Они, шипя, взвились в пред-рассветное небо.

— Как фейерверк на Новый год, — усмехнулся лесовик. — Надеюсь, увидят. Марина Фёдоровна уж точно. Она женщина сердобольная, спать не станет, пока не найдёт беглянку.

Ирина нежилась в прохладной комнате на мягкой перине. На стене — ходики с огромными синими глазами кота. Из-за громкого тиканья часов долго не могла уснуть. Ей ничего не снилось на новом месте. Под утро с улицы слышались встревоженные голоса. В окно засветили фары машины,

стукнула дверца, и голос Марины Фёдоровны прогнал последние мгновения хрупкого сна. Женщина вбежала в горницу и обняла проснувшуюся девушку.

— Живая, живая, — прижимала к своей груди ещё тёплое от сна тело. — Разбойница, напугала. Мы с ног сбились, разыскивая, а она вот, спящая красавица! Собирайся в часть!

Ирина Владимировна раскрыла глаза. Удивилась, сколько людей набилось в дом.

— А можно я здесь останусь жить? Здесь спокойно, уютно! Я не хочу в тот холодный, пустой дом. Можно? — она просящее, с надеждой заглядывала в глаза Марине Фёдоровне.

— Не выдумывай! А работа? Скоро и муж вернётся. К леснику можешь в гости приезжать. Правда же? — она оглянулась на стоявших за спиной лесника и его жену.

Пётр Иванович прищурил лукаво глаза, погладил лысеющую голову. Его жена радостно закивала.

— Конечно, рады будем. Только ради Бога, не сама, а в сопровождении. Милости просим!

Четвёртая глава. Серая мышь

Утром, собираясь на работу, увидела, как мимо окон промелькнула фигура человека. В дом вошёл Сергей и они долго молча смотрели друг на друга.

— Ну, жена, как ждала мужа? — произнёс с сарказмом. — Знаю, доложили! Накуролесила. Всю часть в ружьё поставила. — Надменно улыбнулся. — Здесь не город и не набережная. Здесь служат Родине и не безобразничают.

Ирина смотрела на него испытывающее.

— Зачем ты меня сюда привёз? Почему бросил и не остался на три дня, как всем положено? Струсил? Сбежал от меня?

Сергей прошёл в комнату и сразу — к окну. Отвернулся и смотрел на улицу. Ирина увидела резкие перемены: виновато опущенные плечи, исчезла гордая офицерская выправка, которой он так гордился прежде. Угасла в глазах нежность, которая так очаровывала её.

В его памяти всплыл разговор с другими офицерами на учениях. Как-то он рассказал о встрече с Ириной и о быстрой свадьбе. Офицеры подняли его на смех, колкие шутки ущемляли его самолюбие. А лучший друг Алексей совсем раскритиковал:

— Ты, жених, отхватил серую мышку и доволен? Кто ездит в Тулу со своим самоваром? Да у нас здесь девчонки просто

красавицы. Возьми хоть буфетчицу Алку. Одно загляденье. А у твоей ни кожи, ни рожи. Только и всего, что фельдшерница.

Такого натиска от сослуживцев не ожидал. Отмалчивался, понимал, — первая влюблённость прошла, в душе образовалась пустота.

В медицинское училище их, будущих офицеров, привели на прощальный бал. Ирина показалась удивительно хорошенькой, светлой, какой-то не земной, воздушной. Стоя у окна, молчал, и не было сил пошевелинуться. Стройная девушка в розовом шифоновом платье очаровывала. Он не смог удержаться, боялся, что другие ребята опередят. Но в поезде разглядел по-новому и разочаровался. Прибыл в часть — струсил, сбежал. Да, начальник гарнизона давал три дня на устройство семейного быта. Сейчас она стоит за спиной и ждёт объяснений... Пот мелким бисером выступил на лбу. Он снял фуражку, положил на подоконник.

Что ответить, когда видишь глаза, полные отчаяния. Но не любимые глаза. Да, хотелось приехать уже бывалым офицером, а не желторотым юнцом. И — облом. Даже матери с отцом не сообщил о женитьбе. Знал, что будут против... Он повернулся к Ирине и долго молча рассматривал.

«Ребята говорят, что дурнушки ласковые в постели. Попробовать? Всё-таки она моя жена?» — на душе от этих мыслей стало спокойно. Он прижал Ирину к груди. Она, словно котёнок, притихла и замерла.

Первые огорчения...

«Девственница, но неумёха. Холодная жаба, не любимая. Страстной ночи не получилось, а как хотелось! Первый блин комом!» — решил жених и отвернулся к стенке.

«Чужой, совсем чужой! — разочарование захлестнуло. — Первый мужчина, и всё так плохо! — Она злилась на себя и на него. — Неужели все женщины испытывают с мужчинами то, что пришлось испытать? Боль, жуткая боль, разрывающая плоть внутри!» — Смотрела на спящего мужа, и её стошнило. Горели покусанные губы. На кухне заварил чай, накинула на плечи любимую шаль и просидела до утра.

Сергей не спал, когда Ирина ушла на работу. Слышал, как готовила завтрак, убиралась на кухне.

«Как настоящая жена, — мыслил он. — Ну да, моя жена?» — Он просто выжидал, когда Ирина уйдёт. Позавтракав, поспешил в часть. Его съедала изнутри совесть.

«Первая брачная ночь? Если бы кто знал, как мне не хочется называть её женой. Знаю, что эгоист, — внушал сам себе, — я молод, красив. Она же согласилась выйти замуж». — От этих мыслей даже остановился на полдороги.

«Но ведь не соглашалась. Я нагло вошёл в дом. Я настоял, требовал, спешил, и сам же потом стал гнушаться». — Задумался, решил пойти к Ирине в медчасть.

«Дам развод, посажу на поезд, пусть уезжает. — Где-то под сердцем защемило. Остановился, задумался. — Но, что скажет командир? Только женился и сразу развод? Ляжет пятно на моё честное имя? Выучился, стал офицером и вдруг из-за какой-то бабы всё бросить? Растоптать, предать мечту»? — Круто развернулся и пошёл в сторону части.

«Надоест, сама бросит. Вот это правильное решение. Моя совесть будет чиста».

Пятая глава. Предательство

После совещаний у начальника гарнизона Сергей с другими офицерами постоянно заходил в войсковую столовую. Буфетчица Алла как всегда приветливо улыбнулась, и встряхнула рыжей копной волос.

«До чего же эта девушка приятна во всех отношениях, — любовался ёю Сергей, — точёная фигурка, пышная грудь, длинные, с золотым отливом волосы. А глаза сверкают зелёным цветом, как у дикой кошки». — Ночи, проведённые с ней, волновали. При одной мысли, вся его плоть набухала в неистовом желании.

«Как она улыбнулась мне, — мечтательно вздыхал Сергей. — Словно мякнула, по-кошачьи грациозно кивнула своей золотисто-бронзовой шевелюрой. Ярким кончиком языка облизнула нежно розовые губки. — Сердце парня учащённо забилось. Он с усилием сдерживал желание пройти за стойку, прижаться губами к глубокому вырезу на блузке. И всё. Никого и ничего не видеть и не слышать, только он и она».

Ала, перехватив его пылкий, желанный взгляд, показала на часы, висевшие над головой.

«Понятно! — пронеслось в мозгу. — Вечером встреча, и до утра он будет плавать в море блаженства». — Радость от предстоящего наслаждения отразилась в глазах.

Ирина Владимировна в закрытом военном городке мужа не видела месяцами. У неё расширился объём обязанностей — главная медицинская сестра Окружного военного госпиталя.

Большой штат, профессиональные врачи и медицинские сёстры. Правда, немного подкачало здоровье.

Лечащий врач гинекологического отделения предупредил:

— Беречься нужно, голубушка! Беременность протекает с осложнениями. Необходима госпитализация, — повторял при каждом посещении его кабинета... Ирина Владимировна грустно улыбнулась.

В сумочке с прочими документами давно лежит направление.

— Разве я себе и ребёнку враг? Только мужа нигде невозможно найти, — сокрушалась и торопливо набирала номер телефона части.

«Ну, где бродит этот лейтенант Сенюшкин Сергей Георгиевич? Мой горе-муж? Уже десять утра? Дежурившие офицеры давно вернулись по домам, а где же мой?» — Она нервничала всё больше и больше. Остановилась рядом с сумкой, в которую сложила необходимые вещи.

«Неподъёмная! Кто поможет?»

От горьких раздумий отвлёк щелчок дверного замка. Сергей крадучись скрылся в ванной и запёр дверь. Ирина машинально подняла упавший на пол китель, поставила разбросанные туфли на обувную полку. Уловила незнакомый запах духов, когда поднесла ближе к лицу офицерский китель.

«Глупая, не догадывалась, верила. Пока я по больницам сохраняла ребёнка, он — по бабам». — Эта мысль остро пронзила грудь. Ирина присела в прихожей на полку с обувью.

Сергей вышел из ванной, на ходу вытираясь баннным полотенцем, увидев свой китель в руках жены, раздражённо фыркнул:

— Ну, не повесил. Тебе тяжело? Брось, я сам всё сделаю. — Он злился, глядя на располневшую жену. Отёкшие ноги, огромный выпирающий живот, лицо в коричневых пигментных пятнах. «Была серой мышью, а сейчас уродом стала», — брезгливо отвернулся.

— Есть хочу. Почему не накрыла на стол? Дома сидишь и всё киснешь!

Ирина, придерживая живот, попросила:

— Сам разогрей. Еды мало. Не могу ходить в магазин, тебя не допросишься.

Сергей метнул на неё гневный взгляд.

— Я офицер, *белая кость*. Мне не пристало бегать с сумками по магазинам. Зарплату приношу, будь добра купить и приготовить.

Дрожащим голосом, с трудом сдерживая слёзы, произнесла:

— Серёжа, ты забыл, я беременна. Мне нельзя поднимать тяжести.

Он оглядел её с ног до головы и ехидно улыбнулся.

— А мне ребята говорили, что дурнушки выносливее кошек. У них больше жизней... Я тебя просил оставлять этого ребёнка? Сделала аборт и всё, забыли... Ребёнка от тебя не хочу, мне он не желанный. Детей нужно рожать от красивых женщин. Лишний раз смотри на себя в зеркало.

После этих слов живот резанула острая боль. Ирина с побелевшими губами стала медленно оседать на пол.

— Позвони в больницу, скорее!

— Зачем? — съехидничал Сергей. — Ты же сама фельдшер. Слабо и себе оказать помощь, а других пытаешься лечить, учить, воспитывать. — Он быстро пошёл в сторону двери, на ходу надевая китель.

— У меня времени нет с тобой возиться, я отпросился в части только на обед. Но дома шаром покати, придётся идти в столовую. — Вышел из квартиры, хлопнув дверь.

Ирина, преодолевая боль, подобралась к телефону.

«Кому звонить? Конечно, Марине Фёдоровне». — Новая режущая боль от схваток огнём пронзила низ живота.

«После приезда в городок я ей правда редко звонила, но только она может мне сейчас помочь, всегда была поддержкой и опорой», — подумала Ирина Владимировна, набрала номер, услышала знакомый голос, но не успела ответить, потеряла сознание.

Шестая глава. Рождение близнецов

Ирина открыла глаза и глубоко вздохнула. Постепенно привыкая к свету, увидела белые стены и потолок, удивлённо посмотрела по сторонам, и не смогла вспомнить, как оказалась в этом месте. Странная комната постепенно принимала чёткие очертания. В большое, светлое, настежь открытое окно заглядывало солнце. В ярко-зелёной кроне щебетали воробьи. Лёгкий ветерок играл с занавесками.

Ирина попыталась приподняться, но зашумело в висках и перед глазами заплясали чёрные мушки. Повернув на бок го-

лову, увидела рядом с кроватью на стуле женщину в белом халате.

«Она спит! — подумала Ирина. — Зачем будить, человек спит тихо, мирно».

Но от скрипа пружин кровати женщина сразу проснулась и тихонько вскрикнула.

— Ну, слава Богу, вы пришли в себя! Ирина Владимировна, как вы нас напугали! Я знала, я верила, — всё обойдётся. Не родилась ещё на свете такая сильная духом женщина, как вы. Господь создал вас такой миниатюрной и хрупкой, и — родить двойню!.. Не укладывается в голове! — она хлопотала у кровати больной.

— Пока вы болели, ваши малыши успели подрасти, набрать вес. Славные лапочки, спокойные ангелочки, лучше не бывает. Слава Богу, что и Марина Фёдоровна, и наша медсестра на *скорой* из поликлиники, приехали одновременно. Войдя в квартиру, застыли на месте. Вы лежали на полу посреди комнаты в луже крови.

Ирина попыталась изобразить на лице что-то вроде улыбки. Скорей всего, получилось плохо, у дежурившей округлились глаза, и она сорвалась с места.

Через минуту в палату стремительно вошёл лечащий врач. Медсёстры отделения стайкой собрались за его спиной, радостно улыбаясь, поздравляли её с новорождёнными. Всё вокруг пришло в движение: капельницы, уколы, дружеская поддержка. Коллеги старались не напоминать о тех тяжёлых трёх месяцах, когда боролись за жизнь роженицы. Весь персонал госпиталя, от врачей до санитарок, знали очень сложную семейную ситуацию главной медсестры.

Акушерка больницы Елена Николаевна, сидящая дородная дама в ослепительно-белом халате, скрестив руки на груди, ласково улыбалась, любуясь своей пациенткой.

— Умница вы наша, Иринушка Владимировна, голубушка, выстояла. Мы с Мариной Фёдоровной по очереди дежурили в реанимации, поддерживали капельницами. — Она покраснела, улыбка не сходила с лица. — Всё, всё, кома позади! На поправку пойдём? Вот и куриный бульончик повара приготовили.

Елена Николаевна, словно мать, подбадривала, приговаривая:

— Давай ещё ложечку! Смотрите, люди добрые, румянец заиграл на её щёчках. Губки порозовели. Как исхудала за эти месяцы! Ничего, были бы кости, кожа нарастёт и жирок за-

вяжется. Сегодня малышей принесут, впервые увидят мамулю. За окном уже давно весна, тепло. Если будешь так хорошо себя вести, скоро выпишем.

Она подошла к окну и отдёрнула занавески.

— Наши девчонки твоим ребятишкам «приданное» подготовили. Но есть для тебя ещё радость. — Она лукаво подмигнула. Её добродушное лицо осветила загадочная улыбка. — В связи с тем, что семья ваша увеличилась, в новом доме выделили трёхкомнатную квартиру. Мы вещи перевезли, управились без хозяйки. Представляешь, так хорошо вышло — рядом с госпиталем. Марина Фёдоровна руководство госпиталя на уши подняла, до генерала дошла, результат налицо.

Ирина её не слушала. Ей хотелось спросить о муже Сергее. Как он, где сейчас? Но Елена Николаевна, казалось, специально старалась не видеть немого вопроса в глазах молодой женщины. Она сыпала словами, между ними не было и просвета. Всё говорила и говорила на отвлечённые темы, ведь она же не могла сказать бедняжке всю голую правду.

Седьмая глава. Соперница

Сергей равнодушно слушал поздравления от сослуживцев. Без энтузиазма пригласил в кафе, хотя особой радости не ощущал. Так поступали офицеры, когда в семье рождались дети. Его пассия — Алка, без приглашения явилась, разряженная.

Собираясь в кофе, сидя перед трюмо, расчёсывая шёлковые пряди золотисто-каштановых волос, перебирала в памяти последние встречи с любимым:

«Глупая я баба! Верила, что нашла своё счастье. Полюбила красивого, настоящего мужчину. Хотя сплетни чёрной паутиной заплетали улицы и дома воинской части. А я ощущала себя среди них затравленным зайцем. Косые взгляды соседей, но ради прекрасного чувства терпела насмешки». — Память подбрасывала всё новые и новые события жизни, любовные встречи... От горьких воспоминаний хотелось убежать, спрятаться.

«Словно ушат холодной воды вылился на меня, когда один очередной, не состоявшийся поклонник тайно привёл вечером в клуб. Как стыдно, сколько пришлось услышать о себе грязных и подлых слов. Это ни сослуживцы разносили по го-

роду сплетни, а он, самый любимый и желанный. — Женщина закрыла лицо руками и застонала. —

«Это конец! Рухнули мечты о семейной жизни. В груди печёт, обжигает раскалённым железом. В сердце застряла стрела, вырвать сложно, трудно, больно, но необходимо, — и она задохнулась от боли, — ничтожество, человек с погонами на плечах, холёный хлыст, любитель красивых слов и мерзких поступков», — с раздражением бросила щётку на столик трюмо. Подправила копну волос.

— «Как хочу последний раз посмотреть в его холодные, надменные, лживые глазки и понять, что же бьётся в груди, вместо сердца? Ты, милоч, последнее время, упорно не обращал на меня внимания? Избегал, но последнее слово за мной» — она распахнула дверцы шкафа, подбирая наряд.

— «Сегодня я должна выглядеть на все сто. Ещё докажу тебе, что и я не лыком шита! Умею не только любить, но и мстить. Сегодня, только сегодня расставлю все точки по местам» ...

Алла походкой пантеры вошла в офицерскую столовую. Ловила на себе проникновенные взгляды поклонников. Улыбалась направо и налево, но в глазах плясали предупреждающие молнии, готовые зажигательный праздник превратить в кучку пепла.

— Эй, официант, принеси стакан и налей полный!

Она подняла стакан и с ехидной улыбкой на алых пухленьких губах посмотрела на возлюбленного.

— Хочу сказать тост!

В столовой наступила тишина. Офицеры молча смотрели на очаровательную фурию и разбушевавшуюся любовницу в одном лице.

— Братцы, давайте выпьем за папашку, и за близнецов, которых этот папашка ещё не видел или не желает видеть!

Её зелёные глаза дикой кошки сверкнули зло. Не сдерживая раздражения, подняла стакан, наполненный до краёв водкой.

— Смешно, комедию ломаешь, папуля? Ты бы, голубчик, уже определился, я или она? Она там, в больнице подышает, а ты трусишь? На двух стульях хочешь усидеть? Ещё никому не удавалось! Боишься, что звёздочку лишнюю не дадут? В капитаны метишь?

Женщина залпом выпила и с силой стукнула пустым стаканом о стол.

— Сам говорил, что тебе эти дети, вот как этот пустой стакан! — Она резко оттолкнула гранёный, и он покатился по столу, упал на пол, разбился. — Вот, смотри, что тебе скоро останется. Эти мелкие осколки будешь собирать всю оставшуюся жизнь, да ничего у тебя не получится.

Так же резко, как и стакан, Алка отодвинула стул, метнула на Сергея взгляд, полный ненависти и презрения.

— Размечтался, квартиру получил, меня заманивал, но это же не твоё, а детей, жены. А я, дура, верила, надеялась, потому что безумно любила. За тобой по острым камням готова была идти без оглядки. Господи, кого любила? Конченую тварь? — Она поставила руки на стол, круглый вырез на платье подчеркнул упругую, пышную грудь. Мужчины не могли оторвать взгляда от манящих женских прелестей. Алла снова опалила огненным, презрительным взглядом присутствующих.

— Вы офицеры, где же ваша честь? *Белая кость, Белая кость!* Вы трусы и подонки! Скажи, кто твой друг, и я скажу кто ты! Как скорпионы в банке, жрёте друг друга за спиной. Пишете кляузы, выслуживаетесь перед начальством, дерётесь за тёпленькое местечко. Среди сидящих здесь, в этом зале, нет ни одного стоящего офицера. Настоящие там, на посту. — Она тряхнула бронзовой гривой.

— А ты, иуда, прощай! Моё сердце и двери дома для тебя и для всех вас, жаждущих, закрыты навечно.

Восьмая глава. Одиночество

Ирина Владимировна осторожно переступила порог новой квартиры. Она действительно была хороша. Светлая детская, широкий коридор, уютная кухня, и даже с телефоном. Женщины военного городка спешили на помощь. Дверь не успевала закрываться. Всем хотелось понянчить и подержать на руках малышей. Только муж Сергей не приходил. Ирина всё ждала и надеялась, что он одумается.

«Придёт, увидит ребятишек и не сможет больше от них уйти. Какие они у нас замечательные! — мечтала она ночами в холодной постели. — Неужели за полгода у него не ёкнуло в сердце, как живут его кровиночки?»

Часто, уложив малюток, она пила в одиночестве чай на кухне. Приходилось пить много, чтобы ребятишкам хватало молока. Однажды, уставшая от дневных забот, Ирина Владимировна сидела в одной из комнат, тупо смотрела в пусто-

ту и вдруг, словно вспышка молнии, в голове что-то щёлкнуло. Перед глазами возникла картина забытого сна: «Голые деревья тянули ветки к небу, а под ногами не дорога, а зыбкая топь». Она вспомнила огромное болото, и как её ноги медленно погружались в зловонную жижу.

Женщина склонилась на стол, обхватила голову руками и застонала.

— Вот значит, что предвещал мне этот сон! Я, глупая, сама дала затянуть себя в трясины... А женского счастья и не видеть! — Она прислушалась: в детской — тишина. Малыши мирно посапывали в кроватке.

«У меня есть дети. Они отцу не нужны, но нужны мне. Разведусь и уеду к маме. Милая моя мамочка, ведь ты же ничего не знаешь о своей непутёвой дочери. Мамочка, как я хочу, чтобы ты была рядом. Ты — единственный дорогой мне человек на всей земле». — Ирина вновь вышла на кухню, прикрыв дверь детской. Воспоминания и мысли снова отвлекли от действительности.

«Я помню, ты сердцем предчувствовала, что радости в моей жизни с этим человеком не будет, поэтому в день бракосочетания не отходила от меня ни на минуту. За улыбкой и нежностью прятала слёзы. Родная моя, я долго тебе не писала, жалела. Догадывалась, что не спишь ночами, считаешь капли «валосердина».

Ирина Владимировна решительно набрала номер телефона соседки матери. В этот миг она боялась, что кого-нибудь не будет дома. Ей казалось: если она в этот час не услышит родной голос, то умрёт от безысходности.

В трубке зашуршало и раздался спокойный голос соседки тёти Паши:

— Слушаю, вы кто?

— Это я, Ирина, позовите маму.

Голос матери довёл её почти до истерики. Ирина твердила только одно:

— У меня всё хорошо, но ты приезжай, приезжай срочно.

Сергей появился неожиданно. Ирина Владимировна перестала его ждать и мечтать. В данный момент звонила мать и сообщила, что скоро будет. Ирина Владимировна накрыла стол и нетерпеливо выглядывала с балкона.

Он вошёл, развязный, бесцеремонно сел за стол. Небрежно сбросил на диван свой китель.

— Неужели меня ждала, или ухажер завёлся?

Перед ней сидел наглый, говорливый человечек, с ручками и ножками, но пустыми глазами и такой же пустой душой. Больше нет того стройного, красивого юноши, который её очаровал. У женщины, словно пелена упала с глаз. Холёное, но уже обрюзглое лицо, расплывшееся, дряблое тело вызвали отвращение. Даже дорогой одеколон не смог перебить стойкий запах перегара. Напрасно она лелеяла надежду создать с ним добрую, хорошую семью. Как он был теперь ей противен!

Сергей заметил её брезгливый взгляд, и «масляная» улыбка разлилась на жирном лице.

— Соскучилась?

Он накладывал в тарелку еду. Ирина подошла и забрала у него тарелку и вилку.

— Нет, просто этот стол не по твою честь. Ты не приучен ждать, когда другие соберутся. Моя мама едет, её и жду.

— Твоя мать в моей квартире? Не бывать этому! Через порог не пушу.

Он не кричал, а как-то шипел и хлопал руками себя по бёдрам.

— Тихо, твёрдо проговорила женщина. Ты забыл, что мои дети спят? Тебя здесь быть не должно... Ах да, вспомнила, кто-то прописан ещё. Кто он и откуда взялся, я не знаю. Знаю одно: мне с детьми эту квартиру выделил госпиталь, где, как тебе известно, я работаю главной медсестрой. Твоя квартира там, где ты меня бросил беременную, истекающую кровью — умирать.

Он злобно зарычал:

— Жаль, что ты не подохла! Я так надеялся освободиться от тебя. Ты, серая мышь, желала стать женой офицера и командовать мной? Но пока ты моя жена, и твои дети записаны на мою фамилию, я буду жить здесь.

Ирина спокойно выслушала его пылкую речь.

— К сожалению опоздал! Я подала на развод. Завтра суд. Вот повестка, читай.

Сергей побледнел и заорал во всю глотку:

— Как посмела опозорить меня?

Он размахнулся и ударил бывшую жену изо всех сил по лицу, хлопнул дверью и выбежал на площадку.

Марина Фёдоровна встретила Веру Александровну, они, разговаривая, поднимались по лестнице. Мимо них пробежал муж Ирины, так быстро, словно за ним гналась стая диких собак.

Вера Александровна схватилась за сердце, когда увидела свою дочь полуживой на полу. В спальне плакали разбуженные криками двойняшки. Нашатырный спирт привёл Ирину Владимировну в чувство. Марина Фёдоровна не знала, кого нужно первым спасать. Одной она накапала успокоительных капель, а другой прикладывала мокрое полотенце к синяку у виска. Ирина слабо улыбнулась, увидев расстроенную мать.

— Мамочка, с приездом, я так тебя долго ждала!

Рано утором звонкая трель дверного звонка разбудила всех.

Ирина проснулась с головной болью и не смогла встать с постели.

— Мамочка, слышишь, звонят, открой. Кто это в такую рань?

Мария Ивановна, после вечерних разборок зятя с дочерью, всё поняла. Долгое молчание Ирины подтвердило её догадки. Зять Сергей с красивым букетом роз стоял у порога. Мария Ивановна молча отступила в сторону, пропуская его в квартиру. Он, не поздоровавшись, прошёл мимо. Не снимая обуви, направился в спальню к Ирине. Через несколько минут разорвалась тишина, словно «бомба». Зять выскочил с красным лицом, извергая ругательства. Вышел на кухню, бросил на стол фуражку, грохнул кулаком по столу и голосом, не терпящим возражений, заорал:

— Я отсюда никуда не уйду. Развода не дам. Детей заберу. Докажу, что ты невменяемая и по тебе тоскует психушка. На алименты она подала! Вот, выкуси!

Он скрутил фигуру из трёх пальцев.

— Деньги ей нужны! Они всем нужны. Ты докажи, что эти уроды мои дети!

Дверь в детскую открылась и две солнечные головки показались над кроватью.

— Ну, докажи! У меня волосы тёмные, а у них — как снопы перед жатвой!

Ирина молча стояла у двери кухни. В этот момент она была похожа на школьницу, которая по-детски заложила руки за спину. Уставшими глазами смотрела на разбушевавшегося, когда-то любимого человека. Сейчас в душе всё выгорело, ничего не осталось, только горькая пустота. Хотелось, чтобы он ушёл как можно скорее и оставил её с детьми навсегда.

— Ну, что молчишь? Ведь я вернулся, ты об этом мечтала! Видел по твоим глазам, что любила. Вот он я — бери! Теперь твой!

Мальчишки заплакали, Ирина поспешила к ним. Стоя у кровати, повернулась к бывшему мужу и спокойно, без эмоций произнесла:

— А теперь ты нам не нужен. Доказывать мне нечего. Ты считал себя офицером — *Белой костью*. Я в это горячо верила. Мне хотелось, чтобы наши дети гордились тобой. Ты увлечённо рассказывал об армии, и я пошла за тобой на край света. Ты был единственным и последним мужчиной в моей жизни. У тебя получилось навсегда отбить у меня желание видеть кого-то рядом с собой. Не признаёшь детей и не надо. Я Сашку с Мишкой подниму сама. Слава Богу, родители и друзья рядом. Помогут. Руки, ноги есть, не калека. Только развод! Прощай, уходи и не расстраивай моих детей, и знай, что их у тебя нет и никогда не будет!

Девятая глава.

Всё, что ни делается, — к лучшему

— Вот, опять всё повторяется! — прошептала раздражённо милостивая женщина в белом халате. — Почему-то время от времени меня настигает необъяснимая тревога, страх, будто надвигается какая-то опасность! Нервы натянуты до предела.

Старшая медсестра Н-ского госпиталя Ирина Владимировна смотрела отрешённым взглядом в окно. «Ещё три дежурства и выйдет из отпуска ночная медицинская сестра Светлана. — Ирина Владимировна с термометрами застыла среди процедурной. — Тяжело совмещать свою работу и подчинённой! Специалистов не хватает». Поймала себя на мысли, что рассматривает уличные фонари, которые окутывали тёплым, розовым светом больничный двор, раскидистые ивы и цветущие клумбы.

Она подумала: «Фонари очень смахивают на кобру в позе атаки: изогнулись, раздули плафоны-капюшоны. Вот и необъяснимая тревога сейчас вползает в душу, словно холодная змея. От домашних проблем даже на работе не отмахнуться. Точат изнутри боль и обида, вот и чудится всякая ерунда. Дай-то Бог, дежурство сегодня будет более спокойным, чем прошлый раз! Пройдусь я лучше по палатам, раздам термометры и, возможно, отвлекусь от тревожных, назойливых мыслей».

Уже на пороге процедурного кабинета Ирина Владимировна остановилась, прислушалась. Через приоткрытую форточ-

ку услышала звуки сирены, въезжающей на территорию госпиталя машины скорой помощи, вздрогнула. Громко хлопнул дверью водитель, спешили по коридору с каталкой санитары. Ей навстречу с тревожным выражением лица шёл дежурный врач кардиологического отделения Владимир Михайлович.

— Ирина Владимировна, держите лист назначения, готовы капельницы. Вновь прибывшая пациентка в тяжёлом состоянии, её поместили в восьмую палату. Необходимо срочно сделать ЭКГ и УЗИ сердца.

Новенькая из восьмой палаты встретила медицинскую сестру с улыбкой на бледном, обескровленном лице.

— Сестричка, милая, вен-то у меня нет. Попрытались от частых инъекций, бастуют!

«Ухоженная фифочка, не из работяг, — подумала Ирина Владимировна, критически её рассматривая. — По документам восемьдесят, но выглядит гораздо моложе. Пепельно-каштановая шевелюра, лихорадочно искрящиеся карие глаза, тяжёлое, отрывистое дыхание».

— Да, и эта ночь предстоит сложная! — с досадой констатировала Ирина Владимировна.

Мысли о пациентке из восьмой палаты не оставляли её и в выходные дни. Бурное субботнее дежурство не давало расслабиться в кругу семьи, неоднозначные семейные раздоры отошли на задний план.

— Просто из головы не выходит последнее дежурство, — сокрушалась Ирина Владимировна.

Через час после госпитализации у больной началась жгучая за грудиной боль, мучила одышка, приступы бронхиальной астмы сотрясали грудь. То женщина жаловалась на боли в животе, то задыхалась, хватала воздух посиневшими губами. Давление скакало, аритмия зашкаливала. Чтобы избежать коронарной смерти, потребовалось срочное хирургическое вмешательство.

Пациентке выпал шанс выжить, потому что в эту ночь дежурным был именно Владимир Михайлович — кардиолог от Бога, врач высшей категории.

«Интересно, как она сейчас себя чувствует? — подумала Ирина Владимировна. — Нужно позвонить девчонкам в отделение и узнать. Жаль, если все труды пойдут насмарку».

Теперь она каждый день, придя на работу, первым делом спешила провести больную. Это уже стало нормой, и старшая медсестра частенько засиживалась у неё после смены.

«Надо же, — думалось Ирине Владимировна, — словно родного человека встретила. Рядом с ней отдыхаю душой, впитываю живительную силу. Сама еле-еле вырвалась из цепких лап смерти, а от неё исходят флюиды благоговения, словно в её теле неисчерпаемый родник доброты. И почему я прикипела к этой пациентке? Наверное, потому, что мне с ней спокойно, без оглядки могу обсуждать волнующие темы».

Постепенно Ирина Владимировна всё больше раскрывала сердечные тайны Галине Павловне (так звали пожилую женщину). Та слушала внимательно, не перебивала. Только иногда в её глазах и на лице появлялось чувство тревоги. В одно из таких вечерних дежурств Галина Павловна сама позвала медсестру:

— Ирочка, я могу так тебя называть? Посиди со мною рядышком, сегодня смена спокойная! Надеюсь, все ваши подопечные уже спят глубоким сном, как рыбки! Хочу выразить свою благодарность тебе, медицинским сёстрам и врачам вашего отделения. Благодаря вашим заботам моё сердце работает, как часы после ремонта виртуоза часовщика.

Ирина Владимировна присела на стул у кровати, и в этот момент подумала:

«Эта женщина, несмотря на возраст, — сильная духом. Стойко переносит послеоперационные боли, не сдаётся, цепляется за жизнь».

— Хочу с тобой посекретничать, — продолжала Галина Павловна. — Теперь ты будешь моим слушателем. Усаживайся поудобнее, рядышком. Моя исповедь не займёт много времени.

Она загадочно улыбнулась. В карих глазах заплясали чёртики.

— Хочешь верь, а хочешь не верь, но в последнее время, возможно, из-за продолжительной болезни, я стала отчетливо видеть образ моей покойной матушки. В тяжёлые минуты испытаний она, как Ангел-хранитель, — рядом. Не пугайся, из ума я не выжила.

Ирина Владимировна и не думала бояться, за время работы в госпитале случалось видеть и слышать много непонятного и необъяснимого. В то же время она знала, что пациенту необходимо дать возможность выговориться.

— Вот послушай! — Галина Павловна приподнялась, а Ирина Владимировна заботливо поправила подушки, расправила одеяло. Лицо пациентки озарила радушная улыбка, она как-то преобразилась, в голосе чувствовалась бесконечная нежность.

— У нас была большая семья: пятеро детей, мама и отец. Два старших брата-близнеца учились в восьмом классе, две сестрёнки-близняшки — в пятом, а я, поскрёбыш, самая маленькая. В то время мне исполнилось всего-то неполных семь лет. Мой отец — ладный из себя, сероглазый красавец с пышной шевелюрой чёрных волнистых волос, работал на какой-то базе начальником. Сама понимаешь, мужчина видный, ухоженный и при деньгах, ну а женщины, как мухи, к нему липли.

Наша мама — тоже красавица, но часто выглядела уставшей, так как занималась хозяйством, детьми. В доме достаток, идеальный порядок. В те годы, после войны, многие семьи еле-еле сводили концы с концами. Да, у нас было всё, только не было радости, спокойной и счастливой жизни. Отец, одетый с иголки, вечером уходил из дома и возвращался поутру. Переодевался, завтракал, и — на работу. И так из месяца в месяц. Мама всеми силами пыталась его образумить. Но её доводы не имели силы. Он словно обезумел из-за новой возлюбленной блондинки, с размалёванной кукольной мордашкой. Это я подслушала, когда мама говорила бабушке. Мне тогда захотелось тоже такую куклу. Наивно, правда?

Скандалы в доме не утихали. Поэтому мои старшие братья и сёстры старались задерживаться в школе. Май на дворе, последний месяц учёбы, у братьев экзамены. Сестрёнки записались на дополнительные занятия с учителями. Жаловаться соседям нам строго-настрого запретили, и никто не догадывался о том, что происходило за стенами дома с красной железной крышей и с голубыми резными ставнями на окнах.

Галина Павловна потянулась за кружкой с водой. Пила медленно, сосредоточенно, словно собиралась с мыслями.

— Во время частых ссор моих родителей я пряталась в кухне под большим круглым обеденным столом, закрывала уши *думочками* (диванными подушками). Большая бархатная, тёмно-зелённая скатерть с тёмно-коричневой бахромой спускалась до самого пола, и никто не догадывался о моём убежище. После очередных жарких сцен и жестоких побоев

матери отец уходил, хлопая дверью. В этот момент я спешила на помощь маме. Была для неё и сиделкой, и поддержкой. Прикладывала мокрое полотенце к кровоподтёкам, обнимала, вытирала слёзы, успокаивала. Вместе плакали.

Галина Павловна вновь на некоторое время замолчала. Воспоминания растревожили душу. Улыбнулась, а глаза наполнились горькими слезинками. Глубоко вдохнула, словно собирала силы, чтобы опять окунуться в прошлое.

И вот в тот злополучный вечер отец пришёл домой с работы, поужинал, переоделся и собрался уходить. Мама встала у двери, предприняла очередную попытку образумить, уговорить. Я, предчувствуя новый скандал, поспешила к *думочкам*, и через бахрому скатерти наблюдала за происходящим в комнате. Ручонками крепко закрывала себе рот, чтобы не кричать.

Отец совсем обезумел, уже не контролировал свои действия, он избивал маму. Я видела, как она падала, поднималась, что-то кричала и от нового удара падала, поднималась, вся окровавленная, но упрямо пыталась закрыть собой входную дверь. В прихожей у вешалки стоял топор. Мои братья, когда кололи лучинки для самовара, оставляли его у порога, чтобы часто не бегать в сарай. Он был лёгкий, небольшой и остро заточенный. Даже мне был по силам. Я увидела, как падая, мама зацепила его рукой. На какой-то миг лицо пересекла жёсткая улыбка... Отец дико закричал, схватился за голову, упал. На полу рядом с ним растеклась большая лужа крови. Мама, обезумев от содеянного, отбросила топор и побежала на улицу.

Пациентка вновь замолчала. Она закрыла глаза и низко опустила голову, словно собирала волю и мужество в кулак, чтобы не заплакать. Через несколько минут Галина Павловна выпрямилась, щёки горели красным маком.

Ирина Владимировна испугалась обострения болезни из-за переживаний.

— У вас давление? Немедленно ложитесь. Я схожу за аппаратом. Перенесём ваши воспоминания на завтра.

Галина Павловна вздохнула.

— Успокойся, Ирочка, это всегда так со мной, когда я начинаю ворошить прошлое, поэтому очень редко предаюсь воспоминаниям. Не спеши и не торопи меня. За долгие годы рана в душе даже не зарубцевалась. Не помню, сколько прошло времени. Мне было очень страшно рядом с неподвижным отцом. Я мышкой выскочила из укрытия и пулей поле-

тела следом за мамой. Заглядывала во все уголки, звала, искала по всей территории нашего участка. Ты не представляешь, как меня в тот момент трясло. Да, да, всё моё тело дрожало осиновым листом, в душе бурлил огненный котёл отчаяния. Нашла мамочку в коровнике, она висела между небом и землёй. Из моей груди вырвался яростный крик. Я выскочила на улицу, стучалась в соседские дома, звала на помощь. Подоспевшие соседи вынули из петли тело мамочки и положили посреди двора. Отца с раздробленной головой вынесли из дома и тоже положили рядом. Так и похоронили вместе.

Родственники, родные сёстры и братья моих родителей, на семейном совете решили не отдавать племянников в детский дом.

Галина Павловна замолчала и прикрыла дрожащими руками глаза.

— Ну, вот опять вам плохо, — забеспокоилась Ирина Владимировна, — я бегу за дежурным! Зачем вы себя изводите кошмарными воспоминаниями?

— Нет, мне сейчас как никогда хорошо. Ты только не уходи, дослушай, это важно и для тебя.

На её побледневшем лице вновь разлился румянец, мгла застелила глаза, наверное, чаша воспоминаний переполнилась.

— Мне без мамы было очень страшно. Тогда я ещё не понимала и не осознавала, что она ушла навечно. Хотя надеялась, верила, что мамочка моя придёт, найдёт и заберёт с собой. В суматохе обо мне не вспомнили, а, возможно, решили, что кто-то из родных раньше уехал и забрал. Окна и дверь дома заколотили досками. А я в это время, наплакавшись, крепко спала. Когда проснулась, поняла, что осталась совсем одна. Кричала, стучала в окна, дверь, но меня никто не слышал. Дом, рубленный из брёвен, стоял посреди участка. За ним — подвал, два сарая. Если бы во дворе оставался сторожевой пёс Пират, он бы, наверное, поднял лай. Но, к сожалению, и его увели.

Время застыло на месте. Я нашла в себе силы, чтобы из своего убежища перейти в спальню родителей. Легла на широкую никелированную кровать, укрылась любимым одеялом мамочки из красного атласа и словно провалилась в пустоту. Изредка просыпалась, звала маму, не дождавшись ответа, снова засыпала.

Галина Павловна ласково посмотрела на медицинскую сестру.

— Ирочка, ведь я полностью не осознавала всю глубину горя. Меня охватила какая-то тоска, появилась опустошённость в душе, забирающая силы. Вдруг в тёмной комнате возник светлый лучик, а в нём образ мамочки. Только она мне казалась какой-то страной, парила в воздухе, а не ходила ножками. Веришь, радости моей не было предела. Мамочка стала показывать мне, где лежат продукты, вода, хлеб, пела песни. Я точно знала, что она рядом и мне совсем не было страшно, любимый голос успокаивал и убаюкивал. Вскоре в пустом доме раздался скрежет. Испугавшись, я попыталась натянуть на голову одеяло, но не смогла, оно было очень тяжёлым. Затем послышались быстрые шаги. В спальню вбежал один из моих старших братьев. Я неподвижно лежала на кровати, только и смогла закрыть глаза от ослепительного дневного света, даже руку не было сил поднять. Он вынес меня на улицу. — Женщина сжала пальцы в кулак, и некоторое время молча смотрела в окно палаты. Затем улыбнулась и сказала:

— Воспитала меня родная сестра мамы, тётя Оля. Она любила, жалела меня, как самую родную и единственную, хотя у неё было трое своих детей. Я получила высшее образование. Удачно вышла замуж. У нас с мужем замечательные дети. Внуки взрослые, подрастают правнуки.

— Ирочка, милая моя девочка! — Галина Павловна взяла медсестру за руку. Нежно гладила и приговаривала:

— Горестные твои истории о семейной жизни подвигли меня рассказать этот печальный опыт из жизни моих родителей. Послушай меня, если тебе трудно живётся с мужем, никогда не жди, что он изменится. От ваших ссор страдают больше всего дети. Любви уже давно нет и вернуть прошедшее невозможно. Мама моя верила, наверное, сильно любила его, надеялась, что муж изменится, но ошиблась. Только оставила сиротами детей. Ты повторяешь судьбу моих родителей, странно, но это так. Разорви замкнутый круг, беги от этого человека без оглядки. Вспомни нашу русскую пословицу «Всё, что ни делается, делается к лучшему».

Ирина Владимировна не спеша шла домой. Рассказанная история стала для неё ушатом холодной воды. Ей стало страшно от мысли, к чему могут привести постоянные скандалы в доме. Женщина осознала, что неспроста болела душа последние дни. Она с малютками стояла на краю пропасти.

Тревога звучала набатом в груди, предупреждая о надвигающейся беде.

— Родные вы мои мальчишки, вы мои близняшки, простите меня. Вам ведь только три годика!

Ирина поняла, что встреча с Галиной Павловной была predetermined свыше. Высшие силы, через испытания маленькой девочки, раскрыли ей глаза на трагизм положения, создавшегося за последние годы. Страх за детей сдавливал грудь. В этот момент о себе уже и не думала.

— Да, да, только так! Дети, вот главная цель в жизни!

Она ускорила шаг.

Десятая глава. Дезинфекция

В маленькой комнатке трудились над бухгалтерскими отчётами, не поднимая головы, специалисты в ватных фуфайках, укутанные вязаными, пуховыми шальями, — ноги в шерстяных носках и валенках. Только руки предательски мёрзли, и специалисты узкого профиля старались согреть коченеющие пальцы о стаканы с горячим чаем.

Их начальница, главная медсестра Н-ского военного госпиталя Ирина Владимировна, не поднимая головы от бумаг, попивала дымящийся чаёк из смородиновых веточек с сухариками, которые многоуважаемая повариха госпиталя сушила в духовке из хлебных остатков. У главной медсестры рабочий день расписан по минутам, и даже ради обеда не могла остановить процесс. Приходилось всё делать на ходу, так как от этих накладных зависела работа кухни, складов, аптеки, водителей. Она крутилась белкой в колесе, чтобы вовремя подписать и проверить отчёты, ведомости, калькуляции, которые в любую минуту могли быть востребованы.

В этот момент трудовую атмосферу нарушила сестра-хозяйка Филипповна. Она ураганом влетела в бухгалтерию, разбурманенная с мороза, в ватной телогрейке, в заиндевевшем пуховом платке, в изящных, подшитых резиной валенках, с новой порцией аппетитно пахнущих сухариков на большой тарелке с голубой, позолоченной каёмочкой, поставила их на стол перед главной медсестрой.

— Девчата, даже на улице теплее, чем у вас. Начальник госпиталя и на вас экономит? Такая экономия дров и угля приведёт к трагедии. Превратитесь в сосульки. Вот, угощай-

тес! Свеженькие, тёпленькие! — налив себе чаю, она присела как обычно на стоящий у двери стул и, хрустя хлебным лакомством, стала рассказывать местные новости. Эта женщина всюду успевала, обо всех всё знала — от её любопытного носа невозможно было что-либо скрыть. О каждом местном происшествии Филипповна каким-то образом всегда узнавала первой, а потом, как сорока, разносила по отделениям.

Вот и сейчас, не переставая жевать, она поведала:

— Наконец-то увезли больного с вирусной инфекцией, гепатитом А, в другой стационар. Ох, уж и долго он бедный ждал машину, сидя в холодном боксе! Благодаря поварихе Сергеевне не заоченел. Сердобольная женщина угостила его сухариками и горячим чаем. Хоть немного подкрепился перед дорогой, ведь когда ещё ему придётся пообедать — дорога-то дальняя...

Ирина Владимировна перестала писать и с жёсткой ноткой в голосе спросила:

— А вы где взяли эти сухарики?

— Да вон, в коридоре на окошке.

Она, охнув, растерянно посмотрела на сухарики, на главную медсестру и вновь перевела взгляд на сухарики. Другие сотрудницы как по команде подняли головы от своих трудов и с ужасом в глазах смотрели на сестру-хозяйку. В комнате зависла звенящая тишина.

— Филипповна, — тихо, с шипящей ноткой, выдохнула Ирина Владимировна, — а возможно, что этот больной оставил там эти сухарики?

— Я не знаю! Тарелку взяла как обычно с подоконника, у окна, который рядом с вашей бухгалтерией.

Ирина Владимировна бросила ручку на стол.

— Всё, приехали! — мысли заработали, как часы. Её уже не беспокоила работа, недоделанные отчёты и ведомости. Как в кино, перед глазами предстали ужасающие кадры будущего. Вначале желтушная стадия — общее недомогание, потеря аппетита, дикие боли в мышцах и суставах, высокая температура, полное кишечное расстройство, резкое понижение давления. И это будет длиться в течение двух — пяти недель. Даже если их успеют вырвать из цепких лап опасной инфекционной болезни, желтизна кожи сохранится ещё не один месяц. Но самое главное — заразиться могли все в этой комнате, кто ел злополучные сухарики. Она медленно, печальным взглядом обвела присутствующих и произнесла:

— Болезнь Боткина? Мы контактные? Получается, все разом заразились?..

— Бог мой! — воскликнула Филипповна, — ведь это эпидемия!

Она прижала руки к груди, побелевшими губами, со слезами, в смятении и дрожью в голосе прошептала:

— Девочки, милые, простите меня! Я это, я вас наградила страшной болезнью! Надеюсь, никто из вас не болел прежде сифилисом или малярией? — Она обвела взглядом притихших и как-то сразу поникших женщин. Её голос изменился и стал хриплым. Медсестры молчали, только лица их становились всё прозрачнее и прозрачнее.

Ирина Владимировна резко остановила стенания сестры хозяйки:

— Ты, Филипповна, точно с ума выжила — что такое болтаешь?

— А вы, что, разве не знаете? У тех людей, которые перенесли эти заболевания, болезнь Боткина, по медицинским терминам гепатит «А», переходит в злокачественную, то есть в острую форму, это, мои дорогие, цирроз печени и всё — конец!

Двадцатилетняя медсестра Эллочка с посиневшими губами, с выразительно округлившимися глазами, почему-то заикаясь, внесла предложение:

— А-а-а давайте выпьем как можно больше горячего чая или нет, лучше *фурацилина*, в процедурке целая трёх литровка, сама утром относила.

Но тишина в бухгалтерии нарастала. Даже было слышно, как за стеной пронзительно гудит северный ветер. Постариковски кряхтят ветки деревьев и стучат в разрисованные сказочными узорами окна. Конечно, коллег по несчастью парализовал страх перед неясным будущим, им даже казалось, что волосы стали шевелиться не только на макушке.

Филипповна, нервно зашагала от стола к двери и обратно, громко восклицая:

— Ой, мамочка, что я наделала! Ой, мамочка, возьми меня обратно...

— Да присядь ты! — еле сдерживая внутреннее раздражение, крикнула Ирина Владимировна. Она уже не думала о сроках сдачи документов. Теперь вся эта суета сует и проблема отошла на второй план. В один миг была перечёркнута

вся жизнь, впереди неопределённость. Дети останутся сиротами. Обвела опустошённым, печальным взглядом своих подруг по несчастью, помолчала некоторое время, и вдруг предложила:

— А не выпить бы нам с вами?

Филипповна остановилась у стола, с удивлением посмотрела на главную, а потом, словно очнувшись, радостно поддержала:

— Да, да, конечно, спирта! Я мигом, я на склад! Я сейчас!

Дружно, обречённо выпили залпом, и закусили всё теми же сухариками.

Сковавший все мышцы тела страх стал отступать, кровь теплой рекой побежала по венам, и на бледных лицах разлился румянец.

— Наливать ещё? — робким заискивающим голоском спросила Филипповна, преданно заглядывая в глаза начальнице.

— Наливай! Была, не была, помирать — так с музыкой! — подвела черту Ирина Владимировна. Им уже даже стало жарко, и теперь это происшествие с вирусом не казалось таким безысходным.

— Авось пронесёт! — промолвила Эллочка, развязывая узел на пуховом платке и расстёгивая пуговицы на ватнике.

Они и не заметили, как за их дружной компанией уже минут десять наблюдает заведующая пищевым блоком Н-ского госпиталя Людмила Матвеевна. Дородная, пышногрудая, в отливающем голубизной халате, накрахмаленной шапочке из марли на голове. Она очень торопилась за калькуляцией, бросив другие неотложные дела. Сергеевне, поварихе, необходим этот документ, как воздух. Без него она не могла составить раскладку из продуктов для обеда стационарным пациентам госпиталя. Но то, что увидела, её не только удивило и озадачило, но и возмутило до глубины души. Она прекрасно и давно знала Ирину Владимировну, — не один год работали вместе, — как очень ответственного сотрудника. Теперь все сослуживцы, возглавляемые главной медсестрой, пили не чай, а чистый не разведённый спирт, закусывая, считай, только рукавом (сухарики не в счёт). На столе, среди отодвинутых в сторонку документов, — банка с нарисованной змеёй и надписью большими буквами «СПИРТ». Лицо заведующей пищеблоком госпиталя побагровело от возмущения. Нарисованные брови взметнулись вверх, колючие молнии блеснули из глаз. Но, сумев вовремя обуздать и не

выпустить на свободу свой праведный гнев, задала казалось простой, но шкурный вопрос:

— А что здесь происходит? По какому поводу праздник?

Филипповна, оглянувшись на голос, резво подскочила, обняла за плечи и подвела к столу.

— Хочешь с нами за компанию? — заботливо пододвинула полную до краёв стопку, пояснив:

— Понимаешь, так вышло, мы проводим дезинфекцию изнутри. Всё под контролем на сто процентов. Теперь ни одна даже малюсенькая бактерия не выживет.

Людмила Матвеевна осторожно отодвинулась от неё на расстояние вытянутой руки, непонимающе, с сарказмом обвела стоящих вокруг стола сотрудников со стопками. Бактерии? Вы что, — больные?

— Да! Все — сидящие в этой комнате, — со счастливой ноткой в голосе согласилась с ней Филипповна. При этом, не забывая доливать горячительное коллегам.

— А можно поинтересоваться, чем вы заразились все и так сразу?

Филипповна указала на злополучную тарелку:

— Вот, полюбуйся, — это они! Скажи, ты угощала сегодня сухариками больного, которого переводили из-за инфекции Боткина в другой стационар?

— Да, угощала! А что? Не понимаю?

— Так вот, он забыл эти сухарики на окне, а мы их съели.

Теперь Филипповна горестно опустила голову на грудь, глубоко вздохнула, вернулась на своё любимое место у двери и опустилась на промёрзший стул.

— Я принесла этот треклятый вирус с этими треклятыми сухариками девочкам и я, понимаешь, я виновата в общем заражении и в эпидемии. Но теперь и ты в контакте? И зачем пришла? — она закрыла лицо уголком пухового платка и горько зарыдала.

Заведующая столовой взяла в руку один сухарик и зашлась раскатистым смехом.

— Девчушки, вы точно заработались! Мы те сухари давно убрали и выбросили, согласно санитарным требованиям. А эти с пылу жару, прямо из духовки помощник повара вам несла — я попросила. Но по дороге она вспомнила, что не сняла с плиты бульон и вернулась на кухню. А эту тарелку поставила на окно, где вы, Филипповна, её и нашли и как

всегда устроили бурю в стакане. Вытирайте слёзы, убирайте спирт, эпидемия отменяется!

В комнате, в зыбкой тишине, через минуту грянул звонкий, счастливый, женский смех.

Одиннадцатая глава. Ангелы-хранители

Закипевший чайник на газовой печке в кухне напомнил хозяйке, что пора угощать гостей душистым чаем. Испечённые ватрушки манили своим запахом. Ирина Владимировна пригласила всех к столу. Ольга Николаевна и Марина Фёдоровна заскочили на минутку провести подружку, да и засиделись.

— Да, — воскликнула Марина Фёдоровна, — здорово же жизнь тебя, Иринка, пощипала. Мы с Олюшкой не успевали тебя вытягивать из разных передряг. Не заметили, как пролетело время, всё в заботах и заботах. Но ты не лыком шита. Смотри, каких ребят подняла! Боюсь, скоро бабкой станешь! А личную жизнь когда будешь устраивать? Молоденькая ты ещё, на русалочку похожая. Счастье твоё где-то рядом бродит!

Ирина Владимировна отмахнулась от её слов.

— Да ну вас, счастье! Вон — моё счастье бегаёт. Наверное, не подобрал Господь для меня вторую половинку. И вы — моё счастье. Всевышний вас ко мне приставил, словно Ангелов-хранителей. Вот я к Богу и потянулась. Мне хорошо, спокойно, когда читаю молитвы, слушаю в церкви службу.

Ольга Николаевна переглянулась с подругой.

— Иринка, ты что, в секту записалась? Побойся Бога, детей пожалей!

Ирина Владимировна поставила на стол чашку с недопитым чаем, поправила и разгладила все складки на белой скатерти.

Марина Фёдоровна тоже в напряжении ждала ответа. Ирина Владимировна, как всегда с выдержкой и спокойствием в голосе, улыбаясь, ответила:

— Нет, это ни секта. Это церковь наша гарнизонная. Помните батюшку, малышом крестил? Я в трудные минуты к нему обращалась, ближе познакомилась. Вот и стал он нашим духовником. В это воскресенье с мамой, детьми в гости идём. Поедем с сёстрами и прихожанами по святым местам. Они все добрые, отзывчивые, мне с ними легко.

Подружки обратили внимание на Ирину в тот момент, когда она стала рассказывать о Боге. Её лицо преобразилось. Глаза наполнились необыкновенным лучезарным светом, а голос стал каким-то умиротворённым. Она изменилась и внешне, и внутренне. Женщинам показалось, что над её головой нежно парил голубой ореол.

— А мы и не догадывались, что ты ходишь в церковь. Твоя душа нашла себе отдушину. Мы замечали перемены в тебе. Так, Марина? — воскликнула Ольга Николаевна.

— Да, — подтвердила Марина Фёдоровна. — Примечали и радовались. Ты, Ирочка, стала спокойнее, а твои глаза избавились от глухой тоски. Они заискрились и засияли звёздочками. Мы рады за тебя. Прости за любопытство, о бывшем муже что-либо известно? Помните, как он себя любил величать — «Белая кость»? Надо же, придумал! Сам-то из деревни. Думали, — парень умница. Военное училище с отличием закончил, и всё пошло прахом. Кем стал? Зазнался. Мой муж как-то говорил, что в Болгарии он, женился, детей не нажил.

Ирина Владимировна загадочно улыбнулась. Улыбка лучезарными лучиками разлилась по её спокойному лицу.

— И не будет! Не может больше Господь послать ему такую благодать. Дети — это Божья награда. Он от них отрёкся. Большое испытание нужно пройти, чтобы Господь снял с него все грехи. Я его, подруженьки, давно простила, но из груди вырвала навсегда. Двери моего сердца для него закрыты на амбарный замок, а ключ я выбросила в глубокое озеро.

Декабрь 2018 г.

Содержание

Женькины рассветы

Повесть

1. Егоза	3
2. Задание на лето	6
3. Лепестки первой любви	10
4. Цветы солнца	14
5. Подкидыши	18
6. Я с тобой	23

Испытание на прочность

Повесть

Глава 1. Возврат в прошлое	34
Глава 2. На волосок от смерти	41
Глава 3. На излом	49
Глава 4. Скала тишины	56
Глава 5. Карагасы	63
Глава 6. Ральф	71

Белая кость

Повесть

Первая глава. Надежды и мечты	77
Вторая глава. Новобрачные	81
Третья глава. Переполох	84
Четвёртая глава. Серая мышь	89
Пятая глава. Предательство	91
Шестая глава. Рождение близнецов	93
Седьмая глава. Соперница	95
Восьмая глава. Одиночество	97
Девятая глава. Всё, что ни делается, — к лучшему	101
Десятая глава. Дезинфекция	108
Одиннадцатая глава. Ангелы-хранители	113

Литературно-художественное издание

Жиркова Надежда Николаевна
Хрустальные грани
Повести
Книга третья

Редактор *Павел Малов*
Вёрстка, корректура *Павел Малов*
Обложка *Надежда Жиркова*

Сдано в набор 06.12.2023. Подписано в печать 03.01.2024.
Формат 60x84 1/16. Печать ризография.
Гарнитура Times New Roman. Объём 7 усл.печ.л.,
116 стр. Обложка полноцветная, мягкая, ламинированная.
Тираж 100 экз. Заказ № 80.

ООО «Мини-Тайп»
Гор. Ростов-на-Дону, пр. Ворошиловский, 87/65.
Тел.: (863)282-63-63.

Отпечатано:
Издательско-полиграфическая фирма «Тональ»
гор. Ростов-на-Дону, ул. Ерёменко, 66/1.
Тел.: 8-928-131-94-72.
E-mail: tonal-print@yandex.ru